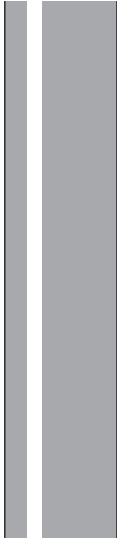

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Майкопский государственный технологический университет»

ВЕСТНИК МАЙКОПСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Том 15 No 4 2023

Журнал издаётся с 2009 года

Майкоп 2023

<i>Наименование</i>	Вестник Майкопского государственного технологического университета Том 15 № 4 2023
<i>Периодичность:</i> <i>Префикс DOI:</i> <i>ISSN</i>	4 выпуска в год, журнал издается с 2009 года 10.47370 ISSN 2078-1024
<i>Свидетельство о регистрации средства массовой информации</i>	Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-85521 от 04 июля 2023 г.
<i>Условия распространения материалов</i>	Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
<i>Подписка на журнал «Вестник Майкопского государственного технологического университета»</i>	Подписку на журнал «Вестник Майкопского государственного технологического университета» можно оформить по индексу Э66022 на сайте Объединенного каталога «Пресса России» www.ppressa-rg.ru , в электронном каталоге Почты России по индексу ПК399, а также по индексу 66022 в электронном каталоге УРАЛ-ПРЕСС https://www.ural-press.ru/ Стоимость подписки на полугодие – 2400 руб.
<i>Учредитель / издатель:</i>	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет» 385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191
<i>Редакция:</i>	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет» 385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191, тел.: 8(8772)52 30 03 e-mail: mgту_konf@mkgtu.ru http://vestnikmkgtu.ru/
<i>Типография:</i>	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет» 385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191, тел.: 8(8772)52 30 03 e-mail: mgту_konf@mkgtu.ru
<i>Дата публикации:</i>	27.12.2023
<i>Копирайт</i>	© Вестник Майкопского государственного технологического университета, 2023
<i>Индексирование:</i>	Российский индекс научного цитирования – библиографический и реферативный указатель, реализованный в виде базы данных, аккумулирующий информацию о публикациях российских ученых в российских и зарубежных научных изданиях.
<i>Тираж</i>	500 экз. Цена свободная

Federal Statebudget Educational Institution
of Higher Education «Maikop State Technological University»

**VESTNIK
MAJKOPSKOGO
GOSUDARSTVENNOGO
TEHNOLOGIČESKOGO
UNIVERSITETA**

Volume 15 No 4 2023

First published 2009

Maikop 2023

<i>Title:</i>	Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta Volume 15 No 4 2023
<i>Frequency:</i>	4 issues a year, the journal has been published since 2009
<i>DOI prefix:</i>	10.47370
<i>ISSN</i>	2078-1024
<i>The certificate of registration of mass media</i>	Registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). Certificate PI № FS77-85521, July 04, 2023
<i>Terms of distribution of materials</i>	The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License
<i>Subscription to «Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta» journal</i>	You can subscribe to «Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta» journal on the website of the «Press of Russia» United Catalog www.pressa-rf.ru under the E66022 index and in the electronic catalog of the Russian Post under the PK399 index, and in the electronic catalog of the Ural Press under the 66022 index https://www.ural-press.ru/ On the territory of Russia the cost of a six-month subscription is 2400 rubles.
<i>Founder:</i>	Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Maikop State Technological University» 385000, Maikop, 191, Pervomayskaya str.
<i>Editorial office:</i>	Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Maikop State Technological University» 385000, Maikop, 191, Pervomayskaya str. tel.: 8(8772)52 30 03 e-mail: mgmt_konf@mkgtu.ru http://vestnikmkgtu.ru/
<i>Printing house:</i>	Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Maikop State Technological University» 385000, Maikop, 191, Pervomayskaya str. tel.: 8(8772)52 30 03 e-mail: mgmt_konf@mkgtu.ru
<i>Publication date:</i>	27.12.2023
<i>Copyright</i>	© Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta, 2023
<i>Indexation:</i>	The Russian Science Citation Index is a bibliographic and abstract index implemented in the form of a database that accumulates information on publications by Russian scientists in Russian and foreign scientific journals.
<i>Circulation:</i>	500 issues circulation Price free

МЕЖДУНАРОДНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Тхакушинов Асланчери Китович, доктор социологических наук, профессор, действительный член (академик) Российской академии образования, президент ФГБОУ ВО «МГТУ», заведующий кафедрой философии, социологии и педагогики ФГБОУ ВО «МГТУ»

Зам. главного редактора:

Овсянникова Татьяна Анатольевна, доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе и инновационному развитию

Члены редакционной коллегии:

Бадмаев В.Н., доктор философских наук, профессор (ФГБОУ ВО «КалмГУ им. Б.Б. Городовикова», г. Элиста, Россия);

Нехай В.Н., доктор социологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «АГУ», г. Майкоп, Россия);

Азашиков Г.Х., доктор философских наук, профессор (ФГБОУ ВО «МГТУ», г. Майкоп, Россия);

Хагуров Т.А., доктор социологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «КубГУ», г. Краснодар, Россия);

Сиюхова А.М., доктор культурологии, доцент (ФГБОУ ВО «МГТУ», г. Майкоп, Россия);

Кудаева С.Г., доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «МГТУ», г. Майкоп, Россия);

Сефербеков Р.И., доктор исторических наук, профессор (ФГБУН ИИАЭ ДФНЦ РАН, г. Махачкала, Россия);

Мухаджиев С.-Х.Х., кандидат исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «МГТУ», г. Майкоп, Россия);

Поддубная Т.Н., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «КГУФКСТ», г. Краснодар, Россия);

Алиева С.И., доктор исторических наук, профессор (Азербайджанский государственный педагогический университет, г. Баку, Азербайджанская Республика);

Сопов А.В., доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «МГТУ», г. Майкоп, Россия);

Шувакович У.В., доктор политических наук, профессор (PhD), (Приштинский университет, г. Белград, Сербия);

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор (РУДН, г. Москва, Россия);

Омер Туран, доктор исторических наук, профессор (Технический университет Ближнего Востока, г. Анкара, Турция);

Хагуров А.А., доктор социологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «КубГАУ», г. Краснодар, Россия);

Пивненко П.П., доктор педагогических наук, профессор (ФГАОУ ВО «РостГМУ», г. Ростов-на-Дону, Россия);

Бегидова С.Н., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «АГУ», г. Майкоп, Россия);

Волкова О.А., доктор социологических наук, профессор (ОУП ВО «АТиСО», г. Москва, Россия);

Панеш А.Д., доктор исторических наук, доцент (ГБУ РА «АРИГИ им. Т.М. Керашева», г. Майкоп, Россия);

Чумичева Р.М., доктор педагогических наук, профессор (ФГАОУ ВО «ЮФУ, Академия психологии и педагогики», г. Ростов-на-Дону, Россия);

Лукьяненко В.П., доктор педагогических наук, профессор (ФГАОУ ВО «СКФУ», г. Ставрополь, Россия);

Мусханова И.В., доктор педагогических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ЧГУ», г. Грозный, Россия);

Гапуров Ш.А., доктор исторических наук, профессор (ГКНУ «Академия наук Чеченской республики», г. Грозный, Россия);

Соловей Т.Д., доктор исторических наук, профессор (МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия);

Карлов В.В., доктор исторических наук, профессор (МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия);

Кечина Е.А., доктор социологических наук, профессор (Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

Амирова Л.А., доктор педагогических наук, доцент (ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы», г. Уфа, Россия);

Голенкова З.Т., доктор философских наук, профессор (Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской Академии наук, г. Москва, Россия);

Краснощекова Г.А., доктор педагогических наук, доцент (Южный федеральный университет, г. Таганрог, Россия);

Бенин В.Л., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы», г. Уфа, Россия);

Жаркынбаева Р.С., доктор исторических наук, профессор (Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан);

Бобкова Е.М., доктор социологических наук, доцент (Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Институт государственного управления права и социально-гуманитарных наук, г. Тирасполь, Молдова. Приднестровье);

Маликов Р.Ш., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», г. Набережные Челны, Россия);

Ромашина Е.Ю., доктор педагогических наук, профессор (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия).

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD:

Chief Editor:

Tkhakushinov Aslancheriy Kitovich, Dr Sci. (Sociology), Professor, a full member (academician) of the Russian Education Academy, President of FSBEI HE «MSTU», head of the Department of Philosophy, Sociology and Pedagogics of FSBEI HE «MSTU»

Deputy Chief Editor:

Ovsyannikova Tatiana Anatoljevna, Dr Sci. (Philosophy), Professor, prorector for scientific work and innovative development

Members Editorial Board:

Badmayev V.N., Ph.D., professor (FSBEI HPE «KalmSU named after B.B. Gorodovikov», Elista, Russia);

Nekhay V.N., Dr Sci. (Sociology), associate professor (FSBEI HE «ASU», Maikop, Russia);

Azashikov G.H., Ph.D, professor (FSBEI HE «MSTU», Maikop, Russia);

Khagurov T.A., Dr Sci. (Sociology), professor (FSBEI HE «KubSAU», Krasnodar, Russia);

Siyyukhova A.M., Dr Sci. (Culturology), associate professor (FSBEI HE «MSTU», Maikop, Russia);

Kudayeva S.G., Dr Sci. (Hist.), professor (FSBEI HE «MSTU», Maikop, Russia);

Seferbekov R.I., Dr Sci. (Hist.), professor (FSBIS IHAЕ DFSC of the RAS, Makhachkala, Russia);

Muskhadzhiyev S.-H.H., PhD (History), associate professor (FSBEI HE «MSTU», Maikop, Russia);

Poddubnaya T.N., Dr Sci. (Ped.), professor (FSBEI HE «KSUPCS», Krasnodar, Russia);

Alieva S.I., Dr Sci. (Hist.), professor (Institute of History of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku the Azerbaijan Republic);

Sopov A.V., Dr Sci. (Hist.), professor (FSBEI HE «MSTU», Maikop, Russia);

Shuvakovich U.V., Dr Sci. (Politics), professor (Pristina University, Belgrad, Serbia);

Kechina E.A., Dr Sci. (Sociology), professor (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus);

Narbut N.P., Dr Sci. (Sociology), professor (PFUR, Moscow, Russia);

Omer Turan, Dr Sci. (Hist.), professor (Middle East Technical University, Ankara, Turkey);

Khagurov A.A., Dr Sci. (Sociology), professor (FSBEI HE «KubSU», Krasnodar, Russia);

Pivnenko P.P., Dr Sci. (Ped.), professor (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia);

Begidova S.N., Dr Sci. (Ped.), professor (FSBEI HE «ASU», Maikop, Russia);

Volkova O.A., Dr Sci. (Sociology), professor (EITU HE «ALandSR», Moscow, Russia);

Panesh A.D., Dr Sci. (Hist.), associate professor (SBI RA «ARIHR named after T.M. Kerashev», Maikop, Russia);

Chumicheva R.M., Dr Sci. (Ped.), professor (FSAEI HE «SFU, Academy of Psychology and Pedagogy», Rostov-on-Don, Russia);

Lukyanenko V.P., Dr Sci. (Ped.), professor (FSAEI HE «NCFU», Stavropol, Russia);

Muskhanova I.V., Dr Sci. (Ped.), associate professor (FSBEI HE «ChSU», Grozny, Russia);

Gapurov Sh.A., Dr Sci. (Hist.), professor (SOSI «The Chechen Republic Academy of Sciences», Grozny, Russia);

Solovey T.D., Dr Sci. (Hist.), professor (MSU named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia);

Karlov V.V., Dr Sci. (Hist.), professor, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (MSU named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia);

Zharkynbayeva R.S., Dr Sci. (Hist.), professor, (Kazakh National University named after al-Farabi, Almaty, Kazakhstan);

Amirova L.A., Dr Sci. (Ped.), associate professor (FSBEI HE «BSPU named after M. Akmulla», Ufa, Russia);

Golenkova Z.T., Dr Sci. (Philosophy), professor (Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia);

Bobkova E.M., Dr Sci. (Sociology), associate professor (Trans-Dniester state university named after T.G. Shevchenko, Institute of Public Administration, Law and Social and Human sciences, Moldova, Tiraspol, Trans-Dniester);

Krasnoshchekova G.A., Dr Sci. (Ped.), associate professor (The Southern Federal University, Taganrog, Russia);

Malikov R.Sh., Dr Sci. (Ped.), professor (Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russia);

Romashina E.Yu., Dr Sci. (Ped.), professor (Tula state pedagogical university named after L.N. Tolstoy, Tula, Russia).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Джабаева Т.Ч. Особенности феодально-крепостнических отношений у народов Северного Кавказа в первой половине XIX века	13
Иващенко А.С. Эволюция внутривосточного положения в Ливии после свержения режима М. Каддафи	22
Муслимова Н.Т. К вопросу о становлении правовой системы Дагестана в 20–30 гг. XX в.	30
Хапчаев С.Т. Подземная железная дорога: основные аспекты функционирования	38

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аппаева Я.Б., Кюнкрикова И.В. Этнокультурный потенциал в процессе формирования здорового образа жизни у младших школьников.	46
Белорукова М.В., Золотова М.В. Видеоблогинг в преподавании английского языка в неязыковом вузе.	54
Бибалова С.А., Леонтьева А.В. Онлайн-курсы в образовательном процессе вуза	64
Гришина И.С. Значение фольклорных произведений для социального развития младших подростков в деятельности социального педагога	74
Евенок Е.В., Гливенкова О.А. Цифровая трансформация образования и современные образовательные технологии	83
Клименко П.В., Шпырня О.В. Приоритетные направления патриотического воспитания современной молодежи в условиях проведения специальной военной операции	93
Пивненко П.П., Витенко Н.П. Наукометрический анализ развития отечественных диссертационных исследований, содержащих в названиях категорию «патриотическое воспитание»	101
Путилов Е.В. Воспитание гражданственности как научная проблема	113
Сироткин О.Е. Категория «гражданственность» как педагогическая проблема	120
Сиюхова Д.Б., Демина Т.И. Методика вывода закона радиоактивного распада и закона поглощения излучений с использованием свойства показательной функции при изучении физики в системе среднего профессионального образования	128

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кушхова А.М., Кубова А.А. Становление волонтерских движений в России: проблемы развития и динамика	135
Лашёнов М.С. Социальное партнерство в правоохранительной сфере: теоретико-методологические аспекты исследования	143
Соколова Н.О. Теоретико-методологические основания исследования проблем развития социальных ресурсов территориальных общностей	153

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

Dzhabaeva T.Ch. Features of feudal-serf relations among the peoples of the Northern Caucasus in the first half of the XIX century	13
Ivashchenko A.S. The evolution of the internal political situation in Libya after the overthrow of the Gaddafi regime	22
Muslimova N.T. Revisiting the establishment of the legal system in Dagestan in 1920–30s	30
Khapchaev S.T. The Underground Railroad: main aspects of operation	38

PEDAGOGICAL SCIENCES

Appaeva Y.B., Kyunkrikova I.V. Ethnocultural potential in the process of healthy lifestyle forming in younger schoolchildren	46
Belorukova M.V., Zolotova M.V. Video blogging in teaching English at a non-linguistic university	54
Bibalova S.A., Leontyeva A.V. Online courses in the educational process of a university	64
Grishina I.S. The significance of folklore works for the social development of younger adolescents in the activities of a social pedagogue	74
Evenko E.E., Glivenkova O.G. Digital transformation of education and modern educational technologies	83
Klimenko P.V., Shpyrnya O.V. Priority directions of patriotic education of modern youth in the conditions of a special military operation	93
Pivnenko P.P., Vitenko N.P. Scientometric analysis of domestic dissertation research, containing the category of «patriotic education» in their titles	101
Putilov E.V. Education for citizenship as a scientific problem	113
Sirotkin O.E. The category of «citizenship» as a pedagogical problem	120
Siyukhova D.B., Demina T.I. Methods for deriving the law of radioactive decay and the law of radiation absorption using the property of the exponent function when studying Physics in the system of secondary vocational education	128

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Kushkhova A.M., Kubova A.A. The formation of volunteer movements in Russia: development problems and dynamics	135
Laschenov M.S. Social partnership in law enforcement: theoretical and methodological aspects of the research	143
Sokolova N.O. Theoretical and methodological foundations for studying the problems of developing social resources of territorial communities	153

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCES

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-13-21>
УДК 94(479)«18»
© 2023

Т.Ч. Джабаева

Особенности феодально-крепостнических отношений у народов Северного Кавказа в первой половине XIX века

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала,
Российская Федерация*

Аннотация

Первая половина XIX в. является периодом, когда Северный Кавказ постепенно входит в струю социально-экономического и политического развития Российской империи.

Глубокий анализ особенностей феодально-крепостнических отношений на Северном Кавказе очень важен и актуален для исторической науки, так как он объясняет возникновение проблем и противоречий в период вхождения данных регионов в состав Российской империи, осуществления крестьянской реформы, образования на этих землях российской администрации, изменение судебной системы.

В подготовке и в процессе интеграции Северного Кавказа в российское правовое поле участвовали все звенья кавказской администрации. Основной целью исследования являются: определение значимости социального вопроса в условиях этнического составляющего региона, исследование социально-экономических и земельных отношений на Северном Кавказе, характеристика социальной структуры обществ.

В процессе исследовательской работы над статьей были использованы методы сравнительно-исторического анализа, синтеза и обобщения, а также принцип объективности и историзма, предоставивший возможность проанализировать различные эпизоды и явления с исторической точки зрения.

Результаты исследования заключаются в том, что в статье прослежен процесс сбора сведений об истории возникновения и развития феодальных отношений в регионе, определена специфика земельно-правовых норм, их сложность и запутанность, обуславливающая существующую социальную структуру обществ. Выводы: определено значение адаптации населения к новым политическим условиям для дальнейшего подъема уровня социально-экономического развития обществ Северного Кавказа.

Ключевые слова: Северный Кавказ, социальная структура, зависимые сословия, земельно-правовые нормы, феодальная зависимость, социально-экономическое развитие, кавказская администрация, интеграция

Для цитирования: Джабаева Т.Ч. Особенности феодально-крепостнических отношений у народов Северного Кавказа в первой половине XIX века // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 4. С. 13–21. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-13-21>.

T.Ch. Dzhabaeva

Features of feudal-serf relations among the peoples of the Northern Caucasus in the first half of the XIX century

Dagestan State University (DSU), Makhachkala, the Russian Federation

Abstract

The first half of the 19th century is a period when the North Caucasus gradually enters the stream of socio-economic and political development of the Russian Empire.

A deep analysis of the features of feudal-serf relations in the North Caucasus is very important and relevant for historical science, since it explains the emergence of problems and contradictions during the period when these regions became part of the Russian Empire, the implementation of peasant reform, the formation of the Russian administration on these lands, and changes in the judicial system.

All levels of the Caucasian administration participated in the preparation and process of integration of the North Caucasus into the Russian legal field. The main purpose of the research is to determine the significance of the social issue in the context of the ethnic component of the region, to study socio-economic and land relations in the North Caucasus, to characterize the social structure of societies.

In the process of research work on the article, methods of comparative historical analysis, synthesis and generalization were used, as well as the principle of objectivity and historicism, which provided the opportunity to analyze various episodes and phenomena from a historical point of view.

As a result of the research the process of collecting information about the history of the emergence and development of feudal relations in the region has been traced, the specifics of land legal norms, their complexity and intricacy have been identified, which determines the existing social structure of societies. Conclusions: the importance of adaptation of the population to new political conditions for further raising the level of socio-economic development of the societies of the North Caucasus has been determined.

Keywords: the North Caucasus, social structure, dependent estates, land legal norms, feudal dependence, socio-economic development, Caucasian administration, integration

For citation: Dzhabaeva T.Ch. Features of feudal-serf relations among the peoples of the Northern Caucasus in the first half of the XIX century // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2023. Volume 15, No 4. P. 13–21. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-13-21>.

Введение. Феодално-крепостнические отношения у населения Северного Кавказа имели свои характерные черты, что было связано с национальным и социальным составом данных регионов, а также с определенной деятельностью представителей кавказской администрации.

В Осетии, Кабарде, Дагестане и в Адыгее население испытывало различный уровень феодално-крепостнических отношений, который зависел от географического положения региона, земельно-правовых отношений, от исторически сложившихся особенностей социально-экономических отношений, политического статуса феодалных владетелей.

Основная часть. Формирование осетинских поселений на Северном Кавказе началось с середины XVIII века, после присоединения Осетии к России. До начала XIX века у них преобладали феодално-крепостнические отношения, получившие наибольшее развитие в Южной Осетии и в отдельных частях Северной Осетии – в Тагаурии и Дигории.

В Южной Осетии население делилось на два социальных класса – «старшин» (князья или дворяне) и зависимых от них «подвластных людей». Княжеское и старшинское достоинство являлось родовым и не приобреталось ни покупкой, ни другими личными качествами. Крестьянство было представлено несколькими группами – это адамихаты, кумаяги, кусаги и хехесы, отличавшимися друг от друга степенью зависимости от феодалов.

Наиболее значительной была группа адамихатов. Они не были прикреплены к земле и могли переходить от одного феодала к другому, оставив при этом все свое имущество прежнему владельцу. Кроме того, они отбывали натуральную и отработочную повинности.

Кумаяги – это незаконнорожденные дети и потомки феодалов. Они жили при усадьбе феодала, несли повинности и их нельзя было продавать.

Самое тяжелое социальное положение, подобно рабам, было у кусагов – их могли купить, продать, убить.

Хехесы – это переселившиеся в Дигорию крестьяне, которые за пользование землей должны были выполнять определенные повинности.

У осетин шла борьба крестьян против крупных феодалов – бадиятов, которые насильственно захватывали земли в горах и на равнине.

В Тагаурии и Дигории общество делилось на феодалов – алдаров (11 фамилий) и зависимых крестьян – фарсаглагов, кавдасардов и кусагов. Фарсаглаги были самой многочисленной прослойкой крестьян. Не имея собственных земель, они жили на землях феодалов, неся повинности. Кавдасарды, как и дигорские кумаяги, были детьми наложниц со всеми вытекающими обстоятельствами их социального положения.

В Куртатинском обществе Осетии феодалные отношения были аналогичны отношениям в Тагаурии. Здесь имелись те же прослойки крестьян и феодалов, то есть были два сословия – высшее и низшее [1, с. 100].

Высшее сословие состояло из нескольких фамилий, среди которых наиболее привилегированными считались Арисхановы, Гуриевы, Цаликовы и Есиевы. При анализе русско-осетинских отношений эти фамилии часто встречаются в документах. Их положение базировалось на наличии большого количества пахотных земель, которые они сдавали в аренду жителям соседних районов. Были такие роды или фамилии, которые до присоединения к России занимали высокое положение по всей Центральной Осетии и пользовались поддержкой грузинских князей (например, Хетагуровы).

В Джавской котловине, где находилось владение князей Мачабели, каждое семейство до второй половины XIX века обязано было давать ежегодно своему феодалу: три барана, определенное количество коров (в зависимости от размера земельного надел-

ла) и различные натуральные продукты. Кроме этого, крестьяне отбывали барщину для своего помещика. То есть социальное положение низших сословий было очень тяжелым.

Кроме крепостных крестьян в Южной Осетии были личносвободные люди – хизаны (ушедшие от своих прежних феодалов), но и они выполняли феодальные повинности [2, с. 94].

Острая нужда в земле в горной Осетии ощущалась весь XIX век. Даже переселение значительного числа северных осетин на равнину в поисках земли не решило проблему населения, оставшегося в горах. Земельные участки были дорогие.

В равнинной Осетии крупные феодалы сдавали землю за арендную плату крестьянам [3, с. 67]. Существовало несколько видов арендной платы, например, половина урожая. На равнине аренда все время увеличивалась, особенно во второй половине XIX века, когда широкое развитие получила кукуруза.

Во второй половине XIX века классовая борьба крестьян Осетии особенно обострилась. В 1867 г. здесь было отменено крепостное право и была проведена земельная реформа. Реформа не обеспечила крестьян достаточными наделами и еще более обострила социальный кризис.

Земельная реформа не уничтожила феодальный гнет, так как до начала XX века здесь сохранялись разные виды эксплуатации крестьян. Значительная часть пахотной земли оказалась в руках кулачества, в то время как крестьяне были вообще лишены.

В Кабардинском обществе значительное место так же, как и в Осетии, занимали фамильные группы. Еще до появления русских войск на Кавказе, Кабарда делилась на две части – Большую и Малую. Четыре фамилии – Атажукинские, Мисостовские, Бекмурзинские и Кайтукинские – составляли Большую Кабарду. Последняя фамилия – Таусултановская – составляла Малую Кабарду.

До покорения Кавказа, Кабарда жила довольно замкнутым феодальным строем. Все население делилось на свободных и зависимых. Свободные – это пши-князь, пши-тума – побочные княжеские дети, тлоктлешь – уздень 1-й степени (дворянин), дыженуго, уорк– уздени 2-й степени (рядовые дворяне), беслан-уорк – свободный оруженосец князя, уорк-шаотлехусо – свободный оруженосец узденей, азат – вольноотпущенник, ишикесу – придворная охрана.

Зависимое население делилось на: ог – крестьянин, но обязанный князю службой, логунут – крепостной, несвободный, унаут – несвободный дворовой.

Однако даже при наличии феодального сословия в Кабарде практически отсутствовала частная собственность на землю. Это объяснялось кочевым образом жизни кабардинцев и правом «сильного». Как правило, лучшие пастбища и зимовники захватывались более сильными. Этот захват пастбищ был временным, по мере надобности аул уходил в другое место, оставив землю для аула другой фамильной группы. Кочевнику-скотоводу было невыгодно иметь постоянные собственные земли. Частная собственность могла бы поставить скотовода в безвыходное положение каждый раз, когда его пастбища приходили бы в негодность или аулы его фамильной группы уходили бы в другое место. Длительность проживания кабардинцев на одной местности составляла от 7 до 20 лет. Таким образом, в этот период никто, в том числе и господствующее сословие, не имело нужды в собственности на землю. До 1868 г. господствующее сословие сохраняло на временной территории права своей фамильной группы.

В первой половине XIX в., постепенно расширяя свои политические права, высшие сословия обзавелись рабами, холопами и поставили в зависимое положение ряд бывших свободных сословий. Рабы и холопы выполняли всевозможные обязанности во дворе своих хозяев, а зависимые

сословия по требованию князя и узденя доставляли все необходимое – скот, просо и прочее. Князья и уздени неограниченно могли распоряжаться жизнью и имуществом своих подвластных, но это не вытекало из их права собственности на землю. Князья владели людьми, а поземельной собственности не имели. Они могли взять у своих подданных безвозвратно все, что им понадобится [4, с. 37].

Зависимость от феодала и выполнение установленных повинностей заключалась в его обязанности по охране фамильной территории. Это право высшие сословия расширяли в течение всего XVIII и первой половины XIX вв., и к этому времени они пользовались широкими политическими правами, но земля их оставалась вне их распоряжения ввиду бесконечных кочеваний его аулов. Осуществить право на землю в подобных условиях было невозможно. Ведь не было главного фактора к закреплению земли – ценности земли. Аулы какой-нибудь фамильной группы (10–25 дворов), истощив свои пастбища, уходили в другое место, с ними уходил и их князь. На новом месте аулы сообща использовали занятые земли, захватывая по количеству скота известные районы пастбищ и зимовок. Этот захват и являлся первым временным правом на землю. Князья и уздени, если имели свои стада, то захватывали лучшие земли. Этот факт подтверждается жалобами и прошениями трудящихся Кабарды в первой половине XIX в.

Изучая материалы XIX века, – жалобы крестьянства, их прошения высшим властям, докладные записки чиновников, особенно «Комиссии по личным и поземельным правам туземного населения Терской области», можно отметить, что красной нитью в них проходит основная мысль – трудящиеся Кабарды находятся в тяжелой кабальной зависимости, и эта зависимость начинает углубляться поземельными отношениями. Более того, кабардинские князья получали дань от

соседних народов, например, от осетин, живущих в горах, якобы за то, что данные земли издревле принадлежали кабардинцам [5, с. 866].

Все доводы князей и узденей об их историческом праве на землю не имели никакой почвы. Частная собственность на землю не могла образоваться при постоянном передвижении аулов с одного места на другое. Земля находилась в общинном владении фамильных групп.

Аулы Кабарды стали оседать лишь во второй половине XIX века. Указания князей и узденей на то, что вследствие бесконечного кочевания их аулов, они (князья) утеряли все документы, подтверждающие их исторические права на землю, еще раз убеждают нас в том, что земля находилась в общинном владении фамильных групп.

Права собственности на землю местное высшее сословие получило позже благодаря вмешательству русских властей, которые, игнорируя местные земельные отношения и обычаи, дарили народные земли князьям за всякую услугу.

В 1867 г. были освобождены зависимые сословия, общей численностью до 21 000 душ обоего пола. Всего же население Кабарды к этому времени составляло 59 453 души обоего пола, – следовательно, независимые сословия составляли почти 2/3 населения.

В Дагестане социально-экономическое развитие также отличалось неоднородностью. Более развитые феодальные отношения наблюдались в низменном Дагестане, соответственно здесь развивалось земледелие и садоводство [6, с. 120]. Здесь же население делилось на классы феодалов и крестьян, чего не скажешь о горной и высокогорной зонах Дагестана [7, с. 99, 104–105, 108].

Среди феодалов на первом месте стояли владетельные князья, которые носили титулы: хана, нуцала, шамхала, уцмия, майсума, кадия. За ними следовали беки (родственники феодалов), чанки – дети

ханов и беков от неравных браков, духовенство и первостепенные уздени.

Социальный статус феодалов отличался в разных обществах. Он зависел от общественных отношений, обычаев общества или владения и наличием определенной величины материального ресурса – земли.

В низменной части Дагестана, в отличие от горной части, ввиду наличия пахотной земли, феодальные отношения были более развиты. Здесь была определена более четкая градация населения с несением установленных повинностей.

Основной частью дагестанского крестьянства были уздени.

В нагорной части Дагестана – в Аварии, Даргинии, Казикумухском владении, Верхнем Кайтаге и Табасаране, в верхнем течении Самура – узденство было более однородным по своему составу. Оно было личносвободным и несло своему беку некоторые повинности (если жили в управляемых беками аулах) или не несли никаких повинностей (если жили в вольных обществах или аулах) [8, с. 23].

В низменном Дагестане уздени делились на просто уздени (второстепенные уздени), или догерек-уздени (круглые уздени), и азат-уздени (вольноотпущенники). Догерек-уздени, не имея собственной земли, должны были работать на землях феодалов, платить им подати и нести в их пользу повинности. Подобно адамихатам Южной Осетии, за ними признавалось право свободного перехода от одного феодала к другому, но это было связано с лишением узденя части имущества [9]. Освободившиеся крепостные крестьяне пополняли категорию азат-узденей.

Чагары и раяты были наиболее зависимым сословием, находящиеся в полной личной и поземельной зависимости от феодалов. Соответственно, они не имели никаких прав на землю, им отведенную, и при отчуждении этой земли владельцем могли сохранить за собой то имущество, которое было приобретено ими лично [10, с. 113].

В 1847 г. было утверждено Положение о поземельных правах феодальных владельцев. Этот документ юридически закрепил крестьян к определенному наделу, но сохранил право свободного перехода. До этого положения официально крестьяне не были прикреплены к феодалу [7, с. 390]. В целом, так же, как и в Осетии, жители горного Дагестана испытывали острый недостаток земли.

Население Дагестана, которое уже терпело феодальный гнет со стороны представителей высшего сословия, иногда со стороны духовенства, а также зажиточной верхушки аула, вынуждено было ощущать и гнет царизма. Обедневшие слои населения попадали в кабальную зависимость. Обезземеливанием была вызвана деградация местных промыслов. Вследствие чего большое развитие получило отходничество.

Что касается уровня феодально-крепостнических отношений адыгов, отметим, что здесь оно носило несколько иной характер. Прежде всего население делилось на «аристократическое» и «демократическое». К «аристократическому» относились бесленеевцы, темиргоевцы, бжедуги, хатукаевцы, махошевы, егерухаевцы, адемиевцы, жанеевцы и кабардинцы. К «демократической» группе относились абадзехи, шапсуги и натухайцы. Различие между ними заключалось в том, что у «аристократических» субэтносов сохранялось княжеское управление, в то время как у абадзехов, шапсугов и натухайцев власть феодальной аристократии была свергнута в результате демократического переворота конца XVIII в. [11, с. 85–86].

Феодальное сословие было представлено князьями (пши), султанами-хануко и дворянами (уорки).

Формы землевладения, как рычаги правления и власти, были разные, но господствовала феодальная форма собственности на землю.

Крестьянство делилось на незакрепощенное (но политически и экономически

зависимое от феодала) – тфокотли, вольноотпущенники – азаты и крепостные крестьяне – пшитли и оги. Их социальный статус регулировался нормами обычного права [12, с. 305]. Власть князей распространялась на всех них. К работе они привлекали крепостных, которых нещадно эксплуатировали, но также могли привлечь и свободных крестьян-тфокотлей. Они могли также брать у тфокотлей подвластных аулов скот, оружие и все, что понравится. Нередко князья и дворяне занимались набегами. Источником обогащения князей были также штрафы за проступки, взыскание пошлин с купцов, которые хотели торговать в их владениях.

Отметим, что большинство тфокотлей представляло собой самостоятельных собственников, независимых от знати. К тфокотлям были близки по своему правовому положению вольноотпущенники – азаты, которые были освобождены по выкупу или по доказательству, что их незаконно закрепили.

Самой эксплуатируемой категорией крестьян были пшитли. Они несли отработочную, натуральную и денежную ренты. Немного лучше было положение у огов. Их собственность была неприкасаемая и феодал не имел права претендовать на нее. В отличие от пшитлей, оги жили отдельными дворами вне господской усадьбы, имея свое собственное хозяйство. Они несли только продуктовую и отработочную ренты. Кроме того, существовала наиболее угнетенная прослойка населения (рабы) – это унауты.

Заключение. Степень феодально-крепостнических отношений у народов Северного Кавказа зависела от местности, земельно-правовых норм, отражающих уровень зависимости и норм обычного права. Царизм понимал, что нужно прикрепить население к земле, сделать его менее подвижным. Кроме того, правильно распределив землю, можно было заложить основы материального улучшения быта населения. Но фактически, исходя из вышеизложенного, основательно решить земельный во-

прос пока не представлялось возможным. Царизм ограничивался только временными распоряжениями соответственно обстоятельствам. Однако в попытках разрешить земельный вопрос на Северном Кавказе не было недостатка. Для этого учреждались особые комиссии и комитеты, готовились проекты и т. д.

Администрация столкнулась с массой проблем, связанных со своеобразием населения Кавказа. Своеобразие заключалось в многонациональности региона, с наличием у каждой народности своих самобытных обычаев, а также с наличием твердого духа и чувства собственного достоинства. И подчинить такой народ было очень трудоемкой задачей. Вникать в обычаи каждой народности, исследовать их быт и устои для российской администрации было практически невозможным. Затруднения, в том числе, заключались в том, что у большей части населения Северного Кавказа если и существовала земельная собственность, то она выступала в качестве собственности всего общества, что было обусловлено сложными народными обычаями. К примеру, во многих обществах существовал обычай, в котором земли, – точно так же, как воздух, вода и лес, – общественное достояние и пользоваться ими может каждый без всякого ограничения [13, с. 320]. Более того, существовали определенные социально-политические взаимосвязи между владениями и обществами Северного Кавказа, которые также подверглись коррективам с установлением российской власти [14, с. 79–114].

Во всех регионах Северного Кавказа общество делилось на привилегированное и зависимое сословия, однако сословные категории отличались как своей численностью, так и степенью зависимости. Российская администрация, осознавая ментальную сложность, неоднозначность и запутанность социально-правовых норм в каждом регионе, старалась стратегически верно проводить политику на местах посредством местной элиты.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Скитский Б. Очерки по истории осетинского народа. [Ч. 1]. С древнейших времен до 1867 года. Т. 11. – Дзауджикау, 1947. – 194 с.
2. Ванеев З.Н. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в Юго-Осетии в XIX веке. – Сталинири: Госиздат Юго-Осетии, 1956. – 469 с.
3. Калоев Б.А. Осетины (историко-этнографическое исследование). – М.: Наука, 1967. – 247 с.
4. Население и землепользование Кабарды // Труды по естественно-историческому и экономическому обследованию Кабарды / под ред. проф. А.Н. Минина. Т. 2. – Воронеж, 1928. – 191 с.
5. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией: в 12-ти т. Т. 7 / под общ. ред. А.Д. Берже. – Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавк., 1878. – 1011 с.
6. Гасанов М.М. Земельно-правовые отношения и аграрная политика царизма в Дагестане в 19 веке. – Махачкала, 2005. – 256 с.
7. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. – 408 с.
8. Османов Г.Г. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. – М.: Наука, 1965. – 369 с.
9. Газета «Кавказ». Вып. № 42. – Тифлис, 1848.
10. Гаджиева С.Ш. Кумыки (историко-этнографическое исследование). – М.: Академия Наук СССР, 1961. – 388 с.
11. Хан-Гирей (1808–1842). Записки о Черкесии. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 333 с.
12. Хан-Гирей. Избранные произведения. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 335 с.
13. Гаврилов П.А. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 2. – Тифлис: Тип. Гл. упр. наместника Кавказского, 1869. – 401 с.
14. Боров А.Х., Е.Г. Муратова, Ю.М. Азикова. Социально-политические взаимосвязи владений и обществ Центрального Кавказа в XVI – первой трети XIX вв.: документальный обзор // Кавказология / Caucasology. 2020. № 1.

REFERENCES:

1. Skitsky B. Essays on the history of the Ossetian people. [Ch. 1]. From ancient times to 1867. V. 11. Dzaudzhikau, 1947; 194.
2. Vaneev Z.N. The peasant question and the peasant movement in the South Ossetia in the 19th century. Staliniri: State Publishing House of South Ossetia, 1956; 469.
3. Kaloev B.A. The Ossetians (historical and ethnographic research). M.: Nauka, 1967; 247.
4. Population and land use of Kabarda // Proceedings on the natural-historical and economic survey of Kabarda / ed. by prof. A.N. Minin. V. 2. Voronezh, 1928; 191.
5. Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission: in 12 volumes. V. 7 / under general ed. of A.D. Berger. Tiflis: Publ. house of the Ch. ex. Viceroy of the Caucasus, 1878; 1011.
6. Gasanov M.M. Land legal relations and agrarian policy of tsarism in Dagestan in the 19th century. Makhachkala, 2005; 256.
7. Magomedov R.M. Socio-economic and political system of Dagestan in the 18th – early 19th centuries. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1957; 408.
8. Osmanov G.G. Socio-economic development of the Dagestan pre-collective farm village. M.: Nauka, 1965. 369 p.
9. Newspaper «The Caucasus». Vol. No. 42. Tiflis, 1848.
10. Gadzhieva S.Sh. The Kumyks (historical and ethnographic research). M.: Academy of Sciences of the USSR, 1961. 388 p.
11. Khan-Girey (1808–1842). Notes about Circassia. Nalchik: Elbrus, 1978; 333.

12. Khan-Girey. Selected works. Nalchik: Elbrus, 1974. 335 p.
13. Gavrilov P.A. The structure of the land life of the mountain tribes of the North Caucasus // Collection of information about the Caucasian highlanders. Vol. 2. Tiflis: Publ. house of the Ch. ex. Viceroy of the Caucasus, 1869. 401 p.
14. Borov A.Kh., Muratova E.G., Azikova Yu.M. Socio-political relationships between the estates and societies of the Central Caucasus in the 16th – first third of the 19th centuries: a documentary review // Caucasology. 2020. No. 1.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflict of interest

Информация об авторе

Тахмина Чарагановна Джабаева, кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории России исторического факультета ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала, Российская Федерация
e-mail: tahmina.dj@mail.ru
тел.: +7 (928)5511661

Information about the author

Tahmina Ch. Dzhabaeva, PhD (Hist.), Associate Professor, the Department of History, the Faculty of History, FSBEI HE «Dagestan State University», Makhachkala, the Russian Federation
e-mail: tahmina.dj@mail.ru
tel.: +7 (928)5511661

Поступила в редакцию 07.08.2023
 Поступила после доработки 29.09.2023
 Принята к публикации 30.09.2023
 Received 07.08.2023
 Revised 29.09.2023
 Accepted 30.09.2023

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-22-29>
УДК 94 (612) «1977/2011» + 323. 22/23 (612)
© 2023

А.С. Иващенко

Эволюция внутривосточного положения в Ливии после свержения режима М. Каддафи

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Адыгейский государственный университет»,
г. Майкоп, Российская Федерация*

Аннотация

«Арабская весна» или «арабское пробуждение», так вначале восторженно классифицировали антиправительственные выступления и восстания в 2010-е гг. в ряде арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки исследователи стран Запада и некоторые российские ученые. Однако последствия этих «весен» и «пробуждений» в нескольких странах вышеуказанного региона уже вызвали меньше восторгов и больше тревоги. И действительно, если Тунис после своей «арабской весны» вернулся на путь стабильного развития, в Египте одного генерала (Хосни Мубарака) у власти сменил другой (Абдул-Фаттах ас-Сиси), то в Йемене, и особенно в Ливии, следствием «арабских пробуждений» стали не утихающие до сих пор гражданские войны, угрожающие полной дезинтеграции вышеуказанных стран. Исходя из вышесказанного совершенно очевидно, что анализ причин, содержания основных этапов и последствий эволюции внутривосточного положения в Ливии после свержения режима М. Каддафи в октябре 2011 г. является не только актуальной научной, но и политической задачей. Целью статьи является анализ причин дестабилизации внутривосточной ситуации в Ливии с октября 2011 г., содержания ее ключевых этапов и последствий. При написании текста статьи были использованы следующие научные методы: проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, метод периодизации, историко-генетический, историко-ретроспективный и др. Развитие внутривосточной ситуации в Ливии с октября 2011 г. привело к настоящему времени ливийское государство к тотальной дезинтеграции. Ливийская государственность, и до октября 2011 г. не отличавшаяся особой прочностью и устойчивостью, уверенно дрейфует по направлению к фрагментации и автономизации в пределах не только отдельных регионов, но даже и отдельных городов.

Ключевые слова: Ливия, внутривосточное положение, Триполи, Тобрук, Х. Хафтар, Ф. Сарадж, двоевластие, гражданская война

Для цитирования: Иващенко А.С. Эволюция внутривосточного положения в Ливии после свержения режима М. Каддафи // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 4. – С. 22–29. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-22-29>.

A.S. Ivashchenko

The evolution of the internal political situation in Libya after the overthrow of the Gaddafi regime

FSBEI HE «Adygh State University», Maikop, the Russian Federation

Abstract

Researchers from Western countries and some Russian scientists initially enthusiastically classified anti-government protests and uprisings in the 2010s in a number of Arab countries in the Middle East and North Africa as «Arab Spring» or «Arab Awakening».

However, the consequences of these «springs» and «awakenings» in some countries of the above-mentioned region caused less delight and more anxiety. Indeed, if Tunisia after its «Arab Spring» returned to stable development, in Egypt one general (Hosni Mubarak) was replaced by another (Abdul-Fattah al-Sisi), then in Yemen, and especially in Libya, as a consequence of the «Arab awakenings» civil wars occurred, that are still ongoing, and threaten the complete disintegration of the above-mentioned countries.

Based on the above, it is quite obvious that the analysis of the causes, the content of the main stages and consequences of the evolution of the internal political situation in Libya after the overthrow of the regime of M. Gaddafi in October 2011 is not only an urgent scientific, but also a political task. The purpose of the article is to analyze the reasons for the destabilization of the internal political situation in Libya since October 2011, the content of its key stages and consequences. When writing the text of the article, the following scientific methods were used: problem-chronological, comparative-historical, periodization method, historical-genetic, historical-retrospective, etc. The development of the internal political situation in Libya since October 2011 has led the Libyan state to total disintegration. The Libyan statehood, which until October 2011 was not particularly strong and stable, is confidently drifting towards fragmentation and autonomy within not only individual regions, but even individual cities.

Keywords: Libya, internal political situation, Tripoli, Tobruk, H. Haftar, F. Sarraj, dual power, civil war

For citation: *Ivashchenko A.S. The evolution of the internal political situation in Libya after the overthrow of the Gaddafi regime // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2023. Volume 15, No 4. P. 22–29. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-22-29>.*

Введение. Демократия, права человека, гражданское общество, сменяемость власти – эти и другие, им подобные дефиниции, являются сущностью и основным вектором развития западноевропейской цивилизации. Авторитаризм, подавление прав человека, слабые ростки гражданского общества, почти полная несменяемость власти – суть ключевые элементы эволюции арабо-исламской цивилизации. Казалось бы, что черты развития, в частности, стран арабского Востока вчистую проигрывают ценностям государств Запада. Но

не все так однозначно, если мы обратимся к анализу внутривнутриполитического положения в Ливии после отстранения от власти в октябре 2011 г. ее лидера М. Каддафи.

Целью статьи является выявление причин обострения внутривнутриполитического положения в Ливии с октября 2011 г., содержания его основных этапов и последствий.

Основная часть. Причины эскалации внутривнутриполитического положения в Ливии, которое от структурного кризиса с октября 2011 г. в 2014 г. трансформировалось в гра-

жданскую войну, имели как внутренний, так и внешний характер [1, с. 60]. Одной из главных причин, имеющих внутреннее происхождение, является значительное влияние племенного фактора на социально-экономическое развитие Ливии. В настоящее время в Ливии насчитывается около 140 племен. Крупнейшим является племенной союз варфалла, расселившийся в прибрежной полосе, который доминирует в области Триполитания и в Бенгази – втором по величине городе Ливии. Магарха занимает второе по численности место среди других племен. Оно расположилось на юге Ливии, его представители проживают в области Феццан и частично в г. Сирт. Заметным по количеству является племя тархуна. Существенное влияние на политические процессы в Ливии, во времена правления М. Каддафи, оказывало племя каддафа, выходцем из которого был ливийский лидер. Традиционно оппонировало центральной власти, еще до событий 2011 г. в Ливии, берберское племя – нафуса.

90% ливийцев в настоящее время идентифицируют себя с тем или иным племенем или кланом. В основе внутривиполитической борьбы в Ливии, развернувшейся после октября 2011 г., нет идеологических противоречий, за исключением разве что воззрений ливийских исламистов. Борьба идет за доступ к власти, которая дает возможность распределять материальные блага. На взаимоотношения племен в Ливии в настоящее время влияет и историческая память о том, с кем и за что они боролись в прошлом, кто кому причинил обиды [2, с. 7, 31]. Не стоит, в частности, забывать и существующий до сих пор бедуинский обычай мести за нанесенные обиды.

Во времена правления Ливией М. Каддафи он опирался, в основном, на выходцев из племен варфалла, магарха и своих соплеменников [3, р. 145]. Именно из них формировался центральный государственный аппарат Ливии, командный состав армии и служб безопасности [4, с. 378]. Племенной фактор еще более усиливал

свою роль в политической жизни Ливии в контексте запрета М. Каддафи функционирования в стране политических партий. В годы правления Ливией М. Каддафи одни племена были приближены к нему, другие впадали в немилость и уходили в оппозицию ливийскому лидеру. Примечателен пример с верхушкой племени варфалла, которая была опорой режима М. Каддафи. Однако в 1993 г. была заподозрена в подготовке военного переворота с целью отстранения М. Каддафи от власти. Как результат – дистанцирование М. Каддафи от верхушки племени варфалла и ухудшение уровня жизни последней. Включившись во внутривиполитическую борьбу в Ливии, племенная элита варфалла, в частности, стремится вернуть свой привилегированный статус в стране.

Еще одной важной причиной обострения внутривиполитической борьбы в Ливии с октября 2011 г. являются расовые противоречия между негроидными мигрантами из Африки, получившими гражданство Ливии еще во времена правления М. Каддафи, и коренным арабским населением страны. Из внутренних факторов обострения внутривиполитической борьбы в Ливии с октября 2011 г. следует отметить и распространенность идеи избранности и превосходства ливийских арабов над другими этносами страны.

Среди основных внешних причин, которые усугубили внутривиполитическое положение в Ливии с октября 2011 г., необходимо выделить интервенцию стран Запада, в первую очередь, США и Франции, в соответствии с решением Совета Безопасности (СБ) ООН от 17 марта 2011 г. Именно эта интервенция была решающим фактором в тотальном разрушении хрупкого баланса сил и интересов в Ливии¹.

Вмешательство внешних сил во внутривиполитический конфликт в Ливии продолжилось и с октября 2011 г. Среди го-

¹ Лукьянов Г. Хрупкий сосуд // *Известия*. 2023. 17 марта.

сударств, активно ведущих себя в Ливии, следует выделить Турцию, ОАЭ, Египет, Саудовскую Аравию, Судан, Францию, Италию, США. Ряд стран из вышеназванного списка действительно искренне хотят как можно быстрее урегулировать ливийский конфликт, но нередко поддерживают разные политические силы в Ливии, что объективно способствует лишь его продлению и обострению [5, с. 126–127].

Внутриполитический конфликт в Ливии до настоящего времени не получил своего разрешения и продолжается, поэтому сложно говорить о какой-либо устоявшейся периодизации в его развитии. И, тем не менее, в эскалации конфликта уже сейчас можно выделить отдельные периоды, которые отличаются друг от друга появлением нового качества. Первый период длился с октября 2011 г. до лета 2012 г. Его основным содержанием стала подготовка проведения всеобщих выборов в Ливии. В этом процессе активно участвовали иностранные посредники. Цель проведения всеобщих выборов – создать временный представительный орган в Ливии – Всеобщий национальный конгресс (ВНК). Переходный национальный совет (ПНС), который был образован в Ливии еще в период борьбы против режима М. Каддафи, не признавался такими оппозиционными структурами страны как «Военный совет в Триполи», а также отдельными племенами. В ходе подготовки к выборам оппозиционным формированиям в Ливии не удалось выработать единую программу действий. Более того, между ними постоянно происходили вооруженные столкновения.

Второй этап начался с лета 2012 г. и продолжался до весны 2014 г. В июле 2012 г. в Ливии прошли выборы во Всеобщий национальный конгресс. Больше всего голосов на выборах в ВНК получила коалиция светских партий Ливии под названием «Альянс национальных сил». Второе место, по числу сторонников, досталось «Партии справедливости и

реконструкции», которая была основана организацией «Братья-мусульмане». (Ливийские исламисты получали финансовую помощь из Египта, Туниса, Судана, Турции, Саудовской Аравии – А.И.). В августе 2012 г. ПНС передал свои полномочия ВНК. ВНК возглавил Мухаммед Юсеф Макриф – руководитель Либерального освободительного фронта Ливии с 1981 г. Премьер-министром Ливии в октябре 2012 г. стал Али Зейдан, в марте 2014 г. ливийское правительство возглавил Абдаллах ат-Тани [6, с. 194].

ВНК должен был выработать проект ливийской конституции и провести выборы в постоянный парламент. После своего формирования ВНК попытался установить контроль над территорией всей страны. Но это привело к усилению еще больших центробежных тенденций, в частности, в Бенгази и в третьем по величине городе Ливии – Мисурате. На местном уровне ведущая роль принадлежала лидерам отдельных ливийских племен, а также мелкому и среднему бизнесу, занятому в торговле и транспортных услугах [7, р. 64–85].

В середине 2013 г. в ВНК усилились противоречия между его членами, укрепились позиции исламистов. В феврале 2014 г. на первые роли в политической жизни Ливии выходит генерал-лейтенант (фельдмаршал с 2016 г. – А.И.) Халифа Хафтар. Он являлся представителем Ливийской национальной армии (ЛНА). Х. Хафтар потребовал распустить ВНК, создать временный орган власти в стране и подготовить новые выборы. ВНК проигнорировал требование Х. Хафтара. В мае 2014 г. премьер-министр Ливии А. ат-Тани, опираясь на ЛНА во главе с Х. Хафтаром, попытался провести военно-полицейскую операцию «Достоинство». Цель операции – уничтожить наиболее радикальные исламистские группировки в Ливии. Однако вооруженные формирования исламских объединений «Рассвет Ливии» и «Щит Ливии» не только дали отпор ЛНА, но и захватили столицу страны – Триполи.

С весны 2014 г. внутривосточное положение в Ливии вступило в третий этап своего развития, который продолжался до зимы 2015–2016 гг. Во время военных действий между ЛНА и исламистскими группировками в Ливии в июне 2014 г. состоялись выборы в парламент страны, так как срок полномочий ВНК истек [8, с. 89]. Сторонники радикального ислама потерпели поражение на этих выборах. В августе 2014 г. ВНК сменил избранный представительный орган Ливии – Палата представителей (ПП). Однако исламисты не признали итоги июньских 2014 г. выборов. Они создали «новый» ВНК (НВНК).

Исламские радикалы продолжили военные действия и захватили Мисурат, а затем международный аэропорт г. Триполи. В этих условиях члены Палаты представителей в октябре 2014 г. бежали в г. Тобрук, расположенный в области Киренаика. Палата представителей опиралась на поддержку ЛНА. Этот законодательный орган Ливии признали США, Франция, Египет, ОАЭ, Саудовская Аравия. В результате в Ливии сложилось двоевластие – были созданы два парламента и два правительства. Политические силы светской ориентации обосновались в Тобруке и начали заседать в Палате представителей, в этом же городе стало базироваться и новое временное правительство А. ат-Тани. Правительство в Тобруке назначило Х. Хафтара главнокомандующим ливийской армией. В Триполи начал работать Новый всеобщий национальный конгресс, в который вошли происламски настроенные политические силы. НВНК сформировал свое правительство «Национального спасения». Поддержку НВНК стали оказывать Турция и Катар.

После возникновения двоевластия политическое противостояние в Ливии эволюционировало в гражданскую войну. Положение в стране усугублялось тем, что ни один из центров власти не был в состоянии контролировать своих сторонников. В результате реальная власть в Ливии перешла в руки полевых командиров и

племенных лидеров, в том числе представителей народа туарегов и тубу.

Вооруженное противостояние сил НВНК и ПП на протяжении второй половины 2014 г. и почти всего 2015 г. не дало решающего преимущества ни одной из сторон. В декабре 2015 г. при поддержке ООН, европейского сообщества и региональных государств представители Триполи и Тобрука подписали соглашение о создании правительства национального единства (ПНЕ). Его возглавил Ф. Сараджа [9, с. 182].

В конце 2014 г. на территорию Ливии проникли члены Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ). Они создали свою ячейку возле г. Дерна, затем халифат, состоящий из трех провинций, а в конце 2015 г. установили контроль над г. Сирт. Но ИГИЛ, с его идеологией и структурой, сложно встроиться в племенную систему Ливии. Территория, которую оно контролирует, невелика.

Приметой четвертого этапа развития политической ситуации в Ливии, начавшегося с декабря 2015 г., было стремление его участников, находившихся главным образом за пределами своей страны, сохранить целостность ливийской государственности. В марте 2016 г. правительство Ф. Сараджа прибыло в Триполи. Однако Палата представителей, находящаяся в Тобруке, это правительство не признала. Правительство Ф. Сараджа также было враждебно встречено в Триполи и в Мисурате. В Ливии продолжилась борьба между правительством Ф. Сараджа и сторонниками Х. Хафтара. Глава МИД Великобритании Ф. Хэммонд, побывавший в апреле 2016 г. с визитом в Триполи, дал точную характеристику тотального противостояния политических сил в Ливии: «Если бы там были две противоборствующие стороны! Их около 120»¹.

¹ Walsh D. US penalizes Libyan politician in effort to bolster union government // *The New York Times*. N.Y. 2016. С. 19.04. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2016/04/20/world/middleeast/us-libya-sanctions-unity-government.html> (Дата обращения: 08.10.2023).

К 2016 г. правительство, расположенное в Тобруке, контролировало до 70% территории Ливии, остальная часть страны удерживалась под контролем правительства, разместившегося в Триполи. В Дерне и Сирте обосновались сторонники ИГИЛ. Политический хаос в Ливии привел к дезинтеграции финансовой системы страны. В условиях двоевластия в Ливии возникли два Центральные банка.

США и Франция оказывают поддержку ливийским властям в борьбе против вооруженных формирований ИГИЛ с августа 2016 г. Россия поддерживает контакты со всеми сторонами конфликта в Ливии. Однако она не поставляет оружия в Ливию, придерживаясь запрета на этот вид помощи, введенного ООН. В июле 2017 г., при посредничестве президента Франции Э. Макрона, вооруженное противостояние Х. Хафтара и Ф. Сараджа было прекращено и вновь начались переговоры.

Крайне деструктивную роль в Ливии играют вооруженные формирования. Они представлены племенным ополчением, местной милицией, отрядами самообороны этнических меньшинств, в частности, туарегов и тубу. Эти военизированные формирования отказались войти в состав ЛНА и органов правопорядка. Их услуги востребованы как местными элитами Ливии, в частности, так называемыми «городами-государствами» – Мисурат, Зинтан и т.д., так и официальными представительствами иностранных государств и компаний на ливийской территории. К их охранным услугам прибегали, в частности, представители Франции, Италии, Саудовской Аравии, ОАЭ, Катара и даже сотрудники ООН. Финансовое положение вооруженных формирований достаточно устойчиво и за счет военного контроля над местами нефтедобычи и нефтепроводами, участия в контрабанде [10, с. 123].

Сущность происходящих процессов в Ливии в настоящее время точно выразил шейх племени обейдат из восточной Ливии ат-Тейиба аш-Шарифа Хейраллы:

«Это сражение между племенем и племенем, между одним городом и другим за расплату, отмщение, власть, деньги, грабеж и чужие интересы» [11, с. 6].

В настоящее время двоевластие в Ливии продолжается, но теперь уже с новыми лидерами двух правительств. Вновь при поддержке ООН весной 2021 г. было создано правительство национального единства (ПНЕ), которое возглавил Абдель Хамид Дбейба. Это правительство должно было объединить Ливию, подготовить парламентские и президентские выборы. Их планировалось провести в декабре 2021 г., но сделать этого не удалось. Палата представителей и Высший государственный совет (консультативный орган, который часто называют верхней палатой парламента – А.И.) не смогли договориться о законе о выборах, не подготовили список кандидатов. Отмена выборов поставила под вопрос легитимность ПНЕ. Как результат – в феврале 2022 г. Палата представителей избрала своего премьер-министра. Им стал Фатхи Башаги – бывший глава МВД Ливии. Абдель Хамид Дбейба посчитал это незаконным действием и отказался уходить в отставку. В мае 2022 г. Фатхи Башаги попытался войти в Триполи со своими сторонниками, но это ему не удалось сделать. Его правительство начало работать в г. Сирт. (В настоящее время Фатхи Башаги заменен Усамой Хамадом – А.И.)¹.

Уже сейчас, не дожидаясь окончания гражданской войны в Ливии, можно говорить о негативных ее последствиях как для ливийских народов, так и для Северной части Африки, и Европы. Гражданская война в Ливии привела к разрушению ливийской государственности. С лета 2014 г., по данным ООН, около 435 тыс. ливийцев, спасаясь от последствий военных действий, вынуждены были покинуть свои дома,

¹ Беленькая М. Два премьера на один Триполи: в ливийской столице вновь вспыхнули бои // *Коммерсантъ*. 2022. 28 авг.; *РИА Новости*. 28 июля 2023 г. [Электронный ресурс]. ria.ru (дата обращения: 30.07.2023).

около 100 тыс. граждан Ливии живут в палатках, зданиях школ, ангарах. И это при населении Ливии в чуть более 7 млн чел. Ливия превратилась из бывшего «экспортера» террористов в их прибежище. В нее стекаются радикальные исламисты со всего мира. И это является угрозой, в первую очередь, для Европы. С территории Ливии происходит нелегальное распространение оружия на прилегающие к ней страны.

Еще одной проблемой является наплыв мигрантов из Ливии в Европу, в частности, в Италию. Так, только с 2014 по 2017 гг. в Италию из Ливии прибыло около 600 тыс. мигрантов. Нелегальные мигранты стали проникать в Европу не только из Ливии, но и из Чада через Ливию. Последствием гражданской войны в Ливии стало распространение торговли из числа беженцев из других стран Африки, которые через Ливию пытаются попасть в Европу. Исследователи насчитывают девять таких рынков. Один из них расположен в приморском городе Сабрата, недалеко от Триполи [12, с. 63].

Заключение. Таким образом, развитие внутривосточной ситуации в Ливии с октября 2011 г. привело к настоящему времени ливийское государство к тотальной дезинтеграции. Ливийская государственность, и до октября 2011 г. не отличавшаяся особой прочностью и устойчивостью, уверенно дрейфует по направлению к фрагментации и автономизации в пределах не только отдельных регионов, но даже и отдельных городов. В условиях изначального отсутствия до октября 2011 г. в Ливии современной развитой и устойчивой партийной системы, очевидно, что для сплочения ливийского социума необходимо использовать, в первую очередь, племенной фактор. Работа мирового сообщества с племенными лидерами, на наш взгляд, должна в обозримом будущем дать позитивный эффект. Нам представляется также, что сегодняшней Ливии не хватает жесткой и авторитетной личности общенационального масштаба, такой фигуры, какой был М. Каддафи, как бы мы к нему не относились.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Васецова Е.С. Ливия: пять лет без Каддафи // Россия и мусульманский мир. 2017. № 2. – С. 59–69.
2. Аганин А.Р. Племена Ливии и их роль в политическом процессе // Ближний Восток и современность: сборник статей. – М.: Институт Ближнего Востока. 2020. Вып. 54. – С. 5–40.
3. Lacher W. Families, Tribes and Cities in the Libyan Revolution // Middle East Policy. 2011. Vol. 18, № 3. P. 144–148.
4. Махмутова М.И. Политические позиции ливийских племен в ходе гражданской войны (2019–2020 гг.) // Historia provinciae-журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 2. – С. 361–406.
5. Кравченко И.В. ООН и региональные игроки в ливийском кризисе на современном этапе // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. № 10. – С. 124–128.
6. Видясова М.Ф. Европа и гражданская война в Ливии: куда идет страна 140 племен и «120 воюющих сторон»? // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 4. – С. 187–209.
7. Lacher W. Libiya's Local Elites and the Politics of Alliance Building // Mediterranean Politics. 2015. Vol. 21, № 1. P. 64–85.
8. Зинин Ю.Н. Основные участники внутривосточного конфликта в Ливии // Ежегодник ИМИ. 2016. Вып. 1. – С. 86–97.
9. Оганисян Л.Д. Становление новой ливийской государственности и политика Евроатлантического сообщества (2011–2017) // Вестник Московского университета. Серия, 25: Международные отношения и мировая политика. 2017. № 3. – С. 177–209.
10. Лукьянов Г. Ливийский кризис: пять лет нестабильности, деградации и дезинтеграции // Россия и мусульманский мир. 2016. № 11. – С. 114–131.

11. Аганин А.Р. Указанное сочинение.
12. Васецова Е.С. Указанное сочинение.

REFERENCES:

1. Vasetsova E.S. Libya: five years without Gaddafi // Russia and the Muslim world. 2017. 2: 59–69.
2. Aganin A.R. Tribes of Libya and their role in the political process // The Middle East and modernity: collection of articles. M.: Institute of the Middle East. 2020. 54: 5–40.
3. Lacher W. Families, Tribes and Cities in the Libyan Revolution // Middle East Policy. 2011. 18 (3): 144–148.
4. Makhmutova M.I. Political positions of Libyan tribes during the civil war (2019-2020) // Historia provinciae-journal of regional history. 2022. 6 (2): 361–406.
5. Kravchenko I.V. The UN and regional players in the Libyan crisis at the present stage // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2020. 10: 124–128.
6. Vidyasova M.F. Europe and the civil war in Libya: where is the country of 140 tribes and «120 warring parties» going? // Current problems of Europe. 2018. 4: 187–209.
7. Lacher W. Libiya's Local Elites and the Politics of Alliance Building // Mediterranean Politics. 2015. 21 (1): 64–85.
8. Zinin Yu.N. The main participants in the internal political conflict in Libya // IMI Yearbook. 2016. 1: 86–97.
9. Oganisyan L.D. The formation of a new Libyan statehood and the policy of the Euro-Atlantic community (2011–2017) // Bulletin of Moscow University. Series, 25: International relations and world politics. 2017. 3: 177–209.
10. Lukyanov G. The Libyan crisis: five years of instability, degradation and disintegration // Russia and the Muslim world. 2016. 11: 114–131.
11. Aganin A.R. Source Index.
12. Vasetsova E.S. Source Index.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflict of interest

Информация об авторе

*Александр Стефанович Иващенко, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории
ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет», г. Майкоп, Российская Федерация
e-mail: ivashchienko-5757@mail.ru
тел.: +7(918)9224998*

Information about the author

*Alexander S. Ivashchenko, Dr Sci. (Hist.),
Head of the Department of World History,
FSBEI HE «Adygh state university», Maikop,
the Russian Federation
e-mail: ivashchienko-5757@mail.ru
tel.: +7(918)9224998*

Поступила в редакцию 08.08.2023
Поступила после доработки 29.09.2023
Принята к публикации 30.09.2023
Received 08.08.2023
Revised 29.09.2023
Accepted 30.09.2023

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-30-37>
УДК 342.5(470.67)
© 2023

Н.Т. Муслимова

К вопросу о становлении правовой системы Дагестана в 20–30 гг. XX в.

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального
исследовательского центра Российской академии наук»,
г. Махачкала, Российская Федерация*

Аннотация

Актуальность темы исследования. Противоречивые и разноплановые проблемы национально-государственного устройства в федеративном государстве, предполагающие учет национальных особенностей и культурного опыта народов в нее входящих, делают актуальным исследование исторического опыта становления советской правовой системы в Дагестане в 20–30 гг. XX века.

Постановка проблемы. С установлением советской власти дагестанцам была предложена новая модель общественного развития. Трансформация политического, экономического и социального устройства сопровождалась изменениями в системе ценностей, идейных установок, верований и норм, которые должна была разделить большая часть общества. Поскольку «устаревшая» ценностно-нормативная система, регулируя семейные, общественные, хозяйственно-экономические, политические отношения, была ориентирована на поддержание существовавшей модели развития, то утверждение новой парадигмы проходило сложно и противоречиво.

Цели исследования. С привлечением достоверного документального материала, аналитическим использованием накопленного историографического опыта, осветить процесс утверждения советской правовой системы в Дагестане в 20–30 гг. XX вв.

Методы исследования. Для решения поставленных задач был использован комплекс методов: объективизма, историзма, историко-системный и историко-типологический.

Результаты и ключевые выводы. Легитимация советской правовой системы в первые годы после установления советской власти потребовала сохранения традиционных для дагестанцев элементов права – мусульманского (шариат) и обычного (адат) права. С конца 1920-х годов, времени «форсированного» строительства социализма в стране, традиционные правовые структуры в республике ликвидируются. Под контролем партийных органов ко времени принятия Конституции 1937 г. правовая система Дагестана приобретает общероссийские структурные и функциональные черты. Утверждению новой правовой системы и социалистического правосознания способствовала политика коренизации и выдвигенчества, которая в Дагестане имела свои специфические черты, с силу многонациональности республики.

Ключевые слова: шариатский суд, обычное право, коренезация, выдвигенчество, советская власть, сталинская модернизация, социалистическое правосознание

Для цитирования: Муслимова Н.Т. К вопросу о становлении правовой системы Дагестана в 20–30 гг. XX в. // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 4. С. 30–37. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-30-37>.

N.T. Muslimova

Revisiting the establishment of the legal system in Dagestan in 1920–30s

Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences», Makhachkala, the Russian Federation

Abstract

The Relevance of the research topic. Contradictory and diverse problems of the national-state structure in a federal state, involving consideration of national characteristics and cultural experience of the peoples included in it, make it relevant to study the historical experience of the formation of the Soviet legal system in Dagestan in 1920–30s.

Problem statement. With the establishment of the Soviet power, the Dagestanis were offered a new model of social development. The transformation of the political, economic and social structure was accompanied by changes in the system of values, ideological attitudes, beliefs and norms that the majority of society had to share. Since the «outdated» value-normative system, regulating family, social, economic, and political relations, was focused on maintaining the existing development model, the approval of the new paradigm was difficult and contradictory.

The Research objectives. To highlight the process of approval of the Soviet legal system in Dagestan in 1920–30s using reliable documentary material and accumulated historiographical experience.

The Research methods. To solve the tasks set, the following methods were used: objectivism, historicism, historical-systemic and historical-typological.

The Results and key conclusions. The legitimization of the Soviet legal system in the first years after the establishment of Soviet power required the preservation of the traditional elements of law for the Dagestanis – Muslim (Sharia) and customary (Adat) law. Since the late 1920s, the time of the «forced» construction of socialism in the country, the traditional legal structures in the Republic have been liquidated. Under the control of party bodies by the time of the adoption of the Constitution of 1937, the legal system of Dagestan acquires all-Russian structural and functional features. The establishment of a new legal system and a socialist sense of justice was promoted by the policy of indigenization (korenization) and promotion, which in Dagestan had its own specific features, due to the multinational nature of the republic.

Keywords: Sharia court, customary law, indigenization, promotion, the Soviet power, Stalinist modernization, socialist legal consciousness

For citation: Muslimova N.T. Revisiting the establishment of the legal system in Dagestan in 1920–30s // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2023. Volume 15, No 4. P. 30–37. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-30-37>.

Введение. С установлением советской власти дагестанцам была предложена новая модель общественного развития. Трансформация политического, экономического и социального устройства сопровождалась изменениями в системе ценностей, идейных установок, верований и норм, которые должна была разделить большая часть общества [9, с. 79]. Поскольку «устаревшая» ценностно-нормативная система, регулируя семейные, общественные, хозяйственно-экономические, политические отношения, была ориентирована на поддержание существовавшей модели развития, то утверждение новой парадигмы, проходило сложно и противоречиво.

Новые идеи и новые идеалы, новые нормы постепенно «прорастали» в ткань общественной жизни, становясь важнейшим фактором утверждения и укрепления новой социально-политической системы, основным элементом которой были юридические нормы и институты.

Основная часть. В Дагестане с установлением советской власти протекали сложные процессы утверждения новой правовой системы.

Как известно, со времени образования на территории Дагестана «Дагестанской области» во второй половине XX в. ее нормативно-правовая система имела плюралистический характер [5, с. 55]. Наряду с общеимперскими судебными учреждениями в области действовали суды, руководствовавшиеся в своей деятельности адатами (нормами обычного права) и нормами шариата (религиозного права).

Ожесточенный характер борьбы за установление советской власти в Дагестане, программа большевиков по национальному вопросу привели к предоставлению Дагестану политического суверенитета. Одновременно с провозглашением ДССР, И. В. Сталин отметил на Чрезвычайном съезде народов Дагестана: «Нам сообщают, что среди дагестанских народов шариат имеет серьезное значение. Если

дагестанский народ желает сохранить свои законы и обычаи, то они должны быть сохранены» [8, с. 395–396].

Таким образом, считаясь с особенностями правовой культуры дагестанцев, в республике были сохранены основные элементы традиционной для Дагестана правовой системы. Еще до окончательного утверждения советской власти в Дагестане ревком принял решение о создании в городах народных судов, действовавших в соответствии с общим советским законодательством и сохранении шариатских судов, к которым переходили функции дореволюционных сельских словесных судов. Вместо Дагестанского народного суда был создан сначала Областной шариатский судебный отдел Дагестанского Ревкома, а в 1922 г. – Шариатский подотдел Народного комиссариата юстиции ДАССР, который возглавил бывший кадий Шарапудин Рашкуев [2, с. 59].

Понятно, что советская власть сохраняла шариатское судопроизводство по чисто политическим соображениям. Еще в 1921 году руководитель наркомата юстиции ДАССР А. Далгат в своем докладе «О состоянии судостроительства и судопроизводства в Дагестане» обращал внимание на то, что «вопросы судостроительства и судопроизводства являются одними из самых больных в молодой республике. Шариатские суды необходимо изжить и вся задача состоит в том, чтобы проделать это безболезненно. Население Дагестана настолько еще находится под влиянием мулл, что всякие шаги против шариатских судов рассматриваются как поход против религии, против мусульманства».¹

Но и к середине 20-х годов проблема «изжития» шариатских судов в Дагестане не потеряла своей остроты. Нажмудин Самурский, один из руководителей республики, в книге «Дагестан», изданной в 1925 году, отмечал: «Мудрая политика в

¹ Образование Дагестанской АССР 1920–1921 гг. Дагестанское книжное издательство. – Махачкала, 1962. – С. 110.

Дагестане заключается в использовании духовенства, предоставлении духовной интеллигенции возможности перейти на советскую работу. Постепенно «расклеркали» клерикалов, перевести их на гражданскую работу, одновременно широко развертывать сеть советских школ и народных судов. Это единственный возможный путь борьбы с влиянием духовенства и религии в Дагестане». [7, с. 137].

Другим средством «борьбы с влиянием духовенства и религии» было воссоздание в 1925 году, параллельно с шариатскими «сельских словесных судов», которые руководствовались нормами обычного права. Нормами обычного права руководствовались в своей работе и земельные комиссии.

Правовая система Дагестанской АССР, несмотря на ее специфические особенности, находилась в органическом единстве с правовой системой права РСФСР и СССР и составляла ее неотъемлемую часть.

Конституция ДАССР 1921 года, разработанная на основе Конституции РСФСР 1918 года и Декрета ВЦИКа об образовании ДАССР высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом государственной власти республики, объявляла ЦИК ДАССР, который был подотчетен Вседагестанскому съезду Советов. В компетенцию ЦИК входило общегосударственное законодательство, судостроительство, гражданское и уголовное законодательство. В 1923 г. ЦИК утвердил положение о наркомате юстиции, осуществлявшем общее руководство деятельностью по укреплению социалистической законности. Высшим судебным органом на территории республики был главный суд, который действовал в соответствии с дополнением к «Положению о судостроительстве РСФСР», принятым ВЦИК 5 сентября 1923 г.¹

Состав судов назначался ЦИК ДАССР, председатели и заместители председателя утверждались президиумом ВЦИК по

заклучению Верховного суда РСФСР. Судами первой инстанции являлись народные суды округов, а после административно-территориального районирования Дагестана – суды районов, избираемые районными исполкомами [3, с. 149].

Такая зависимость судебных органов от органов исполнительной власти находила отражение и в правовом сознании дагестанцев. Документы государственного архива Республики Дагестан, в частности, «Апелляция на решение Андийского окружного шариатского суда». (1922 г.) Предсовнаркому Д. Коркмасову жительницы с. Тлонода, свидетельствуют о том, что уже в начале 20-х XX в. судебная и исполнительная власть воспринимались дагестанцами неразделенными.

В конце 20-х годов с победой И.В. Сталина во внутрипартийной борьбе в стране начался этап форсированного строительства социализма, который потребовал, в том числе, унификации правовых систем и формирования социалистического правовосознания народов СССР.

Принятая 5 апреля 1927 г. Конституция ДАССР лишила избирательных прав служителей религиозных культов, для которых это занятие являлось профессией.

18 апреля 1927 года постановлением ЦИК и СНК ДАССР сельские и окружные шариатские суды были упразднены, а продолжение шариатского судопроизводства стало рассматриваться как уголовное преступление, в том же году на республику распространилось действие 10-й главы УК РСФСР «О преступлениях, составляющих пережитки родового строя», которая до этого не применялась в отношении Дагестана.

Власть поставила задачу укрепления советской правовой системы и создания иерархии народных судов. Здесь нужно отметить, что анализ отчетов Наркомата юстиции ДАССР позволил исследователям сделать вывод о том, что советская правовая система и до официальной ликвидации шариатских судов усиливала свою

¹ СУ РСФСР. 1923 № 75. – С. 727.

регулирующую функцию. В 1923 г. всего по Дагестану в нарсуды поступило 5 433 уголовных и 3 062 гражданских исков; в окружные шариатские суды поступило 1 046 дел. В 1924 г. нарсуды рассмотрели 6 315 уголовных и 5 136 гражданских, в шарсуды поступило всего 57 дел [2, с. 64].

Легитимацию советской правовой системы обеспечивали как социалистические преобразования, проводимые в республике в области экономики, в культурном строительстве, так и конкретные мероприятия по коренизации (привлечении в органы власти, управления и суда представителей местного населения) государственных аппаратов, приближению их населению. Активно политика коренизации стала проводиться во второй половине 20-х годов XX в. К 1925 году Главсуд был укомплектован местными работниками до 33%. 5 русских работников Главсуда владели одним из дагестанских языков [4, с. 78].

Выбор родного языка населения в качестве языка судопроизводства, обеспечивая гласность судопроизводства, воспитательное и предупредительное воздействие на население, требовал соответствующей организационной работы. В Главсуде республики работал штат переводчиков, собрания узаконений и распоряжений правительства переводились и издавались на четырех дагестанских языках.

Со второй половине 20-х годов XX в. в ДАССР значительно усилилось партийное руководство всех государственных органов, в том числе и правоохранных. Агитационно-пропагандистские отделы партийных комитетов проводили работу по популяризации советского законодательства, привлекая к этой работе представителей других общественных организаций – профсоюзов, комсомола. Главным направлением партийного руководства был подбор и расстановка кадров правоохранных органов.

Так, в декабре 1926 г. бюро обкома ДК ВКП (б) на своем заседании обсудило

вопрос «О состоянии судебно-следственных органов, прокурорского надзора и исправительно-трудового дома» [1, с. 76].

В отсутствие в республике системы профессионального юридического образования, для обеспечения органов правопорядка республики профессиональными кадрами, при народном комиссариате юстиции были организованы 9-месячные курсы по подготовке судебно-прокурорских и следственных работников. Со 2 сентября 1934 по июнь 1935 гг. на курсы поступило 50 человек, окончили курсы 40 человек.¹ Невысокий образовательный уровень не позволял всем поступившим успешно завершить учебу.

Как известно, советская власть в 1920–1930 гг. активно использовала политику выдвиженчества, как практики для обеспечения государственного аппарата местными кадрами. Выдвижение рабоче-крестьянских кадров на руководящие и ответственные должности должно было обеспечить государственный аппарат людьми, безусловно поддерживающими новую власть, укрепить связи государства и общества через непосредственное участие рабочих и крестьян в управлении государством, расширить социальную опору советской власти. Выдвиженчество в ДАССР имело свои особенности. В Дагестане, кроме «рабочих, бедняков, батраков и лучшей части середняков», активно использовали в качестве выдвиженцев бывших красных партизан, активных участников борьбы за советскую власть в период гражданской войны.

Окончившие курсы были направлены на работу в качестве судей, народных заседателей, судебных исполнителей в органы милиции и исполнительной власти². В 1935 году в республике для повышения профессиональной квалификации судебных, следственных и прокурорских работников были организованы 2-месячные

¹ ЦГА РД Ф. 1.-п, оп.1. д. 3568 Л. 56.

² ЦГА РД Ф. 1.-п, оп.1. д. 3568 Л. 56.

юридические курсы по переподготовке судебных, следственных и прокурорских работников.¹ Развитие и усложнение правовой системы потребовали увеличения сроков курсовой переподготовки. В 1937 году были организованы 6-месячные юридические курсы по переподготовке, на которые были отозваны 15 народных судей, 6 прокуроров и 9 народных следователей, и 3-месячные курсы секретарей народных судов, прокуратуры и судебных исполнителей, которые окончили 30 чел.² В том же году было принято решение о проведении 3-месячных курсов по подготовке нотариусов и заведующих нотариальными столами, секретарей нарсудов, прокуратуры и судебных исполнителей. Курсы были рассчитаны на 50 человек.³

В городах республики политика выдвиженчества была связана с идеей «орабочивания». Для подготовки кандидатуры для выдвижения в судебно-карательную отрасль, приобретения опыта и необходимых знаний предлагалось предварительно использовать рабочего в качестве народного заседателя, затем общественного обвинителя.⁴

В 20–30 гг. XX в. в Дагестане было проведено районирование, одной из задач которого было приближение государственного аппарата к населению. И поскольку «горцу Дагестана понятен и приемлем лишь суд скорый, находящийся у него под рукой», районирование послужило фактором укрепления новой правовой системы и формирования социалистического правосознания.

С победы Октября можно говорить о складывании советской правовой системы, которую исследователи рассматривают как разновидность социалистической правовой семьи [6. с. 54]. В основе классификации правовых систем общепризнанным критерием выступают факторы религии,

философии, экономической и социальной структур. Советская правовая система должна была регулировать новые социалистические общественные отношения, поэтому мы склонны согласиться с одним из крупнейших специалистов в области сравнительного правоведения – французским правоведом Рене Давидом, который выделил советскую правовую систему как одну из четырех правовых систем современности.

В период форсированного строительства социализма с конца 20-х годов до конца исследуемого периода правовая система всей страны и ДАССР, как составной ее части, использовалась как инструмент проведения «генеральной линии партии».

Проведение коллективизации поставило перед правоохранительной системой республики задачу обеспечения сохранности колхозной собственности. Руководители колхозов исключались из партии и отдавались под суд «за разбазаривание колхозной собственности, за полную бесхозяйственность, дачу взяток, запущенность учета и отчетности, неправильное распределение трудодней и отдачу принадлежащих государству пастбищ горным животноводам».⁵

Остро стояла проблема приписок, которая получила название «очковтирательство» – отрапортованные цифры превышали фактические, нарушение учета и отчетности создавало условия для расхищения социалистической собственности. Внимание правоохранителей было обращено на правомерность начисления трудодней. Имело место незаконное начисление руководителями трудодней «своим родственникам и лодырям».⁶

Утверждение советского образа жизни, задачи совершенствования социалистических общественных отношений, воспитания человека коммунистического общества потребовали усиления ответст-

¹ ЦГА РД Ф. 1.-п, оп.1. д. 3568 Л. 56.

² ЦГА РД Ф. 1.-п, оп.1. д. 3568 С. 57.

³ ЦГА РД Ф. 1.-п, оп.1. д. 3568 Л. 58).

⁴ Звезда 1929 № 4 Еще раз о выдвижении.

⁵ Дагестанская правда 4 мая 1934 г.

⁶ ЦГА РД Ф. 1.-п, оп.1. д. 3568 Л. 56.

венности за правонарушения, противоречащие провозглашаемым ценностям.

В сентябре 1932 года в «Дагестанской правде», печатном органе дагестанской партийной организации и правительства была опубликована статья «Как в махачкалинском суде искривляют постановления партии и правительства». «Мягкотелый» приговор в показательном процессе над спекулянтами был оценен, как явно «незаконный», и показал, «что судебными работниками не понята политическая сущность директив о борьбе со спекуляцией».¹

6 августа 1934 г. в Уголовный кодекс РСФСР были внесены дополнения, по которым ответственность за обворовывание потребителя и обман советского государства предусматривала до 10 лет лишения свободы.²

К концу 30-х годов новая общественно-политическая система окончательно утвердилась: оформилась социалистическая форма собственности на средства производства, установилась колхозная система хозяйствования в сельском хозяйстве, была проведена индустриализация в промышленности. Новые конкретно-исторические условия изменили характер правонарушений, актуализировалась

проблема коррупционных отношений в системе государственного управления. В 1937 г. в составе Управления рабоче-крестьянской милиции было образовано специальное подразделение по борьбе с хищениями социалистической собственности, спекуляцией и взяточничеством. В условиях победы над «вражескими классами» вектор борьбы меняется.

2 сентября 1937 г. в газете «Дагестанская правда» была опубликована статья «Покровитель врагов получил повышение». Речь в статье шла о невыполнении прокурором Тляртинского района своих надзорных и контрольных функций в отношении управляющих районной конторой «Заготшерсть» и районного потребительского общества.

Главным фактором формирования кадрового состава правоохранительных органов становится успешное проведение общей политической линии.

Заключение. К концу 30-х годов XX в., ко времени принятия Конституции ДАССР 1937 года, дагестанская правовая система и структурно и функционально соответствовала общероссийской правовой системе. Утверждению новой советской правовой системы в Дагестане способствовала проводимая *партийными органами политика коренизации государственных аппаратов и выдвиженчества, которая в Дагестане имела свои специфические черты, в силу многонациональности республики.*

¹ Дагестанская правда. 10 сентября 1932 г. Судебные органы на борьбу со спекулянтами.

² Уголовный кодекс РСФСР. – М. Государственное издательство юридической литературы, 1950. – С. 162.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баймурзаев А.Б. Формирование социалистического правосознания народов Дагестана. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1984. – 139 с.
2. Бобровников В.О. Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начала XX вв. – М.: Марджани, 2009. – 244 с.
3. Казанбиев М.А. Создание и укрепление национальной государственности народов Дагестана. – Махачкала, 1970. – 383 с.
4. Нагиева М.К. Кадровый вопрос в судебных органах власти в Дагестане в первое десятилетие Советской власти // 250 лет единения Ингушетии с Россией: время, события, люди: сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции. – Магас, 2020.
5. Рамазанов А.Х., Азизова Д.З., Пахрудинов П.С. Некоторые особенности правовой системы Республики Дагестан // Государственная служба и кадры. 2018. № 2. – С. 54–57.

6. Рене Давид. Основные правовые системы современности. – М.: Прогресс, 1988. – 495 с.
7. Самурский Н. (Эфендиев) Дагестан. – М.; Л.; Гос. издательство, 1925. – 150. с.
8. Сталин И.В. Сочинения. Т. 4. – М., 1947. – С. 395–396.
9. Халий И.А. Доминирующая система ценностей в современном российском обществе // Двадцать лет реформ: итоги и перспективы: сборник статей / под общ. ред. М.К. Горшкова, А.-Н.З. Дибирова. – М.; Махачкала, 2001.

REFERENCES:

1. Baymurzaev A.B. Formation of the socialist legal consciousness of the peoples of Dagestan. Makhachkala: Dagestan book publishing house, 1984; 139.
2. Bobrovnikov V.O. Custom and law in the written monuments of Dagestan in the 5th and early 20th centuries. M.: Mardzhani, 2009; 244.
3. Kazanбиеv M.A. Creation and strengthening of the national statehood of the peoples of Dagestan. Makhachkala, 1970; 383.
4. Nagieva M.K. Personnel issue in the judicial authorities in Dagestan in the first decade of Soviet power // 250 years of unity of Ingushetia with Russia: time, events, people: a collection of scientific articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference. Magas, 2020.
5. Ramazanov A.Kh., Azizova D.Z., Pakhrudinov P.S. Some features of the legal system of the Republic of Dagestan // State service and personnel. 2018. 2: 54–57.
6. Rene David. Basic legal systems of our time. M.: Progress, 1988; 495.
7. Samursky N. (Efendiev) Dagestan. M.; L.; State publishing house; 1925; 150.
8. Stalin I.V. Essays. V. 4. M., 1947: 395–396.
9. Khaliy I.A. The dominant system of values in modern Russian society // Twenty years of reforms: results and prospects: collection of articles / edited by M.K. Gorshkov, A.-N.Z. Dibirov. M.; Makhachkala, 2001.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflict of interest

Информация об авторе

Наида Тагировна Муслимова, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник

ФГБУ «Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН», г. Махачкала, Российская Федерация

e-mail: mus-nt@yandex.ru

тел.: +7(964)0163525

Information about the author

Naida T. Muslimova – PhD (Hist.), Junior researcher,

FSBI «Institute of History, Archeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences». Makhachkala, the Russian Federation

e-mail: mus-nt@yandex.ru

tel.: +7(964)0163525

Поступила в редакцию 17.09.2023

Поступила после доработки 27.10.2023

Принята к публикации 27.10.2023

Received 17.09.2023

Revised 27.10.2023

Accepted 27.10.2023

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-38-45>
УДК 930.1
© 2023

С.Т. Хапчаев

Подземная железная дорога: основные аспекты функционирования

*Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования ФГКОУ ВО «Краснодарский университет
Министерства внутренних дел Российской Федерации» (Ставропольский филиал),
г. Ставрополь, Российская Федерация*

Аннотация

Актуальность темы исследования. Везде, где существовало рабство, люди предпринимали попытки к бегству, и американская история здесь не является исключением. Иногда такие попытки обретали организованные и институционализированные формы, ярким примером чему является так называемая Подземная железная дорога – во многом законспирированная организованная система сопротивления порабощению посредством содействия побегу афроамериканцев в северные штаты и иные территории. В избранном контексте исследования Подземную железную дорогу можно по праву считать одним из первых массовых движений за права человека не только в США, но и в мире.

Целью исследования является раскрытие основных аспектов функционирования Подземной железной дороги, поскольку данная проблема крайне скудно освещается отечественной наукой.

Исследование основывается на научном анализе биографических данных, литературных источников, юридических документов, материалов периодических изданий и проводилось путем применения принципа историзма, сравнительно-исторического, проблемно-хронологического, биографического и описательного методов.

Результаты исследования демонстрируют, что с целью пресечения торговли людьми, отдельные лица, семьи и общины, выступающие против рабства, создали предпосылки для формирования масштабной институционализированной системы, которая в конечном итоге простиралась от канадских провинций Квебек и Онтарио на восток до побережья Атлантического океана, на юг до Флориды и Карибского бассейна и на запад до пограничных анклавов в Канзасе, Техасе и Мексике.

По итогам исследования делается вывод о том, что термин «Подземная железная дорога» хоть и не отражает специфики деятельности данной подпольной сети, но обозначает вполне реальный исторический феномен. Организация и деятельность Подземной железной дороги стала важной составляющей в непростом деле искоренения рабства на территории США.

Ключевые слова: рабство, закон, аболиционизм, США, Гражданская война, Север, Юг, Подземная железная дорога

Для цитирования: Хапчаев С.Т. Подземная железная дорога: основные аспекты функционирования // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 4. С. 38–45. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-38-45>.

S.T. Khapchaev

The Underground Railroad: main aspects of operation

*Federal State Public Educational Institution of Higher Education
«Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia» (Stavropol branch),
Stavropol, the Russian Federation*

Abstract

The relevance of the research topic. Wherever slavery existed, people attempted to escape, and American history is no exception. Sometimes such efforts took on organized and institutionalized forms, a notable example of which is the so-called Underground Railroad, a secret and organized system of resistance to enslavement by facilitating the escape of African Americans to northern states and other territories. In the chosen context of the research, the Underground Railroad can rightfully be considered one of the first mass movements for human rights not only in the United States, but also in the world.

The purpose of the research is to reveal the main aspects of the functioning of the Underground Railroad, since this problem is extremely poorly covered by domestic science.

The research is based on a scientific analysis of biographical data, literary sources, legal documents, materials from periodicals and has been carried out by applying the principle of historicism, comparative historical, problem-chronological, biographical and descriptive methods.

The research results demonstrate that, in order to prevent human trafficking, individuals, families, and communities with anti-slavery attitude created preconditions for the formation of a large-scale institutionalized system that stretched from the Canadian provinces of Quebec and Ontario east to the Atlantic coast, south to Florida and the Caribbean, and west to the border enclaves of Kansas, Texas, and Mexico.

On the basis of the research results, it has been concluded that the term «Underground Railroad», although it does not reflect the specifics of its activities, denotes a very real historical phenomenon. The organization and activities of the Underground Railroad became an important component in the difficult task of eradicating slavery in the United States.

Keywords: slavery, law, abolitionism, the USA, the Civil War, the North, the South, the Underground Railroad

For citation: Khapchaev S.T. *The Underground Railroad: main aspects of operation*// *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2023. Volume 15, No 4. P. 38–45. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-38-45>.

Введение. Рабство существовало во всех тринадцати первоначальных британских колониях, в испанской Калифорнии, Луизиане и Флориде; Центральной и Южной Америке; на всех островах Карибского моря вплоть до Гаитянской революции и отмены рабства британским Парламентом в 1834 г.

Акты самоосвобождения клеймили рабов как «беглецов», но в ретроспективе более точным термином будет «искатель

свободы». Последние проявляли мужество и изобретательность, придумывая маскировку и множество иных способов сбить с толку преследователей. Искатели свободы шли по многим направлениям – Канада, Мексика, Флорида, территория Индии, Запад, Карибские острова и Европа. Маршруты для побега пролегли через естественные и искусственные транспортные артерии – реки, каналы, заливы, Атлантическому побережью, переправам,

дорогам и тропам. Близость к портам, свободным территориям и международным границам побуждала многих к бегству. Объекты морской и речной судоходной инфраструктуры, помимо предложения работы и транспортных услуг, были важным источником распространения информации о возможных направлениях для побега (к примеру, западное побережье Тихого океана и Аляска стали направлениями для побега в связи с китобойным промыслом). Рабовладельцы, в свою очередь, отслеживали беглецов в наиболее ожидаемых местах появления, а также использовали объявления о награде за содействие в поимке беглеца, чтобы привлечь к поискам как можно более широкий круг лиц.

Многие искатели свободы начинали свое путешествие без посторонней помощи и так же его заканчивали, но каждое последующее десятилетие после того, как рабство было узаконено в Соединенных Штатах, мы наблюдаем все большую активизацию усилий частных лиц и компаний по содействию побегу. Задолго до Гражданской войны в США создание убежищ меннонитами и квакерами свидетельствовало о высокой нравственности людей, которые стремились очистить нацию от позорной практики рабовладения.

В этой связи актуальным представляется исследование такого весьма интересного явления, как Подземная железная дорога – действовавшей до конца Гражданской войны в США во многом законспирированной организованной системы сопротивления порабощению посредством содействия побегу афроамериканцев в северные штаты и иные территории, где бы они могли обрести свободу. При этом в нашем исследовании мы исходим из того, что термин «Подземная железная дорога» хоть и может ввести в заблуждение относительно конкретных способов борьбы с рабством, однако тот феномен, который им обозначается, вполне реален. Иными словами, Подземная железная дорога не была лишь красивой легендой, подпитываемой

людьми, несогласными с существованием рабства на территории страны, а нередко представляла собой вполне осознанные и организованные практические действия, которые в совокупности позволяют считать Подземную железную дорогу первым общенациональным правозащитным движением в истории США.

Основная часть. Первое упоминание о том, что впоследствии станет Подземной железной дорогой, восходит к письму генерала Джорджа Вашингтона от 12 мая 1786 года. Из своего имения в Маунт-Вернон, штат Вирджиния, где Вашингтон тогда владел 105 рабами, он писал: «Городское общество квакеров, специально созданное для таких целей, попыталось освободить раба, сбежавшего из Александрии в Филладельфию». В другом письме, написанном 20 ноября того же года, Дж. Вашингтон, говоря о сбежавшем рабе, сказал, что его будет нелегко вернуть, поскольку «существует целый ряд людей, которые скорее будут способствовать побегу рабов, чем задерживать беглецов» [1, р. 33]. Сбежавшие рабы и те, кто приходил им на помощь, нечасто оставляли письменные отчеты с конкретными подробностями своей деятельности. Они предпочитали не афишировать свои поступки и сохранять анонимность, однако доступные нам исторические материалы приводят к выводу о том, что организованная помощь беглым рабам неуклонно росла в течение XIX века и вплоть до начала Гражданской войны.

Даже в преддверии образования США как независимого государства рабовладельцы беспокоились о потере своих рабов и о помощи, которую беглецы получали от посторонних. Пункт, касающийся проблемы беглых рабов, был включен в Конституцию США, т. к. на этом настаивали представители бывших рабовладельческих колоний. Война за независимость подорвала экономику Юга, и рабовладельцы желали вернуться к прежнему положению вещей как можно скорее, вследствие чего они хотели быть уверены, что их рабы

будут рядом, чтобы выполнять необходимую работу. Это означало предоставление рабовладельцам юридических оснований для возвращения рабов, бежавших в свободные штаты.

Принятая на Филадельфийском конвенте 1787 года Конституция США в пункте 2 статьи IV содержала «положение о беглых рабах и преступниках», которое гласило: «Ни одно лицо, содержащееся для службы или работы в одном штате, в соответствии с его законами, и бежавшее в другой, не может в силу какого-либо закона или постановления другого штата быть освобождено от такой службы или работы и должно быть передано по требованию стороны, для которой данная служба или работа осуществляются» [2].

Хотя слово «раб» здесь не использовалось, равно как и во всем остальном тексте Конституции, смысл данного положения был ясен: любой раб, бежавший из рабовладельческого штата в свободный, подлежал возвращению своему владельцу. Вскоре, однако, стало очевидно, что закон должен содержать более ясные формулировки в отношении беглых рабов, а также предусматривать штрафы за оказание им помощи. Многие свободные штаты игнорировали данный пункт и отказывали в содействии рабовладельцам по возвращению их собственности. Рабовладельческие штаты настаивали на принятии закона, специально ориентированного на граждан свободных штатов, помогавшим беглецам. Первый Закон о беглых рабах был принят Конгрессом в Филадельфии, тогдашней столице США, в 1793 году. Закон объявлял преступлением оказание помощи беглому рабу или предотвращение его ареста [3].

В результате принятия данного закона Канада стала важным направлением для беглых рабов, которые не могли чувствовать себя в полной безопасности нигде в США. К 1826 году в Канаде проживало так много беглых рабов, что владельцы плантаций в Мэриленде и Кентукки попросили государственного секретаря США Генри

Клея разработать с правительством Канады план, согласно которому сбежавшие рабы могли бы быть законно возвращены их владельцам. Клей написал канадскому правительству и с нетерпением ждал ответа, однако канадское правительство не предложило никакой помощи в возвращении беглых рабов, живших на ее территории.

Канада находилась в сотнях миль от рабовладельческих штатов, и путь к ее границам был долгим и опасным. Тем не менее, для рабов, у которых хватило смелости бежать, мечта о свободе была сильнее страданий, которые им пришлось пройти, чтобы вырваться из оков рабства. В деле помощи беглецам немалую помощь оказывали представители коренного населения Америки. Рабы как на Севере, так и на Юге находили убежище у местных индейских племен и часто проводили у них остаток своей жизни. К примеру, семинолы, индейское племя Флориды, благожелательно встречало беглых рабов, разрешая членам племени вступать с ними в брак.

Более успешными были случаи индивидуальных побегов рабов или небольших групп, особенно когда рабам не нужно было предпринимать далекие странствия в поисках свободы. Гораздо труднее и опаснее было бегство с Юга на Север. Большинство рабов с Юга никогда не были на Севере и имели лишь смутное представление о том, где он находится. Кроме того, в рабовладельческих штатах действовали суровые законы, запрещавшие рабам получение образования. Так, к примеру, рабовладельческий кодекс Алабамы 1833 года (Alabama Slave Code) предполагал, что лицо, которое попытается научить свободного цветного человека или раба читать или писать, должно быть оштрафовано на сумму от 250 до 500 долларов (для сравнения, цена коровы в то время составляла 12 долларов). Аналогичные законы были приняты в Джорджии (1829 г.), Южной Каролине (1834 г.), Вирджинии (1846 г.) и

иных рабовладельческих штатах. При этом некоторые из этих законов не ограничивались имущественными взысканиями, но также предполагали возможность применения к нарушителю телесных наказаний и тюремного заключения [4, р. 125–126].

Таким образом, принудительная безграмотность существенно усложняла беглецам их задачу. В своих представлениях о свободе и маршрутах ее обретения беглецы не могли опираться на литературные источники. Многие из них плохо ориентировались на местности, поскольку не могли прочесть названия населенных пунктов, вывески магазинов, объявления о поимке беглых рабов и пр. Поэтому на протяжении всего пути беглецы рисковали быть обнаруженными. Существовали профессиональные ловцы рабов, которые зарабатывали на жизнь выслеживанием и доставкой беглецов в обмен на вознаграждение, которое рабовладельцы были готовы платить за возвращение своего ценного имущества [5]. Местные шерифы, другие рабовладельцы и люди, которые поддерживали институт рабовладения или просто считали, что законы о беглых рабах должны соблюдаться, всегда выискивали беглецов. Таким образом, беглецам приходилось держаться подальше от населенных пунктов и дорог общего пользования, особенно днем. Они путешествовали в основном ночью, проводя дни, прячась в болотах, лесах и полях, часто не имея при себе ничего, кроме одежды.

Так что же толкало рабов на столь рискованный шаг? Несмотря на заявления рабовладельцев и многих политических лидеров Юга о том, что жизнь рабов является вполне самодостаточной, это, безусловно, было явным преувеличением. Кодексы рабовладельческих штатов запрещали рабам покидать имение хозяина без соответствующего разрешения, а также собираться группами более пяти человек, заниматься медициной, иметь оружие, разводить животных или давать показания против белых.

За исключением жителей Мэриленда, Кентукки и города Вашингтона, рабам по закону не разрешалось обучаться грамоте, а также получать иные формы образования. Рубен Сондерс из округа Грин, штат Джорджия, отмечал: «Я в Джорджии видел лишь одного раба, который умел читать и писать, и он был привезен из другого штата» [6, р. 275]. Женщина с восточного побережья Мэриленда, миссис Джеймс Сьюард, вспоминала: «Меня никогда не отправляли в школу и не разрешали ходить в церковь. Они боялись, что у нас будет больше знаний, чем у них» [6, р. 41]. Наказание за нарушение законов было суровым, и порка была обычным явлением. Джон Уоррен из Теннесси вспоминал: «Я видел, как человек получил пятьсот пятьдесят ударов плетью за побег» [6, р. 184]. Судьи приговаривали к смертной казни рабов, совершивших не только убийства, но и грабежи, поджоги и мятежи, а также белых, способствовавших восстаниям рабов [7, р. 94–105].

Хотя рабы могли жить вместе как муж и жена, их брачные контракты не считались действительными или законными. Продавая рабов, хозяин часто разлучал мужа с женой, родителя с ребенком. В рассказе о своей жизни раб по имени Джеймс Карри отмечал: «О таком разделении рабов задумываются мало. Немногие хозяева считают такой союз священным: там, где это делает один, сотня других не придает этому значения» [8, р. 118]. Задокументирован случай, когда один раб настолько сильно боялся продажи и, соответственно, разлуки со своей семьей, что отрубил себе пальцы левой руки топором, чтобы испортить свой «товарный вид» [6, р. 178]. Рабовладельцы требовали, чтобы молодые матери возвращались на работу через неделю после родов. Полевые рабочие были вынуждены оставлять своих младенцев без присмотра в тени, им разрешалось брать их в руки и кормить только два раза в день [9, р. 101].

Решение помочь искателю свободы часто было спонтанным, однако в некоторых

случаях, особенно после принятия Закона о беглых рабах 1850 года, Подземная железная дорога являла собой преднамеренные и организованные действия. Несмотря на незаконность помощи беглецам, в этой широко распространенной форме гражданского неповиновения участвовали представители самых разных слоев населения. В частности, помощь приходила от поработанных и свободных чернокожих, американских индейцев, людей разных религиозных и этнических групп.

Была ли Подземная железная дорога действительно общенациональным заговором с «кондукторами», «агентами» и «депо», или народное воображение просто сконструировало эту концепцию из ряда случайных, не связанных между собой фактов побега?

Уилбур Зиберт, профессор истории в Университете штата Огайо, опубликовал книгу «Подземная железная дорога: от рабства к свободе» в 1898 году после многочисленных интервью с мужчинами и женщинами, которые когда-то «путешествовали» по Подземной железной дороге. Он пишет, что ассоциирование маршрутов беглецов с железной дорогой, скорее всего, связано с активным развитием железнодорожного транспорта: открывающиеся в связи с этим перспективы будоражили умы простых американцев. Поэтому понятие «железная дорога» в общественном сознании того времени было прочно связано с чем-то масштабным и разветвленным, охватывающим подобно паутине всю страну [1, p. 45].

Хотя беглые рабы редко путешествовали на поезде, термин «Подземная железная дорога» вскоре прижился. Один железнодорожный термин вел к применению другого: беглые рабы становились «пассажирами»; дорога, по которой они уходили, была «линией». Тех, кто помогал в пути, называли «агентами», а тех, кто выводил пассажиров на свободу, называли «проводниками». Мужчин и женщин, которые открывали свои дома для пассажиров

и предоставляли ночлег, еду и часто предметы одежды, называли «смотрителями станций».

Эпитет «подземная» (англ. – underground) многими исследователями вполне справедливо трактуется не в прямом, а в переносном смысле – как синоним слову «подпольный». Соглашаясь с терминологической интерпретацией, отметим, что деятельность Подземной железной дороги отнюдь не всегда носила законспирированный характер. Выработка агентами «подземки» специальной терминологии была направлена на то, чтобы сбить с толку преследователей и прочих недоброжелателей. Ярким примером может служить известное высказывание Гарриет Табмен, одного из самых выдающихся активистов Подземной железной дороги: «Я была проводником на Подземной железной дороге восемь лет и могу сказать то, чего не может сказать большинство проводников: мой поезд никогда не сходил с рельс и никогда не терял пассажиров» [10].

Тем не менее, подавляющее большинство «персонала» Подземной железной дороги оказывало помощь беглецам уж слишком различными способами для того, чтобы к ним была применима столь специфичная терминология. Общее дело часто объединяло богатых и бедных, чернокожих и белых. Почти столь же разнообразны были «пассажиры» и их истории. Так, один светлокожий мужчина сбежал из лагеря в Саванну, поселился в первоклассном отеле, прогулялся по городу в прекрасном новом костюме и беззаботно купил билет на пароход до Нью-Йорка. Тем временем женщина из Вирджинии и ее маленькая дочь провели пять месяцев, скрючившись в крошечном укрытии под домом недалеко от Норфолка, прежде чем их контрабандой вывезли на свободу.

Заключение. Таким образом, организация и деятельность Подземной железной дороги стала важной составляющей в непростом деле искоренения рабства на территории США. Наше исследование

показало, что исследуемая система содействия беглецам не имела отношения к железной дороге, не была подземной и даже не всегда имела законспирированный характер, в силу чего термин «Подземная железная дорога» не отражает всего многообразия оказываемой искателям свободы помощи. Тем не менее, он не умаляет

того огромного вклада, который внесли аболиционисты и прочие сочувствующие проблемам рабов люди разных рас, полов, этнических групп и социальных слоев, которые, рискуя своей свободой, имуществом и даже жизнью, способствовали обретению свободы угнетенным населением южных штатов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Wilbur H. Siebert. *The Underground Railroad from Slavery to Freedom*. New York: Macmillan Company, 1898. 478 p.
2. Конституция США [Электронный ресурс] // ConstitutionFacts.com: [сайт]. URL: https://www.constitutionfacts.com/content/constitution/files/USConstitution_Russian.pdf (дата обращения: 18.10.2023).
3. Fugitive Slave Act of 1793 [Electronic resource] // USHistory.org: [сайт]. URL: <https://www.ushistory.org/presidentshouse/history/slaveact1793.php> (дата обращения: 18.10.2023).
4. Dye John Smith. *The Adder's Den; Or, Secrets of the Great Conspiracy to Overthrow Liberty in America, Etc.* New York: Published by the author, Beekman Street, 1864. 132 p.
5. Hadden Sally E. *Slave Patrols: Law and Violence in Virginia and the Carolinas*. Harvard Historical Studies. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001. 340 p.
6. Benjamin Drew. *A North-Side View of Slavery: The Refugee or the Narratives of Fugitive Slaves in Canada Related by Themselves*. Boston: John P. Jewett and Co., 1856. 387 p.
7. Kenneth M. Stampp, «Chattels Personal» *Slavery in American Society*, eds. Richard D. Brown and Stephen G. Rabe. Lexington, Mass: D.C. Heath & Co., 1976. 306 p.
8. Marion Starling. *The Slave Narrative: Its Place in American History*. Washington, D.C.: Howard University Press, 1988. 375 p.
9. «Narrative of Margaret Ward and Infant Son, Samuel Ringgold Ward,» in Charles L. Blockson, *The Underground Railroad*. New York: Prentice Hall Press, 1987. 308 p.
10. Harriet Tubman: She Never Lost A Passenger [Electronic resource] // Foundation for Economic Education: [сайт]. URL: <https://fee.org/articles/risking-life-and-limb-for-liberty/> (дата обращения: 18.10.2023).

REFERENCES:

1. Wilbur H. Siebert. *The Underground Railroad from Slavery to Freedom*. New York: Macmillan Company, 1898; 478 p.
2. The US Constitution [Electronic resource] // ConstitutionFacts.com: [website]. URL: https://www.constitutionfacts.com/content/constitution/files/USConstitution_Russian.pdf (access date: 18.10.2023).
3. Fugitive Slave Act of 1793 [Electronic resource] // USHistory.org: [website]. URL: <https://www.ushistory.org/presidentshouse/history/slaveact1793.php> (access date: 18.10.2023).
4. Dye John Smith. *The Adder's Den; Or, Secrets of the Great Conspiracy to Overthrow Liberty in America, Etc.* New York: Published by the author, Beekman Street, 1864; 132.
5. Hadden Sally E. *Slave Patrols: Law and Violence in Virginia and the Carolinas*. Harvard Historical Studies. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001; 340.
6. Benjamin Drew. *A North-Side View of Slavery: The Refugee or the Narratives of Fugitive Slaves in Canada Related by Themselves*. Boston: John P. Jewett and Co., 1856; 387.
7. Kenneth M. Stampp, «Chattels Personal,» *Slavery in American Society*, eds. Richard D. Brown and Stephen G. Rabe. Lexington, Mass: D.C. Heath & Co., 1976; 306.

8. Marion Starling. The Slave Narrative: Its Place in American History. Washington, D.C.: Howard University Press, 1988; 375.

9. «Narrative of Margaret Ward and Infant Son, Samuel Ringgold Ward,» in Charles L. Blockson, The Underground Railroad. New York: Prentice Hall Press, 1987; 308.

10. Harriet Tubman: She Never Lost A Passenger [Electronic resource] // Foundation for Economic Education: [website]. URL: <https://fee.org/articles/risking-life-and-limb-for-liberty/> (accessed 18.10.2023).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflict of interest

Информация об авторе

Султан Таласович Хапчаев, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин

ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» (Ставропольский филиал), лейтенант полиции, г. Ставрополь, Российская Федерация

e-mail: hapchaev82@yandex.ru

тел.: +7 (909)4969611

Information about the author

Sultan T. Khapchaev, PhD (Law), Associate Professor, the Department of State and Civil Law Disciplines,

FSPEI HE «Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Stavropol branch)», Police Lieutenant, Stavropol, the Russian Federation

e-mail: hapchaev82@yandex.ru

tel: +7(909)4969611

Поступила в редакцию 12.09.2023

Поступила после доработки 27.10.2023

Принята к публикации 27.10.2023

Received 12.09.2023

Revised 27.10.2023

Accepted 27.10.2023

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PEDAGOGICAL SCIENCES

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-46-53>
УДК 614.1:373.3
© 2023

Я.Б. Аппаева^{1*}, И.В. Кюнкрикова¹ Этнокультурный потенциал в процессе формирования здорового образа жизни у младших школьников

^{1*} *Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Калмыцкий государственный университет
имени Б.Б. Городовикова», г. Элиста, Российская Федерация*

Аннотация

Актуальность. Вопросы, связанные с формированием основ здорового образа жизни младших школьников, являются особенно актуальными в настоящее время. Начальное образование является одним из наиболее значимых этапов в развитии личности, которая развивается в условиях определенной социальной среды. Именно поэтому современное образование должно формировать уровень валеологических знаний у обучающихся с учетом вышеизложенного.

Постановка проблемы: несмотря на наличие имеющихся работ по данной проблеме, практически отсутствуют исследования, отражающие этнокультурный аспект в процессе формирования здорового образа жизни в условиях начальной школы.

Цель исследования: выявить этнокультурный потенциал, оказывающий влияние на формирование здорового образа жизни младших школьников.

В процессе исследования было использовано анкетирование, которое было составлено на основе исследований этнопедагогов. Вопросы были направлены на выявление знаний о здоровом образе жизни на основе этнокультуры калмыков у младших школьников. Проанализирована динамика изменения уровня сформированности знаний о здоровом образе жизни у младших школьников с учетом этнокультурного материала. Отражен этнокультурный потенциал в процессе формирования здорового образа жизни, который расширил валеологические знания у обучающихся начальной школы. Результаты исследования показали, что этнокультурный потенциал оказал определенное влияние на систематизацию знаний о здоровье и здоровом образе жизни обучающихся.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, здоровье, этнокультурный потенциал, младший школьник, валеологические знания, этнопедагогика калмыков

Для цитирования: Аппаева Я.Б., Кюнкрикова И.В. Этнокультурный потенциал в процессе формирования здорового образа жизни у младших школьников // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 4. С. 46–53. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-46-53>.

Y.B. Appaeva^{1*}, I.V. Kyunkrikova¹

Ethnocultural potential in the process of healthy lifestyle forming in younger schoolchildren

^{1*}FSBEI HE «Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov», Elista, the Russian Federation

Abstract

The relevance. Issues related to the forming healthy lifestyle in younger schoolchildren are especially relevant nowadays. Despite the availability of available works on this issue, there are practically no studies that reflect the ethno-cultural aspect in the process of forming a healthy lifestyle in primary school conditions. Primary education is one of the most significant stages in the development of a personality that develops in a particular social environment. That is why modern education should form the level of valeological knowledge of students, taking into account the above mentioned facts.

The target setting. In spite of the existing works on this issue, there are practically no studies reflecting the ethnocultural aspect in the process of developing healthy lifestyle in primary school conditions.

The purpose of the research is to identify the ethnocultural potential that influences the formation of healthy lifestyle in primary schoolchildren.

During the research process a questionnaire was used, which was compiled on the basis of research by ethnoeducators. It was aimed at identifying knowledge about a healthy lifestyle based on the Kalmyk ethnoculture among primary schoolchildren. The dynamics of changes in the level of formation of knowledge about a healthy lifestyle in junior schoolchildren has been analyzed, taking into account ethnocultural material. The ethnocultural potential in the process of forming a healthy lifestyle has been reflected, which expands the valeological knowledge of primary school students. The results of the study show that ethnocultural potential has a certain impact on the systematization of knowledge about health and healthy lifestyles of students.

Keywords: healthy lifestyle, health, ethnocultural potential, younger schoolchildren, valeological knowledge, Kalmyk ethnopedagogic

For citation: Appaeva Y.B., Kyunkrikova I.V. Ethnocultural potential in the process of healthy lifestyle forming in younger schoolchildren // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2023. Volume 15, No 4. P. 46–53. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-46-53>.

Введение. Формирование ценности здоровья и здорового образа жизни обучающихся является основой валеологической культуры и, в соответствии с требованием Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования (далее – ФГОС НОО)

[9], представляет собой одно из приоритетных направлений современной начальной школы. До определенного момента проблема валеологического образования решалась в процессе изучения отдельных предметов, что не в полной мере формировало осознание ценности собственного

здоровья и здорового образа жизни.

Несмотря на изученность заявленной проблемы, стоит отметить, что этнокультурный потенциал в процессе формирования здорового образа жизни у младших школьников представлен в исследованиях в недостаточной степени. Начальное образование является одним из наиболее значимых этапов в развитии личности, которая развивается в условиях определенной социальной среды. Именно поэтому современное образование должно формировать уровень валеологического образования у обучающихся с учетом вышеизложенного. В связи с этим формирование валеологических знаний во многом зависит не только от полученных традиционных, но и от развития специфических навыков и умений, полученных в конкретном этносоциуме.

Цель статьи – выявить этнокультурный потенциал в процессе формирования здорового образа жизни у младших школьников.

Проведенный анализ научной литературы показал, что обозначенный вопрос рассматривался с точки зрения различных позиций. Концепция формирования валеологических знаний и культуры здоровья (В.Ф. Базарный [1], И.И. Брехман [2], Э.Н. Вайнер [3] и др.) связана с изучением механизмов адаптации человека к окружающей среде; с оценкой здоровья и резервных возможностей организма человека, мониторингом состояния здоровья; исследованием научно обоснованных рекомендаций по формированию здорового образа жизни; распространением валеологических знаний и умений.

Другой подход связан с исследованием вопросов духовно-нравственного воспитания, оказывающих влияние на здоровье подрастающей молодежи, что обеспечивает будущее страны (Marzhangul A. Kusainova, Riza N. Zharanova) [8].

Следующий подход, основанный на зарубежных исследованиях, ориентирован на реализацию здоровьесберегающих технологий в обучении для обеспечения здо-

ровьесберегающей среды, формирования у обучающихся здорового образа жизни и воспитания поведения, направленного на сохранение и укрепление здоровья [10].

Применительно к данной статье особую значимость имеют этнопедагогические источники (Г.Н. Волков [4], О.Д. Мукаева [5], Н.П. Олесов [6], У.Э. Эрдниев [7]), которые отражают специфичность проблемы. Как отмечают этнопедагоги, в течение многовековой истории человечества во всех социально-экономических структурах существовала проблема сохранения здоровья, которая занимала важное место в жизни общества. Различные аспекты данной проблемы были тесно связаны с развитием жизнедеятельности народа, а также формированием социального бытия. В их понимании здоровый образ жизни связан с соблюдением народных традиций, с этническими особенностями, что в конечном итоге улучшает и сохраняет здоровье нации.

Однако в научных исследованиях недостаточно представлен этнокультурный потенциал в процессе формирования здорового образа жизни младших школьников.

Основная часть. Эмпирической базой проведенного эксперимента являлись результаты исследования обучающихся МБОУ СОШ № 4, г. Элиста, Республика Калмыкия. В эксперименте принимали участие младшие школьники двух групп: экспериментальной и контрольной.

В процессе исследования были использованы следующие методы: тест цветных метафор И.Л. Соломина; методика «Уровень владения школьниками культурными нормами в сфере здоровья» (авт. Н.С. Гаркуша); анкетирование.

Возраст детей: 7–9 лет. Эксперимент проводился в процессе занятий по внеурочной деятельности в группах от 30 до 35 человек в течение 1 часа в неделю в период учебного года. При обследовании детей, как правило, основное внимание обращалось на изучение состояния уровня функциональных и адаптируемых воз-

возможностей организма, а также личные и типологические особенности, на уровень тревожности и познавательной сферы.

На первом этапе исследования также провели анкетирование, направленное на выявление этнокультурных знаний о здоровом образе жизни. Вопросы включали различные аспекты жизнедеятельности народа, а именно, быт, этнопитание, народные игры, обычаи и традиции, которые оказывали влияние на формирование здорового образа жизни. Данная анкета позволила выявить наличие у младших школьников знаний об этнокультурных традициях здорового образа жизни.

На основе исследований (Г.Н. Волков, П.П. Егорова, О.Д. Мукаева, С.И. Мургаева, Т.И. Шукшина, У.Э. Эрдниев) нами была составлена анкета, направленная на выявление знаний о здоровом образе жизни на основе этнокультуры калмыков у младших школьников. Содержание вопросов включали аспекты, связанные с жизнедеятельностью человека, с народной медициной, этнопитанием, с правилами поведения, принятыми в культуре калмыков.

На основе анкеты были обозначены следующие уровни (высокий, средний, низкий), отражающие результат осведомленности младших школьников о культуре здорового образа жизни и оценке его формирования.

Высокий уровень свидетельствовал о достаточном представлении учащихся о понятиях, связанных с традиционной культурой калмыков о здоровье и здоровом образе жизни. Обучающиеся с высоким уровнем могли использовать ранее полученные знания о человеке; о структуре и работе человеческого организма, гигиене, которые изучались на уроках окружающего мира, физической культуре, а также были изучены самостоятельно. Ответы младших школьников на вопросы, связанные со здоровым образом жизни, имели четкие, ясные, полные и аргументированные формулировки.

Средний уровень характеризовался неполным, но достаточным представлением о здоровом образе жизни, младшие школьники могли использовать знания, которые были получены из курса предметной подготовки Окружающего мира в разделе «Родной край». Обучающиеся допускали несущественные ошибки и неточности при выполнении заданий на сравнение, анализ, прогнозирование. Ответы на вопросы, связанные со здоровым образом жизни и составляющими здоровья у младших школьников были недостаточно развернутые и недостаточно аргументированные.

Низкий уровень был представлен слабым представлением о здоровом образе жизни, младшие школьники затруднялись использовать знания о человеке и его организме, гигиене, о работе организма, которые были получены ранее в процессе учебной деятельности.

В процессе анкетирования в экспериментальной группе было выявлено: низкий уровень соответствовал 37%, средний составил 43%, а высокий был зафиксирован у 20% учащихся. Результаты контрольной группы свидетельствовали, что показатели низкого уровня составили 34%, средний уровень был выявлен у 43%, высокий уровень продемонстрировали 23% обучающихся начальных классов.

Следует отметить, что у младших школьников затруднения вызывали вопросы, связанные с народной медициной, лекарственными растениями, а также с психологическим здоровьем, основанном на представлениях о жизнедеятельности калмыков.

Результаты констатирующего этапа исследования позволили нам выстроить систему работы, ориентированную на формирование здорового образа жизни младших школьников. В первую очередь система предполагала работу, направленную на активизацию самообразования и здоровьесберегающую деятельность, проявляющихся в выполнении повседнев-

ных действий, и таких как: полноценный режим дня, рациональная организация досуга. Во-вторых, важным фактом являлось проявление рефлексивных способностей, связанных с анализом собственных действий, а также на основании этого умения осуществлять саморегуляцию.

В процессе экспериментальной работы нами была реализована программа внеурочной деятельности. Цель программы заключалась в формировании здорового образа жизни младших школьников на основе единства физического, психологического, духовно-нравственного и социального развития личности.

В процессе формирования здорового образа жизни младших школьников мы опирались на этнопедагогику калмыков. В процессе многовекового опыта хозяйственной деятельности у народа накопился огромный запас знаний и практических умений взаимодействия с природой. Огромное практическое умение в условиях кочевья имели эмпирические знания в области астрономии, ботаники, зоологии, несмотря на то, что наука и научные знания, как отмечает ученый У.Э. Эрдниев [7], по существу у калмыцкого народа отсутствовали вплоть до конца XIX века. Хорошо понимая анатомию животных, калмыки могли применять хирургические методы, что впоследствии имело огромное значение для исправления травматических поражений человека. Народные костоправы могли вправить вывих, зафиксировать в правильной позиции место перелома или ушиб. В качестве лекарственных средств эмчи (врачи, народные целители) применяли степные растения и травы: полынь, тысячелистник, шаһан будг («гусиные лапки» – нар.), а также продукты животного происхождения. Кисломолочный продукт чигән (кумыс) применяли при туберкулезе и заболеваниях легких, жиры животных употребляли в пищу для восстановления сил и при малокровии. Калмыцкие эмчи полагали, что организм человека состоит из пяти элементов – природных составля-

ющих: земли, воды, дерева, огня, железа. Нарушение баланса данных элементов приводит, по мнению эмчи, к заболеваниям, дисгармонии. В связи с этим, совместно с младшими школьниками мы пришли к выводу, что человек есть часть природы, и каждый должен находиться в гармонии с природой и бережно относиться к ее богатствам.

Раздел «Физическое здоровье» был ориентирован на физическое воспитание младших школьников. В процессе реализации программы мы попытались учесть состояние здоровья каждого из обучающихся и выстроить занятия с учетом данного фактора. В основном занятия проводились на свежем воздухе в форме подвижных игр (национальных подвижных игр), эстафет.

Для правильной организации жизнедеятельности младших школьников необходим режим дня. Отметим, что в жизнедеятельности калмыков цикл суток имел большое значение. На практических занятиях мы составляли режим дня младшего школьника с учетом этнокультурных традиций. От занятия к занятию обсуждали, насколько ребята соблюдали свой режим дня в течение недели, и что необходимо делать, чтобы не нарушать график. Организации режима дня с учетом этнокультурных традиций, валеологизации и здоровьесбережения обеспечивает физическое и умственное развитие младших школьников в соответствии нормативными показателями.

Одно из направлений в процессе формирования этновалеологической культуры принадлежит социальному здоровью. Наряду с физическим и психическим здоровьем оно образует многогранность определения здоровья. Это может быть подтверждено определением Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ): «Здоровье – это состояние полного физического, умственного и социального благополучия, а не просто отсутствие болезни или неотвратимости» [10].

Вопросы социального здоровья можно рассматривать с учетом условий, в которых живут люди, и возможности заботиться о своем здоровье. Так, в традиционной культуре калмыков существует система запретов (килнц) и добродетелей (буйн), которые регулируют социальные отношения в обществе. В систему запретов входили различные действия, три из которых – физические действия (воровство, лишение жизни живых существ, завладение чужим имуществом); четыре, относящиеся к речевым высказываниям (ложь, сквернословие, оскорбление, грубость); три характеризуют умственные действия (злой умысел, «му йор» (черные мысли), «куунд харал тавх» (проклятие) [5, с. 100].

В рамках следующей темы мы обратились к этнопедагогическим ценностям калмыков. В культуре калмыцкого народа существуют ценности, которые требуют быть добрым, милосердным, честным, порядочным человеком, умеющим постоять за себя, близких, отчизну. Ребенок, которому привиты положительные черты характера, легче входит в мир культуры, в связи с этим рациональнее развиваются его умственные и физические возможности. Многовековой опыт народа выработал нормы, методы, средства и формы физического воспитания. В народном понимании здоровье человека – самое драгоценное богатство и источник всех благ.

Заключение. Проведенное исследование позволило установить, что проблема формирования здорового образа жизни младших школьников должна рассматриваться с учетом этнокультурного аспекта. Этнокультурный потенциал, по нашему мнению, подразумевает включение в содержание начального образования знаний традиционной культуры народа о здоровом образе жизни (ценности, этнопитание, способы жизнедеятельности этноса, поведение в соответствии с нормами и правилами, а также климатическими условиями региона). Особое место, таким образом,

отводится вопросам, выражающим моральную оценку определенного поведения и деятельности, что находит свое отражение в культуре народов. Данный потенциал рассматривается в контексте комплексных подходов к понятию здоровья (физическое, психологическое, социальное, духовно-нравственное), включая отношения внутри самого человека и его окружения.

Следует отметить, что проблемным вопросом являлось наличие хаотичных, бессистемных знаний у обучающихся начальной школы о здоровом образе жизни с учетом этнокультуры, которые являются компонентом валеологической культуры. Настоящее исследование выявляет уровень обозначенных знаний, что позволяет систематизировать их посредством программы внеурочной деятельности и реализовать ее в образовательном процессе. По завершении реализации программы, подводя итоги, были обсуждены вопросы: чему научились, что нового узнали, каковы дальнейшие действия по укреплению здоровья, формированию здорового образа жизни младших школьников. Валеологические знания о здоровом образе жизни, которые изучались в процессе внеурочной деятельности младших школьников, включали этнокультурный материал. Младшие школьники приобрели умения, которые позволяют им оценить собственное здоровье с учетом этнокультуры, а также позволяют осуществлять корректировку своей жизнедеятельности.

Экспериментальное исследование привело к выводу, что формирование здорового образа жизни на основе этнокультуры как части общечеловеческой культуры ориентирует на знание человеком этнопсихологических особенностей и физиологических возможностей организма, владение методами сохранения, укрепления и развития своего здоровья с учетом традиционной системы воспитания народа.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Базарный В.Ф. Здоровье и развитие ребенка: экспресс-контроль в школе и дома: практическое пособие. – М.: АРКТИ, 2005. – 176 с.
2. Брехман И.И. Валеология – наука о здоровье. – М.: ФиС, 1990. – 208 с.
3. Вайнер Э.Н. Основы медицинских знаний и здорового образа жизни: учебник (для бакалавров). – М.: КноРус, 2023. – 308 с.
4. Волков Г.Н. Этнопедагогика: учебник для студентов. – М.: Академия, 1999. – 168 с.
5. Мукаева О.Д. Этнопедагогика калмыков: история, современность: в 3-х ч. Ч. 1, 2. – Элиста: Джангар, 2003. – 391 с.
6. Олесов Н.П. Этнопедагогическая система воспитания здорового образа жизни обучающихся: концепция, модель и практика (На примере Республики САХА (ЯКУТИЯ): автореф. дис. ... на соиск. уч. степ д-ра педагог. наук. Якутск, 2022. – 44 с.
7. Эрдниев У.Э., Максимов К.Н. «Калмыки». Историко-этнографические очерки. – Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 2007. – 430 с.
8. AGHYPPPO ALEXANDR, TKACHOV SERGIJ, ORLENKO OLENA. Role of physical education on the formation of a healthy lifestyle outside of school hours // Journal of Physical Education and Sport ® (JPES). 2016. Vol. 16, No. 2. P. 335–339.
9. Ilyakhina O.U. Physical Activity And Psychological And Pedagogical Recommendations For The Formation Of A Healthy Lifestyle In Children During The Pandemic (Covid-19), Indo Am. J. P. Sci, 2021; 08(04).
10. Jerre Mae Tamanal and Cheong Hoon Kim. Promoting Healthy Lifestyle in High School Students: Determination of the Lifestyle Status through the Healthy Lifestyle Screen (HLS) Assessment // Journal of Lifestyle Medicine. 2020. Vol. 10, No. 1. P. 30–43.
11. Marzhangul A. Kusainova Riza N. Zhapanova Galiyabanu M. Ethno-pedagogical conditions for forming a healthy lifestyle in the educational process of younger schoolchildren. 2021. No. 39. P. 488–493.
12. Ziyayev A.N. FACTORS FOR THE FORMATION OF A HEALTHY LIFESTYLE IN YOUNGER SCHOOLCHILDREN [Electronic resource] // Galaxy International Interdisciplinary Research Journal. 2022. No. 10(1). P. 946–948. URL: <https://internationaljournals.co.in/index.php/giirj/article/view/3175>
https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_140174/
<https://fgos.ru/>
<https://docs.edu.gov.ru/document/3a928e13b4d292f8f71513a2c02086a3/download/1337/>
<https://www.who.int/ru/>

REFERENCES:

1. Bazarny V.F. Child health and development: express control at school and at home: practical guide. M.: ARKTI, 2005; 176.
2. Brekhman I.I. Valeology – the science of health. M.: Publishing house: FiS, 1990; 208.
3. Weiner E.N. Fundamentals of medical knowledge and a healthy lifestyle: a textbook (for bachelors). M.: KnoRus, 2023; 308.
4. Volkov G.N. Ethnopedagogy: a textbook for students. M.: Academy, 1999; 168.
5. Mukaeva O.D. Ethnopedagogy of the Kalmyks: history, modernity: In 3 parts. P. 2,3. Elista: Dzhangar, 2003; 391.
6. Olesov N.P. Ethnopedagogical system for educating students about healthy lifestyle: concept, model and practice (the case of the Republic of SAKHA (YAKUTIA): abstract of a dissertation for the degree of Dr Sci. (Ped.). Yakutsk, 2022; 44.
7. Erdniev U.E., Maksimov K.N. «The Kalmyks». Historical and ethnographic essays. Elista: Kalmyk book publishing house, 2007; 430.

8. AGHYPPPO ALEXANDR, TKACHOV SERGIJ, ORLENKO OLENA. Role of physical education on the formation of a healthy lifestyle outside of school hours // Journal of Physical Education and Sport ® (JPES). 2016. 16 (2): 335–339.

9. Ilyakhina O.U. Physical Activity And Psychological And Pedagogical Recommendations For The Formation Of A Healthy Lifestyle In Children During The Pandemic (Covid-19)... Indo Am. J. P. Sci, 2021; 08(04).

10. Jerre Mae Tamanal and Cheong Hoon Kim. Promoting Healthy Lifestyle in High School Students: Determination of the Lifestyle Status through the Healthy Lifestyle Screen (HLS) Assessment // Journal of Lifestyle Medicine. 2020. 10 (1): 30–43.

11. Marzhangul A. Kusainova Riza N. Zhapanova Galiyabanu M. Ethno-pedagogical conditions for forming a healthy lifestyle in the educational process of younger schoolchildren. 2021. 39: 488–493.

12. Ziyayev A.N. FACTORS FOR THE FORMATIO [Electronic resource] // Galaxy International Interdisciplinary Research Journal. 2022. 10(12):946–948. URL: <https://internationaljournals.co.in/index.php/giirj/article/view/3175>

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_140174/

<https://fgos.ru/>

15. <https://docs.edu.gov.ru/document/3a928e13b4d292f8f71513a2c02086a3/download/1337/>

<https://www.who.int/ru/>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflict of interest

Информация об авторах

Ялман Борисовна Аппаева, доцент, кандидат педагогических наук,
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова»
г. Элиста, Российская Федерация
e-mail: yalman61@mail.ru
тел.: +7(937)4667622

Ирина Валериевна Кюнкрикова, кандидат педагогических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова»
г. Элиста, Российская Федерация
e-mail: kjnirina75@mail.ru

Поступила в редакцию 18.09.2023

Поступила после доработки 27.09.2023

Принята к публикации 27.09.2023

Received 18.09.2023

Revised 27.09.2023

Accepted 27.09.2023

Information about the authors

Yalman B. Appaeva, PhD (Ped.), Associate Professor,
FSBEI HE «Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov», Elista, the Russian Federation
e-mail: yalman61@mail.ru
tel.: +7(937)4667622

Irina V. Kyunkrikova, PhD (Ped.), Associate Professor,
FSBEI HE «Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov», Elista, the Russian Federation
e-mail: kjnirina75@mail.ru

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-54-63>
УДК 004.932: [378.016:811.111]
© 2023

М.В. Белорукова^{1*}, М.В. Золотова¹

Видеоблогинг в преподавании английского языка в неязыковом вузе

^{1}Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация*

Аннотация

Актуальность. Популярность блогов и видеоблогов (влогов) в обучении в вузах английскому языку как иностранному растет, так как современные технологии стали неотъемлемой частью жизни молодежи.

Постановка проблемы. Встраивание социальных сетей и платформ видеохостинга в образовательный процесс представляется неизбежным. Преподавателям вузов необходимо превратить названные феномены из развлекательных в эффективные образовательные инструменты, помогающие решать различные учебные задачи.

Цель: рассмотреть способы использования видеоблогов (влогов) в обучении английскому языку в неязыковом вузе; оценить достоинства и недостатки различных интернет-ресурсов для размещения работ обучающихся в формате видеоблога; описать и представить варианты заданий для видеоблогинга, успешно используемые преподавателями ННГУ им. Н.И. Лобачевского при работе со студентами неязыковых специальностей, оценить эффективность и целесообразность применения влогов в обучении английскому языку в неязыковом вузе.

Методы исследования. Авторы прибегли к анализу педагогической литературы, наблюдениям за практическим применением видеоблогов в обучении иностранному языку в вузе, анкетированию, обобщению полученных данных.

Ключевые выводы. Включение влогов в процесс обучения иностранному языку в неязыковом вузе оказывает положительное влияние на мотивацию обучающихся. Также увеличивается спектр возможностей для практики иностранного языка во внеаудиторное время.

Ключевые слова: английский язык как иностранный, неязыковой вуз, видеоблог, влог, водкаст, видеокаст, видеоблогинг, социальные сети, видеохостинг

Для цитирования: Белорукова М.В., Золотова М.В. Видеоблогинг в преподавании английского языка в неязыковом вузе // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 4. – С. 54-63. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-54-63>.

M.V. Belorukova^{1*}, M.V. Zolotova¹

Video blogging in teaching English at a non-linguistic university

^{1*}*National Research Nizhny Novgorod State University named after. N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, the Russian Federation*

Abstract

The relevance of the research. Blogs and video blogs have recently gained popularity as integral part of university courses in teaching English as a foreign language (EFL). The reason can be seen in the fact that modern technologies have become inseparable from the daily routine of the younger generation.

The target setting. Social networks and video hosting platforms are presumed to be integrated into the educational process. EFL teachers face the need to turn these entertainment means into effective educational tools designed to solve specific learning tasks.

The purpose of the research is to consider ways of using video blogs (vlogs) in teaching EFL at a non-linguistic university; to evaluate pros and cons of popular internet sources which make possible uploading students' projects in the format of video blogs; to describe and present types of video blogging tasks successfully used by teachers of NNSU named after Lobachevsky when working with non-linguistic students, to evaluate the efficiency and practicability of blogging in teaching EFL.

The Research methods. The authors resorted to such methods as pedagogical literature review and analysis, observing the practical application of video blogging in teaching EFL in the non-linguistic university environment, questionnaire, synthesizing the data gained.

The Conclusions. Integration of vlogs into the process of teaching EFL at a non-linguistic university has a positive impact on learners' motivation. Also, it fosters a greater range of opportunities for out-of-class language practice.

Keywords: EFL, ESP, video blog, vlog, videocast, videoblogging, social networks, videohosting

For citation: M.V. Belorukova, M.V. Zolotova. Video blogging in teaching English at a non-linguistic university // *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2023. Volume 15, No 4. P. 54-63. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-54-63>.

Введение. Популярность блогов и видеоблогов (влогов) в обучении английскому языку как иностранному растет, так как современные технологии стали неотъемлемой частью жизни молодежи. Встраивание социальных сетей и платформ видеохостинга в образовательный процесс становится неизбежным. Одним из эффективных инструментов преподавателя становятся влоги, находящиеся в открытом доступе в сети Интернет, которые помогают решить различные учебные задачи – пополнить словарный запас, сформировать устойчивую мотивацию к изучению иностранного языка

вазию к изучению иностранного языка [10], совершенствовать грамматическую правильность и беглость речи обучающихся [5], повысить эффективность процесса обучения [6].

Влоги, созданные обучающимися, широко применяются в зарубежной педагогической практике для улучшения уровня владения английским языком как иностранным. С их помощью совершенствуются как перцептивные, так и рецептивные навыки, а также увеличивают время говорения студента (student's talking time) на протяжении курса. Использование вло-

гов – одна из возможностей обогатить качество преподавания, особенно при работе с совершеннолетними обучающимися.

Взрослая аудитория активно и с энтузиазмом реагирует на включение видеоблогов в работу вне класса, что повышает внутреннюю и внешнюю мотивацию обучающихся [12]. Задействование социальных сетей и платформ, позволяющих бесплатно размещать видеоконтент, приближает учебную деятельность к реальной жизни, положительно влияя на вокабуляр, личностные и межличностные навыки общения.

Создание обучающимися собственных влогов на английском языке в рамках учебного курса является новой темой в отечественной методике. Представляют большой интерес работы Т.Н. Сухаревой, использующей видеоблоги как оригинальный способ расширения продуктивного лексического запаса обучающихся в неязыковом вузе [8, 9]. Авторы статьи ставят задачу дать обоснованную оценку эффективности и целесообразности применения влогов в практике преподавания английского языка как иностранного и поделиться практическим опытом преподавателей ННГУ им. Н.И. Лобачевского по данной теме.

Основная часть. Термин *влог* (vlog) представляет собой комбинацию video + blog. *Блог*, в свою очередь, является производным от web и log и означает деятельность в интернете по ведению более-менее регулярного журнала или дневника, открытого для других пользователей. Блог служит для продвижения себя в соцсетях, публикации своего мнения, мыслей, впечатлений и обмена информацией в ограниченной или неограниченной группе пользователей интернета [13, 16].

В отличие от блога, *влог* или *видеоблог* определяется как «блог, использующий видео как основной ресурс подачи информации, вместо текстовой» [13, р.37]. Автор снимает на видео себя или события, загружает в интернет и публикует на подходящей платформе [14]. Необязательно, чтобы автор видео был один. Проектная

групповая работа студентов, включающая съемку видеофрагмента на заданную тему, также классифицируется как обучающий видеоблогинг [16].

Термин *влог* также используется для обозначения видеокаста, водкаста (videocast, vodcast), который определяется как видео в цифровой форме, опубликованное в интернете, для просмотра онлайн или оффлайн после загрузки на устройство [15]. Водкасты могут носить информативный или обучающий характер. Также термин *влог* используется видеостримерами, которые не ведут регулярный блог, но публикуют видео на онлайн видеохостингах, таких как YouTube. Живые видеорепортажи, доступные для просмотра на YouTube и в соцсетях, например, Facebook, также попадают в категорию влогов [19]. Таким образом, объединяющий признак влогов – их авторское, уникальное начало.

Большинство видеоблогеров освещают такие темы, как хобби, спорт, полезные советы, ежедневная рутина, личное мнение по какому-либо вопросу и т. д. В целом, влог создается с целью самовыражения, рефлексии или для того, чтобы поделиться информацией, которая уникальна, забавна, интересна или носит образовательный характер [17].

Влог, по сравнению с блогом, стал более удобным средством для визуализации своей жизни и впечатлений, так как позволяет соединить повествование с видео, звуком, статичными изображениями, презентацией, эмоциями, и, если необходимо, печатным текстом.

Записи влога (в англоязычной литературе vlog items, vlog posts) могут создаваться на смартфонах или при помощи видеокамеры и компьютера. Для монтажа видео используются различные, преимущественно бесплатные, программы, в функционале которых современные студенты разбираются гораздо лучше своих наставников. С их помощью в видеофрагмент можно добавить музыку, фото, отрывки из фильмов, текст, чтобы сделать

его более интересным для потенциальной аудитории.

Затем видеофайл выгружается на любую общедоступную платформу, подходящую для ознакомления преподавателя и одноклассников с заданием, при открытом доступе – для демонстрации записи всей аудитории интернета. Платформа должна иметь технологическую возможность пользователям комментировать запись как открыто, так и в личных сообщениях, оценивать ее (ставить лайки и дизлайки) и делиться с другими пользователями.

Зарубежные исследователи B. Anil, S. Maldin [11, 12] приводят плюсы и минусы различных популярных платформ для видеоблогинга, которые могут использоваться при обучении английскому языку. Регистрация на YouTube и его использование не представляют трудностей для студентов, так как большинство являются активными пользователями этой платформы. Исследователи отмечают недостаточную конфиденциальность YouTube, так как любой пользователь сможет просматривать видео без ограничений.

Социальные сети (у зарубежных авторов основным примером выступает Facebook, в России это может быть ВКонтакте) предоставляют больше возможностей для настроек конфиденциальности. Преподаватель может создать отдельный аккаунт для своей группы, куда только его студенты будут иметь доступ. Другим вариантом является создание сообщества, которое можно сделать закрытым или с частично открытым доступом.

Приложения-мессенджеры, такие как WhatsApp, Viber, также могут быть использованы для учебных целей. Недостатками являются ограничения по объему видеофайла, а также неудобство при работе со слишком большими видео, если у смартфона небольшой объем памяти. Обеспечение конфиденциальности в этом случае будет достигнуто за счет закрытых чатов, куда будут добавлены лишь определенные пользователи мессенджера – студенты группы.

Dropbox.com также упоминается как возможный хостинг для видеоблогов. Помимо видеофайлов, эта площадка дает возможность обмениваться текстовыми, PDF, архивными и голосовыми файлами, а настройки конфиденциальности могут разрешить доступ к загруженному содержанию лишь определенным пользователям.

Отмечается, что по ряду причин может быть принято решение о том, что студенты не выгружают свои видеофрагменты в формате влога на открытые интернет-площадки, а предоставляют их преподавателю по электронной почте или в мессенджере, получая обратную связь конфиденциально [11]. В таком случае существенным недостатком формата работы будет невозможность для других членов группы комментировать и оценивать работу коллег.

В ННГУ им. Н.И. Лобачевского формат видеоблога успешно используется в обучении английскому языку с целью увеличения времени внеаудиторной практики. Студенты работают над различными видами влог-заданий в группах или индивидуально, на регулярной основе или в форме ежегодного проекта.

Наиболее серьезной подготовки требует проведение межрегиональной видеоконференции, где студенты представляют 5-минутные фрагменты в формате видеоблога с рассказом на заданную тему на английском языке. Среди тем прошлых лет были: Чемпионат мира по футболу, год театра в России, достижения в науке и технологиях и т. д. Среди участников конференции – вузы из Нижнего Новгорода, Москвы, других регионов России, а также Беларуси, Казахстана. На мероприятии предварительно отобранные работы студентов демонстрируются онлайн, проходит обсуждение и голосование в режиме реального времени.

Невзирая на небольшую длительность звучания, задание по съемке конкурсного видео очень трудоемкое и включает несколько стадий подготовки. Студенты в группах из 5 человек собирают информацию по теме, отбирают материал, об-

суждают возможные варианты сценария. Распределяются роли сценариста, диктора (-ов), актеров, видео операторов, консультантов по языку. Прежде чем снимать видеоролик, неоднократно проводятся репетиции, тщательно выбирается место съемок и, если нужно, костюмы.

После съемок студенты редактируют видео, устраняя языковые и технические ошибки, накладывают музыку. Наконец, работы предоставляются жюри, состоящему из преподавателей вуза, и лишь одно видео удостоивается чести представить ННГУ на межвузовской конференции [3].

Роль преподавателя в подготовке видео прежде всего кураторская – консультировать по языковому аспекту и помогать с успешной итоговой презентацией видео. Тем не менее, он контролирует освоение нового языкового материала и совершенствование навыков устной и письменной речи членов команды, прослушивая диалоги, просматривая субтитры. Для совершенствования произношения студентов проводится анализ аудиозаписей носителей языка, используют фонетические упражнения [1].

Важно отметить, что обсуждение сценария, ролей в команде, весь процесс выполнения задания проходит на английском языке. Реализация данного вида задания всесторонне развивает все коммуникативные навыки обучающихся и тренирует основные виды речевой деятельности: диалоги отрабатываются устно, проводятся репетиции, часть проекта представляется на редактирование в письменном виде (субтитры) и прочитывается как студентами, так и курирующим преподавателем.

Помимо работы над изучаемым языком, создание видеофрагмента в команде дает возможность воспитывать у студентов социальные навыки и личностные качества, необходимые для успешной деятельности в социуме. Современным работодателям интересны специалисты, обладающие определенными чертами характера и навыками межличностного общения, привязанными не к определен-

ной должности, а к личности кандидата и его взглядам на жизнь.

Особо востребованные сегодня мягкие навыки (soft skills) включают черты характера (personality traits) и навыки межличностного общения (interpersonal traits). В числе первых следует отметить умение работать с информацией и современными технологиями, личную ответственность, способность обучаться, мотивировать себя и других, решать проблемы, критически мыслить. Примерами межличностных навыков могут быть: способность выступать публично, умение внимательно слушать, эмоциональная зрелость, уверенность в себе, умение сотрудничать, управление конфликтами, позитивный взгляд на ситуацию [9]. Приведенные мягкие навыки способствуют успеху не только в академической, но и в профессиональной деятельности, так как развивают личность в целом. Поэтому участие в конкурсе видеофрагментов одинаково полезно студентам любых факультетов: социальных наук, информационных технологий, технических специальностей и др.

Если видеофрагмент предполагает элементы интервью, для студентов факультета журналистики работа над ним превращается в профессиональную практику. Так, при съемках видео на тему «Театр» были взяты интервью у студентов ННГУ, людей разных возрастов на улице и художественного руководителя Нижегородского камерного театра оперы и музыкальной комедии. Учитывая разный социальный статус и возрастные группы респондентов, на занятиях по английскому языку было необходимо тщательно изучить языковой материал, относящийся к этикету общения, начиная от формул обращения к респонденту, заканчивая уместными способами демонстрации интереса к сказанному, такими, как *Definitely. Naturally. Quite so. Let's hope for the best!* Также подготовка видеороликов способствовала повторению такого грамматического материала, как типы вопросов в английском языке [4].

Помимо ежегодной видеоконференции, в ННГУ им. Н.И. Лобачевского видеоблогинг активно используется в ряде других видов внеаудиторной деятельности. В социальной сети ВКонтакте функционирует сообщество Dreaming Albion, задачи которой – создание искусственной языковой среды для дополнительной практики, воспитание уважения и интереса к культуре англоязычных стран и дополнительная мотивация обучающихся к изучению английского языка во внеурочное время. Участники сообщества (более 2 400 человек) – студенты и преподаватели ННГУ различных курсов и факультетов. В этом пространстве регулярно проводятся конкурсы на английском языке, победители которых награждаются призами, а участники – сертификатами. Активная деятельность студентов в сообществе учитывается при оценке их работы по дисциплине «иностранный язык». В числе конкурсных заданий – съемки индивидуальных и групповых видео определенной продолжительности на заданную тему.

Так, осенью 2021 г. участникам группы предлагалось снять видеопрезентацию о своем университете, знакомящую первокурсников с ННГУ, в том числе описывающую какие-либо информационные технологии, используемые в нем. Целью задания было помочь обучающимся узнать больше о своем вузе и его достижениях. Работа велась в группах по 2–5 человек, продолжительность видео – не более 4 минут. В видео, помимо рассказов о кампусе и преподавателях, были представлены суперкомпьютер ННГУ, проект «Киберсердце», разработка уникальных покрытий на основе керамики для нужд космической промышленности. Студенты знакомили зрителей с уникальным оборудованием, используемым на занятиях в Институте биологии и биомедицины, представили кадры с полевой летней практики. В своих работах обучающиеся также отметили достоинства и недостатки обучения в ННГУ.

Осенью 2022 г. студенты в командах по 4–7 человек снимали видео продолжитель-

ностью 4 минуты на тему «Достижения в науке и технологии». Задачей видеоролика было ярко и образно представить свои впечатления от научных достижений современности. Достаточно свободная формулировка темы дала простор фантазии и способу подачи материала на видео (голос за кадром и видеоряд, блогер перед камерой, элементы интервью). Представленные видеоролики затрагивают такие вопросы, как создание электродвигателей для нужд российской автомобильной промышленности, электронные устройства, помогающие людям с ограниченными возможностями, проблемы экологии и альтернативные источники энергии и др.

Пример индивидуальных видеозаданий, предложенных в 2023 году – конкурс «блогер». Студентам предлагалось рассказать о себе и своих увлечениях, самим определив тему и формат своих видео подобно блогерам в соцсетях. Были представлены видео о спорте и пропаганде здорового образа жизни, маникюре и его истории, технике выполнения упражнений в спортзале, любимых книгах, кулинарные видео, рассказ гитариста о своем любимом инструменте, сопровождающийся игрой на нем, история байкера о том, как он полюбил мотоциклы, и многие другие. Так как это задание предполагало постоянное нахождение блогера в кадре, обучающиеся получили возможность попрактиковаться в ораторском искусстве и преодолеть смущение при работе на видеокамеру.

Необычное задание «Dear Future Me» также выполнялось индивидуально и представляло собой видеобращение к самому себе в будущем. Участникам предлагалось рассказать о том, что для них важно на данный момент, и что будет важно в дальнейшей жизни, описать настоящие навыки и достижения и порассуждать о желаемых целях.

Несмотря на многообразие заданий, использующих технологию видеоблогинга, следует отметить общие для них принципы оценки. Поскольку ННГУ является

неязыковым вузом, особенно важно сохранить и поддерживать интерес студентов к изучению иностранного языка. Помимо языкового оформления видео обязательно оцениваются содержание, оригинальность идеи, качество подачи материала, творческое воплощение.

Во всех описанных видах работы студенты принимают участие в оценке видео. В ходе видеоконференции это возможно в режиме реального времени после представления видеоролика, в группе VK Dreaming Albion студенты ставят лайки понравившимся работам. Количество голосов, отданных студентами за то или иное видео, обязательно учитывается жюри.

Для оценки эффективности использования видеоблогов в обучении английского языку студентов ННГУ было проведено качественное исследование на основе анкетирования. Целевой аудиторией опроса стали 45 студентов 1–3 курсов Института филологии и журналистики ННГУ, хотя бы раз принимавших участие в создании конкурсных видеоблогов в VK группе Dreaming Albion или влогов для межвузовского конкурса. Участники опроса отбирались следующим образом: по 15 представителей 1, 2 и 3 курса, из которых 5 участвовали только в конкурсах Dreaming Albion, 5 только в межвузовском конкурсе, 5 – в обоих видах деятельности.

Анкета содержала 10 утверждений, предполагавших реакцию «Согласен» или «Не согласен». Утверждения носили рефлексивный характер и предъявлялись на русском языке для максимально точного понимания обучающимися. В среднем, по всем 10 вопросам положительный результат составил 77%, максимальное количество ответов «согласен» набрали утверждения «Мне более комфортно изучать английский язык посредством создания влогов по сравнению с традиционными методами», «я с удовольствием работаю над созданием влогов», «у меня положительное отношение к использованию влогов в преподавании английского языка в ННГУ» (100%). На

втором и третьем месте – утверждения «Я считаю, что создание влогов эффективно мотивирует обучающихся к изучению английского языка (96%), «работа над влогами тренирует не только навыки говорения, но также аудирования и письма» (91%). Наименьшее количество согласий набрало утверждение «Процесс создания влогов простой и не занимает много времени» (27%).

На основании проведенного исследования можно заключить, что использование видеоблогов в практике преподавания английского языка в ННГУ положительно оценивается студентами как интересный, эффективный и мотивирующий вид заданий. Несмотря на тот факт, что создание влога – довольно трудоемкий и времязатратный процесс, студенты с удовольствием выполняют задание.

Заключение. Формат влога (видеоблога) в обучении английскому языку как иностранному неоднозначен и объединяет различные виды учебной деятельности, задействующие видео и звучащую речь и предусматривающие размещение отснятого материала в интернете.

Использование видеоблогов вносит в процесс обучения следующие преимущества: совершенствует языковые навыки обучающихся (лексика, грамматика), увеличивает время говорения (student's talking time), способствует улучшению беглости речи, формирует навык публичного выступления. Обучающиеся вынуждены активнее задействовать межличностные навыки во время съемок и монтажа видео, так как количество задач возрастает по сравнению с традиционными аудиторными видами деятельности. Видео делает симулированную реальность более правдоподобной, а также позволяет получить своего рода обратную связь, когда студенты могут просматривать снятый материал, давать оценку своей работе и работам других участников. Кроме того, задания в формате видеоблогов помогают поддерживать мотивацию к изучению иностранного языка среди студентов неязыковых специальностей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ваганова Н.В., Карпова Ю.Н., Савицкая А.О. Видеопроект как вид массовой внеаудиторной деятельности студента для совершенствования иноязычной компетенции // Проблемы современного образования. 2020. № 3. – С. 228–236.
2. Ефанова Л.Д., Полякова В.Л. Использование социальных сетей при изучении иностранных языков в вузе // Вестник ГУУ. 2019. № 3. – С. 158–162.
3. Жуковская Л.И., Савицкая А.О. Видео проект как эффективный метод мотивации студентов к изучению английского как второго языка // Вариативность и стандартизация языкового образования в неязыковом вузе: сборник статей по материалам II Международной научно-практической конференции / науч. ред. М.В. Золотова. – Н. Новгород: Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 2019. – С. 92–96.
4. Жуковская Л.И., Савицкая А.О. Развитие навыков интервьюирования у студентов-журналистов в процессе создания видео продукта // Вариативность и стандартизация языкового образования в неязыковом вузе: сборник статей по материалам II Международной научно-практической конференции / науч. ред. М.В. Золотова. – Н. Новгород: Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 2020. – С. 84–88.
5. Кисметова Г.Н., Шынболатова Н.Т. Эффективность использования аудио и видео блогов в обучении английскому языку // Sciences of Europe. 2022. № 90-2. – С. 55–58.
6. Нечай О.О. Использование видеохостинга YouTube в обучении иностранному языку // Проблемы педагогики. 2018. № 5 (37). – С. 39–42.
7. Сухарева Т.Н. Англоязычный видеоблог как способ расширения продуктивного лексического запаса обучающихся неязыкового вуза [Электронный ресурс] // Наука и образование. 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/angloyazychnyy-videoblog-kak-sposob-rasshireniya-produktivnogo-leksicheskogo-zapasa-obuchayuschihsya-neyazykovogo-vuza> (дата обращения: 14.10.2023).
8. Сухарева Т.Н. Технология расширения продуктивного лексического запаса обучающихся неязыкового вуза средствами англоязычных видеоблогов [Электронный ресурс] // Наука и образование. 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-rasshireniya-produktivnogo-leksicheskogo-zapasa-obuchayuschihsya-neyazykovogo-vuza-sredstvami-angloyazychnyh> (дата обращения: 14.10.2023).
9. Савицкая А.О. Приобретение и развитие мягких навыков студентами-журналистами во внеучебной деятельности // Вариативность и стандартизация языкового образования в неязыковом вузе: сборник статей по материалам IV Международной научно-практической конференции / науч. ред. М.В. Золотова. – Н. Новгород, Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 2021. – С. 210–214.
10. Эйвазова Л.О. Современный подход к процессу обучения на уроках английского языка // Интерактивная наука. 2022. № 1 (66). – С.31–32.
11. Anil B. Top-up students second language talk time through vlogs // Indonesian Journal of EFL and Linguistics. 2016. Vol. 1 (2). P. 129–143.
12. Maldin S.A., Reza S., Rezeki I. Stepping up the English Speaking proficiency of Hospitality students through video blogs (vlogs) // Proceedings of the sixth international conference of languages and arts (ICLA). 2017. Vol. 148. P. 58–63.
13. Maulidiyah F. Are you ready to vlog? A newly sophisticated way to improve students' speaking ability // Journal of Research on English and Language Learning. 2020. Vol. 1 (1). P. 37–40.
14. Mufidah Z., Roifah M. Vlog as learning media to train English fluency and public speaking skill // Prosodi. 2020. Vol. 14 (1). P. 45–56.
15. Online Cambridge Dictionary: сайт. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 01.05.2023).
16. Rakhmanina L., Kusumaningrum D. The effectiveness of video blogging in teaching speaking viewed from students' learning motivation // Proceedings of the Fifth International Seminar on English Language and Teaching (ISELT-5). 2017. P. 27–34.

17. Rahmawati A., Harmanto B., Indriastuti N.R. The use of vlogging to improve the students' speaking skill // Penerbitan Artikel Ilmiah Mahasiswa Universitas Muhammadiyah Ponorogo. 2018. No. 2(1). P. 87–95.

18. Sanad H.A. Developing EFL oral communication skills and motivation through vlogging // CDELT Occasional Papers in the Development of English Education. 2021. No. 74 (1). P. 97–119.

19. Taqwa A., Sandi V.N. Students' experiences of using vlogs to learn English // Journal of Foreign Language Teaching and Learning. 2019. Vol. 4 (1). P. 1–3.

REFERENCES:

1. Vaganova N.V., Karpova Yu.N., Savitskaya A.O. Video project as a type of mass extracurricular activity for students to improve foreign language competence // Problems of modern education. 2020. 3: 228–236.

2. Efanova L.D., Polyakova V.L. The use of social networks in the study of foreign languages at university // Vestnik of the State University of Education. 2019. 3: 158–162.

3. Zhukovskaya L.I., Savitskaya A.O. Video project as an effective method of motivating students to learn English as a second language // Variability and standardization of language education in a non-linguistic university: a collection of articles based on the materials of the II International Scientific and Practical Conference / scientific ed. by M.V. Zolotov. N. Novgorod: Nizhny Novgorod state University named after N.I. Lobachevsky, 2019; 92–96.

4. Zhukovskaya L.I., Savitskaya A.O. Development of interviewing skills among student journalists in the process of creating a video product // Variability and standardization of language education in a non-linguistic university: a collection of articles based on the materials of the II International Scientific and Practical Conference / scientific ed. by M.V. Zolotov. N. Novgorod: Nizhny Novgorod state University named after N.I. Lobachevsky, 2020; 84–88.

5. Kismetova G.N., Shynbolatova N.T. The effectiveness of using audio and video blogs in teaching English // Sciences of Europe. 2022. 90-2: 55–58.

6. Nechai O.O. Using YouTube video hosting in teaching a foreign language // Problems of Pedagogy. 2018. 5 (37): 39–42.

7. Sukhareva T.N. English-language video blog as a way to expand the productive vocabulary of students at a non-linguistic university [Electronic resource] // Science and Education. 2022. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/angloyazychnyy-videoblog-kak-sposob-rashirniya-produktivnogo-leksicheskogo-zapasa-obuchayuschihsya-neyazykovogo-vuza> (date of access: 14.10.2023).

8. Sukhareva T.N. Technology for expanding the productive vocabulary of students at a non-linguistic university using English-language video blogs [Electronic resource] // Science and Education. 2022. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-rashirniya-produktivnogo-leksicheskogo-zapasa-obuchayuschihsya-neyazykovogo-vuza-sredstvami-angloyazychnyh> (date of access: 14.10.2023).

9. Savitskaya A.O. Acquisition and development of soft skills by student journalists in extracurricular activities // Variability and standardization of language education in a non-linguistic university: collection of articles based on the materials of the IV International Scientific and Practical Conference / scientific ed. by M.V. Zolotov. N. Novgorod, Nizhny Novgorod state University named after N.I. Lobachevsky, 2021; 210–214.

10. Eyvazova L.O. A modern approach to the learning process in English lessons // Interactive Science. 2022. 1 (66): 31–32.

11. Anil B. Top-up students second language talk time through vlogs // Indonesian Journal of EFL and Linguistics. 2016. 12: 129–143.

12. Maldin S.A., Reza S., Rezeki I. Stepping up the English Speaking proficiency of Hospitality students through video blogs (vlogs) // Proceedings of the sixth international conference of languages and arts (ICLA). 2017. 148; 58–63.

13. Maulidiyah F. Are you ready to vlog? A newly sophisticated way to improve students' speaking ability // Journal of Research on English and Language Learning. 2020. 11: 37–40.
14. Mufidah Z., Roifah M. Vlog as learning media to train English fluency and public speaking skill // Prosodi. 2020. 14(1): 45–56.
15. Online Cambridge Dictionary: website. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed 01.05. 2023).
16. Rakhmanina L., Kusumaningrum D. The effectiveness of video blogging in teaching speaking viewed from students' learning motivation // Proceedings of the Fifth International Seminar on English Language and Teaching (ISELT-5). 2017; 27–34.
17. Rahmawati A., Harmanto B., Indriastuti N.R. The use of vlogging to improve the students' speaking skill // Penerbitan Artikel Ilmiah Mahasiswa Universitas Muhammadiyah Ponorogo. 2018. 2(1): 87–95.
18. Sanad H.A. Developing EFL oral communication skills and motivation through vlogging // CDELT Occasional Papers in the Development of English Education. 2021. 74(1): 97–119.
19. Taqwa A., Sandi V.N. Students' experiences of using vlogs to learn English // Journal of Foreign Language Teaching and Learning. 2019. 4 (1): 1–3.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflict of interest

Информация об авторах

Мария Валерьевна Белорукова, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для гуманитарных специальностей Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация
e-mail: smart.llc@mail.ru
тел.: +7(999)1377083

Марина Вианоровна Золотова, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка для гуманитарных специальностей Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация
e-mail: mviazolotova@gmail.com
тел.: +7(910)3841348

Information about the authors

Maria V. Belorukova, PhD (Philology), Associate Professor, the Department of English for Humanities, National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, the Russian Federation
e-mail: smart.llc@mail.ru
tel.: +7(999)1377083

Marina V. Zolotova, PhD (Philology), Associate Professor Head of the Department of English for Humanities, National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, the Russian Federation
e-mail: mviazolotova@gmail.com
tel.: +7(910)3841348

Поступила в редакцию 18.08.2023
Поступила после доработки 29.09.2023
Принята к публикации 29.09.2023
Received 18.08.2023
Revised 29.09.2023
Accepted 29.09.2023

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-64-73>
УДК 378: 004
© 2023

С.А. Бибалова^{1*}, А.В. Леонтьева²

Онлайн-курсы в образовательном процессе вуза

^{1*} *Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет», г. Майкоп, Российская Федерация*

² *Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Адыгейский государственный университет», г. Майкоп, Российская Федерация*

Аннотация

В настоящее время контент электронного обучения довольно прочно вошли в практическую деятельность преподавателей вузов. Немало исследований посвящено обоснованию возможностей дистанционного обучения как нового, отличного от традиционного, формата образования в эпоху цифровой революции.

Проблема исследования: повышение эффективности применения онлайн-курсов в образовательном процессе в вузе.

Цель исследования: обосновать возможности использования онлайн-курсов в образовательной практике вузов как актуального контента цифрового сервиса.

При достижении поставленной цели были использованы теоретические методы исследования (анализ, синтез, дифференциация, обобщение, описание), а также методы наглядной репрезентации.

Результаты исследования: на основе анализа соответствующих исследований авторами статьи было уточнено понятие «онлайн-курс», определено соотношение категорий «электронное обучение», «дистанционное обучение», «онлайн-обучение», рассмотрена модель структуры онлайн-курса; представлены преимущества применения онлайн-курсов для вуза; выявлены отрицательные и положительные стороны применения преподавателями онлайн-курсов в образовательном процессе, а также с учетом анализа накопленного в педагогической практике опыта представлены наиболее оптимальные варианты применения онлайн-курсов в вузе.

Ключевые выводы: под онлайн-курсом понимается контент электронного обучения, представляющий собой учебно-методический ресурс для ведения учебной деятельности по дисциплине; оптимальным является применение онлайн-курсов в смешанном формате (в сочетании с традиционной аудиторной работой); ориентация вузов на использование в образовательной практике онлайн-курсов соответствует актуальным мировым трендам в образовании.

Ключевые слова: образовательный процесс вуза, цифровизация, онлайн-образование, онлайн-курс, образовательные платформы, модель структуры онлайн-курса, контент электронного обучения

Для цитирования: Бибалова С.А., Леонтьева А.В. Онлайн-курсы в образовательном процессе вуза // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 4. – С. 64–73. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-64-73>.

S.A. Bibalova^{1*}, A.V. Leontyeva²

Online courses in the educational process of a university

^{1*}FSBEI HE «Maikop State Technological University», Maikop, the Russian Federation²FSBEI HE «Adygh State University», Maikop, the Russian Federation

Abstract

Currently, e-learning content has become firmly established in the practical activities of university teachers. A lot of research is devoted to substantiating the possibilities of distance learning as a new format of education in the era of the digital revolution.

The research problem is increasing the effectiveness of using online courses in the educational process of a university.

The purpose of the research is to substantiate the possibilities of using online courses in the educational practice of universities as relevant content of a digital service.

To achieve this goal, theoretical research methods were used (analysis, synthesis, differentiation, generalization, description), as well as methods of visual representation.

The research results: the authors of the article have clarified the concept of «online course», determined the relationship between the categories «e-learning», «distance learning», «online learning», and considered a model of the structure of the online course; the advantages of using online courses for universities have been presented; The negative and positive aspects of the use of online courses by teachers in the educational process have been identified, and taking into account the analysis of experience accumulated in teaching practice, the most optimal options for using online courses at a university have been presented.

Key conclusions: an online course is understood as e-learning content, which is an educational and methodological resource for conducting educational activities in the discipline; the optimal use of online courses in a mixed format (in combination with traditional classroom work). The orientation of universities towards the use of online courses in educational practice corresponds to current global trends in education.

Keywords: university educational process, digitalization, online education, online course, educational platforms, online course structure model, e-learning content

For citation: Bibalova S.A., Leontyeva A.V. Online courses in the educational process of a university // *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2023. Volume 15, No 4. P. 64-73. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-64-73>.

Введение. Цифровизация в современном обществе является неотъемлемым компонентом всех сфер жизни, включая и сферу образования. Одним из продуктов цифрового сервиса в образовании является онлайн-образование. Обращение к нему вызвано потребностью поиска новых оптимальных высокотехнологичных способов, средств и форм доставки и получения учебной информации при обучении студентов. По мнению некоторых исследователей, повышение качества образования в

условиях динамичности мира, расширение его доступности возможно при активном внедрении в учебный процесс онлайн-курсов [1, 2, 3]. Онлайн-курсы позволяют стать образованию более доступным для большого количества людей не зависимо от возраста, места нахождения и сферы профессиональных или личных интересов. Использование в учебном процессе онлайн-курсов на сегодняшний день начинает занимать прочную позицию на рынке образовательных услуг, что подтверждает

рост интереса к ним не только со стороны образовательных организаций, но и со стороны других учреждений [4, 5, 6]. Все это особым образом актуализирует тему данной статьи, в рамках которой будут раскрыты некоторые аспекты проблемы повышения эффективности применения онлайн-курсов в образовательном процессе в вузе.

Основная часть. Основной целью онлайн-курсов является обеспечение прямого доступа обучающихся к учебным материалам без определенных требований (например, необходимости поступления в университет, посещения занятий в очном формате). Кроме того, они выступают дополнительным ресурсом для педагогов, который можно использовать в профессиональной деятельности.

В современных исследованиях [3, 6, 7] онлайн-курс рассматривается как форма или вид обучения, а также как «совокупность видов, форм и средств образовательной деятельности, которые реализуются с применением электронного обучения, обеспечивают достижение определенных результатов на основе электронных образовательных ресурсов, размещенных в электронной образовательной среде, доступ к которой осуществляется через информационно-коммуникационную сеть Интернет [4, с. 230]. По мнению Н.В. Гречушкиной, онлайн-курс представляет собой «вид электронного обучения, то есть организованный целенаправленный образовательный процесс, построенный на основе педагогических принципов, реализуемый на основе технических средств современных информационных (в том числе информационно-коммуникационных) технологий и представляющий собой логически и структурно завершенную учебную единицу, методически обеспеченную уникальной совокупностью систематизированных электронных средств обучения и контроля [8, с. 127]. Разделяя мнение данного исследователя, отметим, что в ряде источников наблюдается некорректное

отождествление терминов «дистанционный» и «электронный» курс. Более детальный анализ данных категорий позволяет обозначить существенную разницу в этих понятиях. Так, для «дистанционного» характерно наличие некоего расстояния, что позволяет при определенных условиях (наличие свободного доступа к сети Интернет, компьютера или мобильного устройства и пр.) осуществлять подключение к обучающим платформам или сайтам с образовательными целями. Понятие «электронный» означает существующий в цифровой форме (например, электронный курс и пр.) или реализуемый при помощи информационно-телекоммуникационных сетей. О.А. Кашина, В.Н. Устюгова, Р.Е. Архипов полагают, что категория «электронное обучение» шире понятий «дистанционное обучение» и «онлайн-обучение» [1] (рисунок 1).

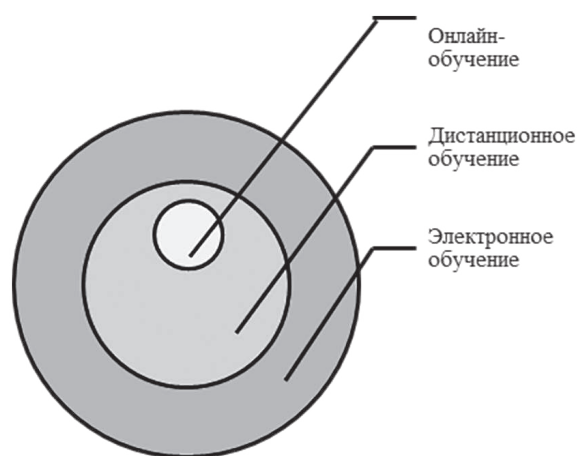

Рис. 1. Соотношение понятий «электронное обучение», «дистанционное обучение», «онлайн-обучение» [1]

Анализ категории «онлайн-курс» позволил выделить два подхода к ее пониманию. Первый подход связан с обоснованием онлайн-курса как некой обучающей программы, которая может быть разработана частными и государственными образовательными учреждениями. Это касается так называемых массовых открытых онлайн-курсов (МООК), большинство

из которых построены по строгому алгоритму: переход к последующему модулю возможен только при условии прохождения контрольных точек в предыдущем модуле. Управление процессом обучения осуществляется с помощью дедлайнов,

которые позволяют проходить контрольные точки. Сегодня вузами для массовых открытых онлайн-курсов используется ряд образовательных платформ. Наиболее распространенные из них представлены на рисунке 2.

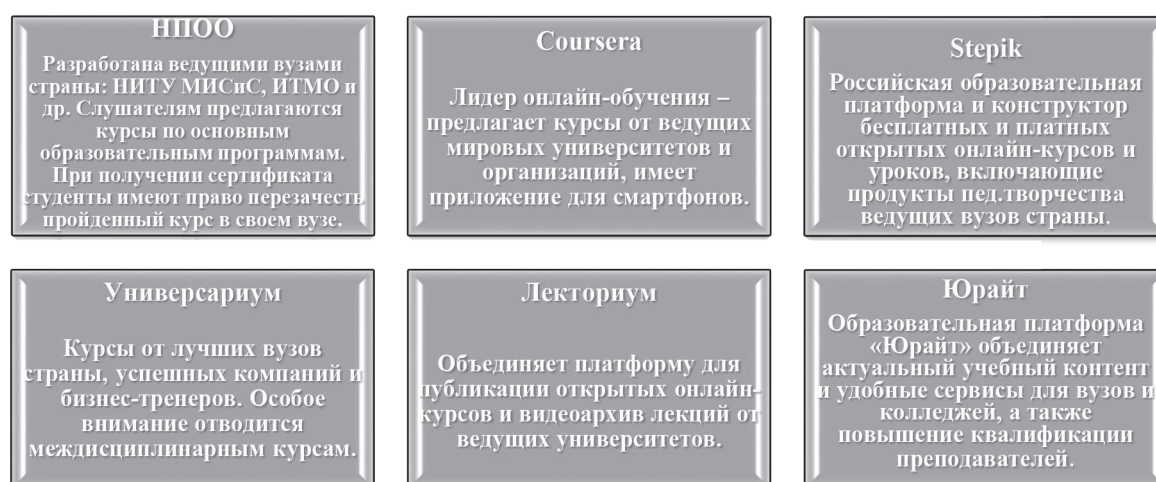

Рис. 2. Распространенные образовательные платформы массовых открытых онлайн-курсов, используемых вузами

Второй подход связан с пониманием онлайн-курса как электронного учебно-методического комплекса, то есть электронного образовательного ресурса определенного вида, который разрабатывается в соответствии с рабочей программой учебной дисциплины, размещен и используется в системе управления обучением. В данном подходе понятия «онлайн-курс» и «электронный учебный курс» являются тождественными. О.И. Ваганова с соавторами под электронным учебным курсом понимают «образовательное электронное издание или ресурс для поддержки учебного процесса в учреждениях разного уровня» [9, С. 58]. Следовательно, под онлайн-курсом понимается контент электронного обучения, представляющий собой учебно-методический ресурс для ведения учебной деятельности по дисциплине.

Несмотря на неоднозначное понимание содержания понятия «онлайн-курс», тем не менее, большинством вузов к

настоящему времени уже созданы собственные контенты электронного обучения: разработаны и реализуются электронные информационно-образовательные среды (ЭИОС), успешно применяются различные системы управления обучением, в рамках которых научно-педагогическими работниками используются в учебном процессе онлайн-курсы. Анализ различных источников по проблеме исследования указывает на большое разнообразие онлайн-курсов, что позволяет их классифицировать по различным критериям. Кроме того, очевиден факт, что на сегодняшний день отсутствуют единые требования, предъявляемые к содержанию и структуре онлайн-курсов, реализуемых в ЭИОС вузов. В большинстве случаев они регламентированы локальными актами учебных заведений и творческим подходом самого преподавателя. За преподавателем оставлено право включения в данный курс дидактических материалов, контрольно-измерительных процедур,

временных рамок выполнения заданий/модулей, материалов текущего и промежуточного контроля.

Создание онлайн-курса требует от его разработчиков тщательности в подборе содержания и конструировании архитектуры курса, а также проработки стратегии

онлайн-обучения, которые бы были адекватны целям обучения и особенностям аудитории. При проектировании онлайн-курсов используют модульный (блочный) принцип [9, 10]. В наиболее общем виде структура онлайн-курса представлена в таблице 1.

**Таблица 1 – Модель структуры онлайн-курса
(составлена авторами по источникам 9, 10)**

1. Информационно-организационный блок			
Пояснительная записка Информация об авторах курса Цели и задачи освоения курса Компетенции, на освоение которых ориентирован курс Инструкция по работе с курсом Календарный план курса Ссылка на рабочую программу дисциплины в структуре ООП (ссылка: https://...) Презентация курса / трейлер (по желанию) Обратная связь (объявления, чаты поддержки)			
Блок 2. Содержание курса			
Модуль/тема	Практические занятия	Оценочные материалы	Примечания
Модуль 1. Лекция 1. (ссылка: https://...)	Практическое занятие 1. (ссылка: https://...) Практическое занятие 2. (ссылка: https://...) Литература (ссылка: https://...)	Тестовое задание 1 (эссе, ситуационные задачи и пр.)	Краткая информация, рекомендации по выполнению практических заданий и прохождению текущего контроля. Дополнительная информация: (ссылка: https://...)
Модуль N. Психология личности и деятельности. Лекция N. (ссылка: https://...)	Практическое занятие N. (ссылка: https://...) Практическое занятие N. (ссылка: https://...) Литература (ссылка: https://...)	Тестовое задание N (эссе, ситуационные задачи и пр.)	Краткая информация, рекомендации по выполнению практических заданий и прохождению текущего контроля. Дополнительная информация: (ссылка: https://...)
Блок 3. Промежуточный контроль			
Форма контроля и семестр	Примерные вопросы к зачету/ экзамену (ссылка: https://...)	Образец экзаменационного билета и примеры его выполнения (ссылка: https://...)	Методические рекомендации по выполнению оценочных мероприятий промежуточного контроля (ссылка: https://...)

Данная модель структуры онлайн-курса, с четко проработанными организационными и дидактическими компонентами, на наш взгляд, оптимизирует и повышает качество его применения в процессе вузовской подготовки.

Необходимо отметить, что использование преподавателями онлайн-курсов в настоящий момент носит больше вынужденный характер, хотя и обусловлен объективными факторами, связанными с цифровой трансформацией всех жизненных сфер современного общества.

Большинство преподавателей считают, что применение онлайн-технологий усложняет их работу, существенно увеличивает нагрузку, требует специальной подготовки (развития цифровых навыков и умений). Кроме того, многие высказывают опасения по поводу снижения роли преподавателя в образовательном процессе и возможного отказа от педагогов в будущем.

При этом важно также сказать, что преимущества от применения онлайн-курсов в образовательной деятельности для самих вузов вполне очевидны (рисунок 3).

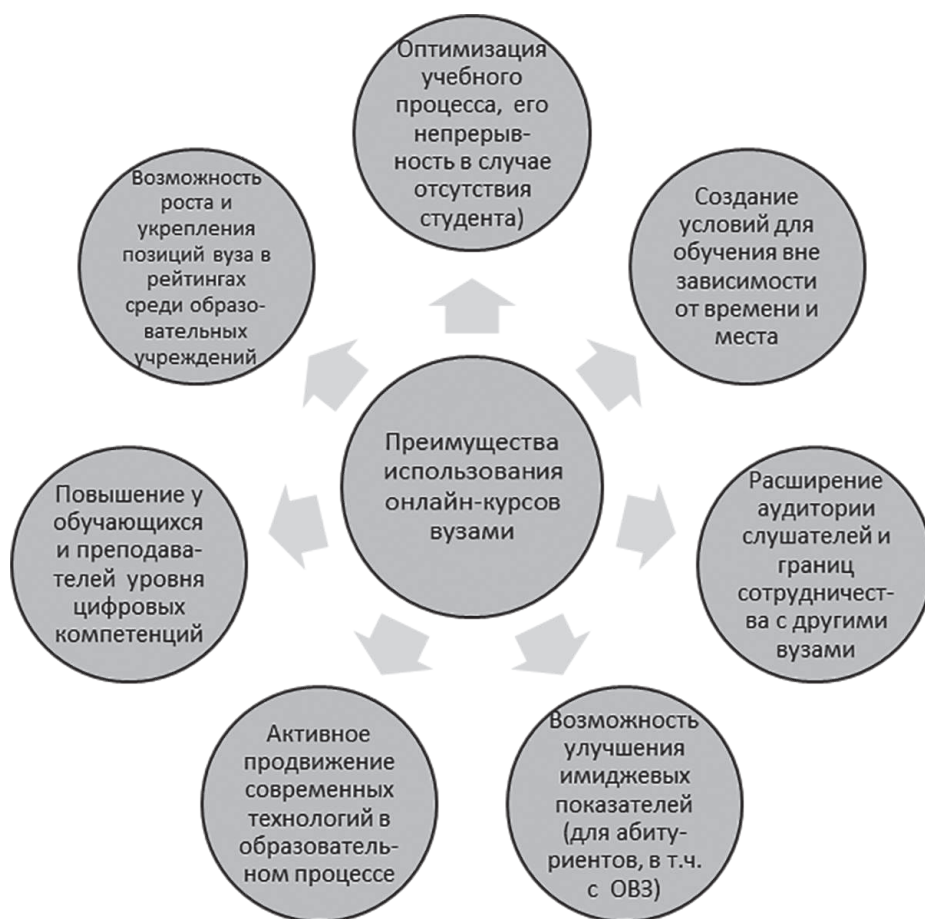

Рис. 3. Преимущества использования вузами онлайн-курсов

Осмысление опыта внедрения онлайн-курсов в образовательный процесс вузов, анализ собственной практики их применения позволяют сделать неоднозначные выводы об эффективности данной формы обучения.

С одной стороны, достаточно внушительный список положительных эффектов, включающий в себя следующие:

– возможность продуктивной аудиторной работы, за счет автоматической проверки контрольных работ, тестовых за-

даний, подсчета индивидуальных рейтингов обучающихся, автоматизированного контроля времени, затраченного студентом на самостоятельную работу;

- возможность асинхронной работы;
- наличие обратной связи;
- систематичность освоения учебного материала;

– возможность формирования у обучающихся цифровых навыков и умений, цифровой культуры, а также самостоятельности и ответственности;

– персонафицированность процесса обучения (отвечает потребностям различных категорий обучающихся: отсутствующие по болезни, совмещающие учебу с работой, обучающиеся с ОВЗ и пр.);

– возможность освоения программы курса по индивидуальному графику [5, 11, 12, 13].

С другой стороны, наличие существенных недостатков на уровне использования онлайн-курсов в высшей школе как элемента дистанционного обучения:

– отсутствие «живого» общения преподавателя и обучающихся, которое является основой формирования и развития различных сторон профессионального мышления будущего специалиста;

– ограниченность возможностей управления и контроля учебной деятельности обучающихся;

– формализованный подход к оцениванию результатов освоения курса;

– недостаточно развитые цифровые умения и навыки субъектов образовательного процесса, усложняющие их взаимодействие;

– техническое несовершенство при реализации данной формы обучения, влияющее на эффективность взаимодействия преподавателя и обучающихся;

– сложности идентификации личности обучающегося на всех этапах освоения курса;

– низкая способность удерживать внимание обучающихся (многие без должного

контроля попросту не доходят до конца курса) и пр. [11, 12].

Учитывая недостатки и достоинства онлайн-курсов как инновационной формы обучения, отметим, что на данном этапе, на наш взгляд, наиболее оптимальным вариантом будет их использование совместно с традиционной аудиторной работой, то есть в смешанном формате. Важно понимать, что на сегодняшний день без должного сопровождения обучающихся на всех этапах освоения дисциплины только в формате онлайн-курса трудно полностью достигнуть поставленных перед преподавателем целей и задач. Это возможно при условии создания полноценной системы поддержки и сопровождения обучающихся, осуществляемой экспертами и кураторами курса. Как показывает практика, далеко не во всех вузах нашей страны, реализующих обучение с помощью онлайн-курсов, действует такая система сопровождения.

Касаясь интегрирования онлайн-курсов в учебный процесс в смешанном формате, следует сказать, что их (независимо от того, разработаны ли они самим преподавателем или используются курсы сторонних вузов) можно использовать как часть программы дисциплины в виде целого модуля, освоение которого позволяет обучающимся в интересной, нетрадиционной форме получать знания, а также предполагает перезачет части дисциплины по результатам освоения курса. Эффективен также вариант, когда онлайн-курс представляет собой часть программы дисциплины, обеспечивающей самостоятельную работу студентов. Иначе говоря, как вспомогательное средство более углубленного, детального изучения учебного материала. Отметим, что самостоятельная работа в этом случае выполняется студентами реально и оценивается в совокупности с остальными выполненными видами учебной работы в промежуточной аттестации. Кроме того, онлайн-курс может изучаться параллельно с аудиторной работой на

протяжении всего учебного семестра/года, пересекаясь с аудиторной работой и дополняя ее. В этом случае преподаватель имеет возможность разнообразить виды и формы учебной работы, сочетая их так, чтобы они дополняли друг друга с учетом соответствия их содержания, временных и технических характеристик индивидуальным и психологическим особенностям современных обучающихся.

Перечисленные варианты интегрирования онлайн-курсов в образовательный процесс позволяют, активно используя их, минимизировать перечисленные выше недостатки и максимально получить по-

ложительные эффекты от применения данной формы дистанционного обучения.

Заключение. Использование вузами в образовательной практике онлайн-курсов выступает критерием развития учебного заведения в соответствии с основными мировыми достижениями, что требует с учетом достаточно активных темпов развития электронного обучения рассмотрения зарубежного опыта и научных исследований. Предоставление учебными заведениями студентам возможности обучения в таком формате демонстрирует ориентированность вуза на доступность образования для каждого.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кашина О.А., Устюгова В. Н., Архипов Р.Е. Онлайн-обучение как новая ступень развития вуза: применение системного подхода к анализу условий для изменения образовательной модели // Образовательные технологии и общество. 2019. Т. 22, № 2. – С. 3–16.
2. Bridging The Digital Divide: Measuring Digital Literacy / Chetty K. [et al.] // Economics Discussion Papers. 2017. № 69. URL https://www.researchgate.net/publication/320065530_Bridging_the_digital_divide_measuring_digital_literacy (accessed October 2023).
3. Dumford A.D., Miller A.L. Online learning in higher education: exploring advantages and disadvantages for engagement // J Comput High Educ 30, 2018. P. 452–465.
4. Кутепов М.М., Иляшенко Л.К., Морозов Д.Л. Технологии организации учебного процесса с использованием онлайн-курса // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. № 1 (26). – С. 230–232.
5. Леонтьева А.В., Бибалова С.А., Хатит Ф.Р. Цифровая культура современного педагога как ресурс профессиональной деятельности в условиях цифровой трансформации образовательного пространства // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Т. 14, № 4. – С. 127–136.
6. Петелина М.А., Сатаев П.А. Массовые открытые онлайн-курсы как способ повышения конкурентоспособности вуза // Неделя науки СПбПУ: материалы научной конференции с международным участием. – СПб.: СПбПУ Петра Великого, 2018. – С. 364–366.
7. Гамбеева Ю.Н., Сорокина Е.И. Основные этапы проектирования и создания массовых онлайн-курсов // Опыт и перспективы онлайн-обучения в России: сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием. – Севастополь, 2018. – С. 58–63.
8. Гречушкина Н.В. Онлайн-курс: определение и классификация // Высшее образование в России. 2018. Т. 27, № 6. – С. 125–134.
9. Ваганова О.И., Алешугина Е.А., Максимова К.А. Проектирование электронных учебных курсов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. № 3 (28). – С. 57–59.
10. Уджуху И.А., Мешвез Р.К. Проектирование учебного процесса в вузе по дисциплине с использованием электронного учебного курса // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022, Т. 14, № 4. – С. 137–145.
11. Бибалова С.А., Леонтьева А.В. Анализ опыта перехода на дистанционное обучение в системе вузовской подготовки в период пандемии (на примере ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет» и ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет») // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2021. Т. 13, № 4. – С. 59–68.

12. Груздева О.А. Онлайн-курсы как часть образовательной среды: возможности, сильные и слабые стороны // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2018. № 1 (46). – С. 45–47.

13. Поддубная Т.Н. Электронный учебный курс как инновационная форма обучения в вузе // Материалы научной и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма. 2022. № 1. – С. 147–148.

REFERENCES:

1. Kashina O.A., Ustyugova V.N., Arkhipov R.E. Online learning as a new stage of university development: application of a systematic approach to the analysis of conditions for changing the educational model // Educational technologies and society. 2019. 22 (2): 3–16.

2. Bridging The Digital Divide: Measuring Digital Literacy / Chetty K. [et al.] // Economics Discussion Papers. 2017. No. 69. URL https://www.researchgate.net/publication/320065530_Bridging_the_digital_divide_measuring_digital_literacy (accessed October 2023).

3. Dumford A.D., Miller A.L. Online learning in higher education: exploring advantages and disadvantages for engagement // J Comput High Educ 30, 2018; 452–465.

4. Kutepov M.M., Ilyashenko L.K., Morozov D.L. Technologies for organizing the educational process using an online course // Baltic Humanitarian Journal. 2019. 1 (26): 230–232.

5. Leontyeva A.V., Bibalova S.A., Khatit F.R. Digital culture of a modern teacher as a resource of professional activity in the conditions of digital transformation of the educational space // Bulletin of Maikop State Technological University. 2022. 14 (4): 127–136.

6. Petelina M.A., Sataev P.A. Massive open online courses as a way to increase the competitiveness of a university // SPbPU Science Week: materials of a scientific conference with international participation. SPb.: Peter the Great SPbPU, 2018; 364–366.

7. Gambeeva Yu.N., Sorokina E.I. Main stages of design and creation of massive online courses // Experience and prospects of online learning in Russia: collection of articles of the All-Russian scientific conference with international participation. Sevastopol, 2018; 58–63.

8. Grechushkina N.V. Online course: definition and classification // Higher education in Russia. 2018. 27 (6): 125–134.

9. Vaganova O.I., Aleshugina E.A., Maksimova K.A. Design of electronic training courses // Azimuth of scientific research: Pedagogy and Psychology. 2019. 3 (28): 57–59.

10. Udzhuhu I.A., Meshvez R.K. Designing the educational process at a university in a discipline using an electronic training course // Bulletin of Maikop State Technological University. 2022, 14 (4): 137–145.

11. Bibalova S.A., Leontyeva A.V. Analysis of the experience of transition to distance learning in the university training system during the pandemic (the case of FSBEI HE «Maikop State Technological University» and FSBEI HE «Adyghe State University») // Bulletin of Maikop State Technological University. 2021. 13 (4): 59–68.

12. Gruzdeva O.A. Online courses as part of the educational environment: opportunities, strengths and weaknesses // Eurasian Union of Scientists (ESU). 2018. 1 (46): 45–47.

13. Poddubnaya T.N. Electronic training course as an innovative form of education at a university // Materials of the scientific and scientific-methodological conference of the teaching staff of the Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism. 2022. 1: 147–148.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflict of interest

Информация об авторах

Саида Аслановна Бибалова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии, социологии и педагогики,

ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет», г. Майкоп, Российская Федерация

e-mail: saika2000@mail.ru

тел.: +7(988)4777175

Александра Владимировна Леонтьева, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и социальной психологии,

ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет», г. Майкоп, Российская Федерация

e-mail: alex_pan_2008@mail.ru

тел.: +7(929)8622201

Information about the authors

Saida A. Bibalova, PhD (Ped.), Associate professor; the Department of Philosophy, Sociology and Pedagogy,

FSBEI HE «Maikop State Technological University», Maikop, the Russian Federation

e-mail: saika2000@mail.ru

tel.: +7(988)4777175

Alexandra V. Leontyeva, PhD (Ped.), Associate professor; the Department of Pedagogy and Social Psychology,

FSBEI HE «Adygh State University», Maikop, the Russian Federation

e-mail: alex_pan_2008@mail.ru

tel.: +7 (929)8622201

Поступила в редакцию 27.10.2023

Поступила после доработки 29.11.2023

Принята к публикации 29.11.2023

Received 27.10.2023

Revised 29.11.2023

Accepted 29.11.2023

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-74-82>
УДК 373.3.013.42:398
© 2023

И.С. Гришина

Значение фольклорных произведений для социального развития младших подростков в деятельности социального педагога

*МБВСОУ Центр образования г. Ставрополя имени Героя России В. Духина,
г. Ставрополь, Российская Федерация*

Аннотация

В статье рассмотрено значение фольклорных произведений для социального развития младших подростков в деятельности социального педагога. Актуальность исследования обусловлена разнообразными социальными изменениями, которые оказывают непосредственное позитивное или негативное влияние на становление личности. Наиболее значимым периодом социального развития является подростковый возраст, который является сензитивным для расширения социального пространства, увеличения количества социальных контактов подростка. В связи с чем необходим поиск технологий с высоким педагогическим потенциалом, имеющих огромное воспитательное, познавательное, социальное, эстетическое, развивающее значение при обучении и воспитании младших подростков, оказывающих непосредственное или опосредованное влияние на их социальное развитие. Целью исследования явилось изучение педагогических возможностей фольклорных произведений в социальном развитии младших подростков в деятельности социального педагога. Автором был проведен анализ научной литературы по исследуемой проблеме, который стал основой методологии данного исследования. При использовании теоретических методов исследования (аналитических методов (анализа и синтеза), метода обобщения и структурирования научного материала) доказана высокая значимость использования фольклорных произведений в социальном развитии младших подростков и его высокий педагогический потенциал в деятельности социального педагога. В статье показано, что в деятельности социального педагога могут реализоваться разнообразные педагогические функции фольклорных произведений, что значительно повышает социальные компетенции подростков.

Ключевые слова: социальное развитие, социальные процессы, фольклор, фольклорные произведения, функции фольклорных произведений, подростки, младшие подростки, социальный педагог

Для цитирования: Гришина И.С. Значение фольклорных произведений для социального развития младших подростков в деятельности социального педагога // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 4. – С. 74–82. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-74-82>.

I.S. Grishina

The significance of folklore works for the social development of younger adolescents in the activities of a social pedagogue

*MBBSOU Center of Education of Stavropol named after the Hero of Russia V. Dukhin,
Stavropol, the Russian Federation*

Abstract

The article examines the importance of folklore works for the social development of younger adolescents in the activities of a social teacher. The relevance of the research is due to various social changes that have a direct positive or negative impact on the development of a personality. The most significant period of social development is adolescence, which is sensitive to expanding social space and increasing the number of social contacts of a teenager. In this connection, it is necessary to search for technologies with high pedagogical potential, which have enormous educational, cognitive, social, aesthetic, and developmental significance in the education and upbringing of young adolescents, which have a direct or indirect impact on their social development. The purpose of the research was to study the pedagogical possibilities of folklore works in the social development of younger adolescents in the activities of a social teacher. The author has analyzed the scientific literature on the investigated problem, which became the basis for the methodology of the research. Using theoretical research methods (analytical methods (analysis and synthesis), the method of generalization and structuring of scientific material), the high significance of the use of folklore works in the social development of young adolescents and its high pedagogical potential in the activities of a social teacher have been proven. It has been proved that pedagogical functions of folklore works can be realized, which significantly increases the social competencies of adolescents.

Keywords: social development, social processes, folklore, folklore works, functions of folklore works, teenagers, younger teenagers, a social pedagogue

For citation: Grishina I.S. *The significance of folklore works for the social development of younger adolescents in the activities of a social pedagogue* // *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2023. Volume 15, No 4. P. 74–82. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-74-82>.

Введение. В современном обществе наблюдается трансформация традиционных ценностей, что неизбежно приводит к изменениям в социальном развитии личности. В процессе социальных изменений происходит и социальное развитие, которое понимается в педагогике как необратимые изменения социальных процессов и личностных качеств членов социума [15, 16, 17].

По мнению З.И. Лаврентьевой [8], социальные изменения оказывают непосредственное влияние на становление личности. В процессе социального разви-

тия личность овладевает способами взаимодействия с другими членами социума, формируются социальные установки и ориентиры, которые способствуют социальной адаптации через усвоение культурно-исторического наследия.

Одним из значимых периодов социального развития является подростковый возраст, в котором через различные виды коллективной деятельности происходит расширение социального пространства, увеличение количества социальных контактов подростка. В связи с чем происходит формирование таких важных

социально значимых качеств личности, как социальная активность, ответственность, регуляция собственного поведения, мотивация к приобретению социальных и духовно-нравственных норм и ценностей общества [2].

Младший школьный возраст является важнейшим периодом, когда активно формируется нравственное поведение в результате осознания и принятия социальных норм и правил, что способствует развитию социальной направленности личности подростка. В результате этих важных изменений происходит выстраивание системы взаимодействия с окружающими людьми, которая, в свою очередь, оказывает значимое влияние на психологические особенности формирующейся личности, на волевые процессы, на круг интересов подростка, предопределяет его социальное развитие и развитие способностей [3].

В связи с чем представляются актуальными исследования, посвященные поиску новых средств, направленных на социальное развитие подростков.

Цель статьи – изучить педагогические возможности фольклорных произведений в социальном развитии младших подростков в деятельности социального педагога.

Задачи исследования: 1) выявить основные характерные особенности фольклорных произведений; 2) определить реализацию педагогических функций фольклорных произведений в деятельности социального педагога; 3) определить влияние фольклорных произведений на социальное развитие младших подростков.

В процессе изучения влияния фольклорных произведений на социальное развитие младших подростков был использован комплекс теоретических методов исследования: аналитические методы (анализ и синтез), метод обобщения и структурирования научного материала.

В качестве теоретической основы исследования выступили научные труды в области изучения социального разви-

тия отечественных ученых Д.Б. Белетовой, Е.И. Зритневой, А.Ю. Кабушко, З.И. Лаврентьевой, Г.Н. Соломатиной, С.А. Шимшилова и др., а также в области изучения фольклорных произведений как средства обучения и воспитания А.Л. Божок, О.Е. Громовой, Н.К. Нуруллаевой, Г.Н. Соломатиной, К.П. Стожко, Т.В. Ткаченко, Б.А. Шихамирова и др. и зарубежных исследователей J.C. Abric W. Fridrich, M. Stevenson.

Основная часть. Одним из условий социального развития современных подростков является использование в процессе обучения и воспитания художественной литературы, являющейся средством их приобщения к духовно-нравственным ценностям своего народа.

Одним из жанров художественной литературы являются фольклорные произведения, которые представляют собой народное творчество, коллективную творческую деятельность определенного народа, в которой отражаются жизнедеятельность народа, его идеалы, мудрость, знания, мировоззрение. Традиционно к фольклорным произведениям относят такие литературные формы, как песни, частушки, предания, пословицы, поговорки, скороговорки, загадки и др. Эти произведения наилучшим образом отвечают задачам обучения, воспитания, поскольку они адаптированы для потребностей детей в разные возрастные периоды, постепенно приобщая их к народной мудрости, способствуя постижению красоты и богатства родного языка [9].

Из фольклорных произведений дети получают важные сведения о социальной жизни людей, об их взаимоотношениях, приобретают опосредованный опыт социального взаимодействия окружающих, усваивают моральные качества, приобретают навык выбора способа правильного поведения в различных эмоциональных ситуациях, усваивают нормы этической культуры и т. д. Изучая фольклорные произведения, ребенок принимает на

себя образы и сюжеты, что способствует изменению его внутреннего мира, формированию Я-концепции, способствуя социальному развитию ребенка [7, 18].

К.П. Стожко [12] в своих исследованиях подчеркивает, что фольклорные произведения представляют собой особый жанр культуры, которые пронизаны мудростью, красотой и самобытностью каждого народа, тем самым транслируют передачу национальных культурных ценностей молодому поколению. Фольклорные произведения пробуждают в человеке национальную идентичность, принадлежность и сопричастность к жизни и культуре своей страны.

О.Е. Громова, Г.Н. Соломатина [4, 5, 6] большое значение придают значению речевых средств, которые используются в фольклорных произведениях. Красота, образность выражений фольклорных произведений являются выражением национальной самобытности, культурных особенностей каждого народа. Языковые средства, с помощью которых описываются явления и объекты окружающего мира, способствуют лучшему осмыслению жизненных наблюдений и обобщений в области социальных отношений. В результате многократных повторений образов, передаваемых из поколения в поколение, используемых в фольклорных произведениях, ребенок начинает понимать и осознавать особенности социальных действий, выделять те их признаки, которые ранее им не воспринимались.

Фольклорные произведения, являясь элементом народной педагогики, отражают многовековую культуру, ценностные общественные устои и духовно-нравственные традиции общества, опыт народа, что способствует расширению кругозора учащихся подросткового возраста, а также формирует патриотическое отношение к своему народу, к обществу. Поэтому можно считать, что фольклорные произведения, в которых заключаются советы, чувства, мысли, отношение к поступкам

и явлениям социального мира, способствуют патриотическому воспитанию, формированию у подростков национальной гордости, ценностному отношению не только к народному искусству, но и к своей Родине [12].

Б.А. Шихамирова [14] подчеркивает, что отличительной особенностью фольклорных произведений является сочетание игровых и вербальных функций, их полифункциональность. В исследовании автора показано влияние фольклорных произведений на развитие речи подростка, на формирование словаря с индивидуальными проявлениями, на совершенствование в построении высказываний.

Т.В. Ткаченко [13] акцентирует внимание на эстетическом влиянии музыкальных, поэтических фольклорных произведений на развитие эстетических чувств подростков, особенно при проведении праздничных мероприятий. Фольклорные праздники способствуют установлению эмоционального контакта, развитию умения тонко чувствовать ритм родного языка и его мелодику, формированию положительного отношения к окружающему социальному миру, закреплению социально одобряемых форм поведения.

Таким образом, фольклорные произведения оказывают влияние на познавательное, эстетическое, а главное, на социальное развитие подростков.

Фольклорные произведения могут использоваться в структуре различных уроков, прежде всего, гуманитарного цикла. Однако данный вид народного искусства может быть использован в структуре деятельности специалистов других профилей, например, социального педагога. Именно социальный педагог создает условия для успешной социализации школьников в современном образовательном пространстве с целью развития коммуникативной культуры детского сообщества. Социальный педагог является ключевой фигурой для развития и совершенствования возможностей школьника и его окружения

в решении проблем его социальной жизни [1].

Направления деятельности социального педагога включают в себя управленческое, профилактическое, защитно-охранное, аналитико-диагностическое направления работы. Каждое направление деятельности включает в себя разнообразные мероприятия, например, управленческая деятельность предполагает участие в педагогических советах; консультирование классных руководителей; контакты с органами местной власти и муниципальными службами по социальной защите семьи и детства, с правоохранительными органами; организации досуга учащихся через связь с детскими объединениями и учреждениями дополнительного образования и др. Профилактическое направление деятельности социального педагога направлено на выявление детей группы риска; контрольные проверки семей учащихся; обследование опекаемых семей; участие в службе сопровождения; вовлечение учащихся в систему дополнительного образования; работа с учащимися по предотвращению антиобщественных поступков и беседы, направленные на культуру поведения в общественных местах и др. Защитно-охранное направление деятельности направлено на школьную адаптацию вновь прибывших учащихся и предотвращение школьной дезадаптации; организации отдыха детей и т. д. Таким образом, областью деятельности социального педагога является социальное развитие учащихся.

Для того, чтобы деятельность социального педагога была максимально эффективной, используются разнообразные методы воздействия на учащихся, родителей, педагогов. Основными методами воздействия являются метод убеждения и беседы, которые направлены на развитие у учащихся социально-значимых ценностей, позитивного взаимодействия с членами социума, на осознание общественно приемлемого поведения, на развитие волевых,

нравственных качеств подрастающей личности. Однако, зачастую, беседы и убеждения социального педагога воспринимаются учащимся подросткового возраста негативно, как нравоучение, что вызывает у него отрицательную реакцию. Поэтому для достижения воспитательной функции желательно использовать фольклорные произведения, делающие речь социального педагога образной, доступной пониманию, этически корректной.

В деятельности социального педагога могут реализоваться разнообразные педагогические функции фольклорных произведений.

В первую очередь фольклорные произведения выполняют воспитательную функцию, которая реализуется в целенаправленном формировании положительных нравственных качеств личности подростка. Пословицы, поговорки, мифы, сказки и другие фольклорные произведения содержат духовные послы, наполнены нравственным смыслом, формируют представления о позитивных взаимоотношениях между людьми, о духовности, толерантности и других нравственных качествах, что способствует социально одобряемому поведению подростков. Например, в процессе беседы с конфликтным подростком, объясняя необходимость дружеских взаимоотношений, можно использовать пословицы «Нет друга – ищи, нашел – береги», «Дружба не терпит никакого обмана и рвется там, где начинается ложь», «Человек без друзей, что сокол без крыльев» и др. При этом попросить самого подростка объяснить смысл этих пословиц и соотнести их со своим поступком.

Познавательная функция фольклорных произведений направлена на расширение кругозора учащихся. Из литературных источников разных жанров подростки получают информацию по разной тематике: о природе, о животных, о растениях, о социальном мире, включая знания о поведении, взаимоотношениях. При этом изучаемая проблематика представлена

доходчивым, понятным языком. Познавательная функция также выражается в формировании умения анализировать поступки героев фольклорных произведений, что в дальнейшем способствует анализу собственного поведения и прогнозированию последствий от своих поведенческих действий, моделированию структуры общественных отношений, что оказывает положительное влияние на социальное развитие подростков. С подростками можно организовывать конкурсы, викторины, творческие лаборатории с использованием фольклорных произведений, что будет способствовать лучшему усвоению информации об окружающем мире и выделению отличительных особенностей взаимодействия в социуме.

Следующая эстетическая функция фольклорных произведений направлена на формирование у подростков представлений о народной культуре, традициях, что способствует развитию художественного вкуса, гармонизации внутреннего мира подростка, ориентирует его на традиционные национальные ценности, осознанию фундаментальных истин. В процессе любой деятельности подростков социальный педагог может использовать народные шутки, прибаутки, которые развивают эстетические качества личности. Таким образом, эстетическая функция опосредованно влияет на социальное развитие подростка.

Социальная функция фольклорных произведений оказывает непосредственное влияние на социальное развитие подростка, поскольку в народных творениях образно представлена человеческая натура, разнообразие ее проявлений, многообразие человеческих взаимоотношений. Для реализации данной функции социальный педагог может использовать любые коллективные мероприятия, например, студии, фестивали, исторические игры, клубы и другие формы работы, включающие объединение заинтересованных учащихся с целью их включения в разно-

образные виды творческой и социальной деятельности.

Развивающая функция направлена на развитие творческих способностей подростка, его фантазии через формирование и совершенствование речи, осмысление, обдумывание, образное представление изучаемых фольклорных произведений, более точного их использования в собственных речевых высказываниях. Развивающая функция также опосредованно оказывает влияние на социальное развитие подростка, т. к. речевые средства способствуют формированию коммуникативных навыков, речевого этикета, более четкому и образному выражению собственных мыслей. Практически все направления деятельности социального педагога реализуют данную функцию фольклорных произведений.

Развлекательная функция фольклорных произведений нацелена на организацию свободного времени подростка с пользой и интересом. Организация фольклорных праздников, подбор литературных произведений для школьных уроков, чтение в свободное время и дальнейшее обсуждение прочитанного – все это способствует получению подростком удовольствия от познавательной деятельности, мотивирует на дальнейшее социальное развитие, переосмыслению нравственных ценностей, изменению собственного поведения, на активную деятельность. При организации праздничных мероприятий социальный педагог может использовать разные жанры фольклорных произведений – народные игры, частушки, которые могут не только создать праздничное настроение, но и способствовать овладению культурой организации развлекательных мероприятий.

Для того, чтобы фольклорные произведения выполняли перечисленные функции, образовательное учреждение должно создавать определенное воспитательно-развивающее пространство, которое через языковой материал воздействует на сознание подростка. Л.А. Саенко, Г.Н. Со-

ломатина [10] полагают, что воспитательно-развивающее пространство оказывает непосредственное влияние на социальное развитие подростка. Одним из средств обучения и воспитания, способствующих социальному развитию учащихся, являются литературные произведения, анализ которых значительно обогащает духовный мир подростка. Выбор фольклорных произведений определяется содержанием уроков, внеклассных мероприятий, уровнем познавательного и социального развития, возрастными и индивидуальными особенностями.

Очень важно в образовательной деятельности включать фольклорные произведения в разнообразные виды деятельности подростков, прежде всего в учебную, досуговую, творческую и др. Различные типы фольклорных произведений формируют у подростков социальные формы поведения, способствуют усвоению народных традиций, нравственных норм поведения. Отраженные в фольклоре образы становятся основой позитивного поведения учащихся, образцом определенных социальных ролей в последующем периоде развития, что является педагогическим средством социального развития.

Заключение. Таким образом, в результате теоретического анализа научной литературы можно сформулировать следующие выводы:

1. Социальное развитие представляет собой необратимые изменения социальных процессов и личностных качеств членов социума. Характерными особенностями социального развития являются необратимость, направленность и закономерность.

2. Одним из значимых периодов социального развития является подростковый возраст, в котором через различные виды коллективной деятельности происходит расширение социального пространства, увеличение количества социальных контактов подростка.

3. Фольклорные произведения обладают высоким педагогическим потенциалом, заключающимся в социальном, развивающем, коммуникативном аспектах, имеют огромное воспитательное, познавательное, социальное, эстетическое, развивающее значение при обучении и воспитании младших подростков, оказывая непосредственное или опосредованное влияние на их социальное развитие через усвоение культурно-исторического опыта своего народа.

4. В деятельности социального педагога могут реализоваться разнообразные педагогические функции фольклорных произведений (воспитательная, познавательная, эстетическая, социальная, развивающая, развлекательная), что значительно повышает социальные компетенции подростков.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Александровская Э.М. Основные виды деятельности социального педагога в образовательном учреждении // Социальная педагогика. 2014. № 1. – С. 29–56.
2. Белетова Д.Б., Зритнева Е.И. Педагогические условия развития социальной активности подростков // МНКО. 2020. № 5 (84). – С. 124–126.
3. Божок А.Л. Фольклор как средство развития личности младшего школьника // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 12-1 (104). – С. 180–182.
4. Громова О.Е., Соломатина Г.Н. Времена года. Стихи. Рассказы. Игры. – М.: Сфера, 2021. – 112 с.
5. Громова О.Е., Соломатина Г.Н. Животные. Стихи. Рассказы. Игры. – М.: Сфера, 2021. – 160 с.
6. Громова О.Е., Соломатина Г.Н. Растения. Стихи. Рассказы. Игры. – М.: Сфера, 2021. – 112 с.
7. Кабушко А.Ю., Соломатина Г.Н. Социальное развитие ребенка дошкольного возраста средствами художественной литературы // Актуальные проблемы современной науки: IV Международная научно-практическая конференция: в 3-х т. Ставрополь, 2015. – С. 192–196.

8. Лаврентьева З.И. Социальное развитие личности: педагогический аспект // Вестник КГК. 2006. № 2. – С. 35–41.
9. Нуруллаева Н.К. Фольклор – историческое наследие народа // Экономика и социум. 2023. № 4-1 (107). – С. 763–766.
10. Саенко Л.А., Соломатина Г.Н. Аналитические умения студентов: сущностные характеристики, уровни развития, факторы влияния // Научно-педагогическое обозрение. 2021. № 4 (38). – С. 68–75.
11. Соломатина Г.Н. Адаптивная образовательная среда для обучения и воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья // Специальное и инклюзивное образование: материалы Международной научно-практической конференции (Ярославль, 3–4 марта 2021 г.). – Ярославль: Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2021. – С. 40–44.
12. Стожко К.П. Фольклор в развитии мировосприятия личности // Социально-гуманитарное образование в современном мире: проблемы, поиски, решения: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург: УрГАУ, 2019. – С. 387–397.
13. Ткаченко Т.В. Фольклор как средство развития личности младшего школьника // Школа как платформа для успешной социализации обучающихся на уровне профессионального образования: материалы VII Региональной научно-практической (очно-заочной) конференции. – Волгоград: Котово, ВолГТУ, 2020. – С. 140–142.
14. Шихамирова Б.А. Воспитательный потенциал фольклора в развитии личности // Образование: традиции и инновации: материалы VIII Международной научно-практической конференции. – Прага: World Press, 2015. – С. 589–591.
15. Шимшилов С.А. Социальное развитие: структура, сущность, содержание // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2004. № 1. – С. 99–106.
16. Abric J. C. Hpsychologu de la communication. Paris, 2020. 212 p.
17. Fridrich W. Jugend heute. Berlin, 2021. 196 p.
18. Stevenson M. Folklore in education. NY, 2019. 164 p.

REFERENCES:

1. Aleksandrovskaya E.M. Main types of activities of a social teacher in an educational institution // Social Pedagogy. 2014. 1: 29–56.
2. Beletova D.B., Zritneva E.I. Pedagogical conditions for the development of social activity of adolescents // MNKO. 2020. 5 (84): 124–126.
3. Bozhok A.L. Folklore as a means of developing the personality of a junior schoolchild // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2011. 12-1 (104): 180–182.
4. Gromova O.E., Solomatina G.N. Seasons. Poetry. Stories. Games. M.: Sfera, 2021; 112.
5. Gromova O.E., Solomatina G.N. Animals. Poetry. Stories. Games. M.: Sfera, 2021; 160.
6. Gromova O.E., Solomatina G.N. Plants. Poetry. Stories. Games. M.: Sfera, 2021; 112.
7. Kabushko A.Yu., Solomatina G.N. Social development of a preschool child through the means of fiction // Current problems of modern science: IV International scientific and practical conference: in 3 volumes. Stavropol, 2015; 192–196.
8. Lavrentieva Z.I. Social development of a personality: pedagogical aspect // Bulletin of the KGK. 2006. 2: 35–41.
9. Nurullaeva N.K. Folklore and historical heritage of the people // Economy and Society. 2023. 4-1 (107): 763–766.
10. Saenko L.A., Solomatina G.N. Analytical skills of students: essential characteristics, levels of development, factors of influence // Scientific and pedagogical review. 2021. 4 (38): 68–75.
11. Solomatina G.N. Adaptive educational environment for teaching and raising children with disabilities // Special and inclusive education: materials of the International scientific and practical conference (Yaroslavl, March 3–4, 2021). Yaroslavl: Yaroslavl state ped. university named after K.D. Ushinsky, 2021; 40–44.

12. Stozhko K.P. Folklore in the development of a personal worldview // Social and humanitarian education in the modern world: problems, searches, solutions: materials of the All-Russian scientific and practical conference. Ekaterinburg: UrSAU, 2019; 387–397.

13. Tkachenko T.V. Folklore as a means of developing of a junior schoolchild's personality // School as a platform for the successful socialization of students at the level of vocational education: materials of the VII Regional scientific-practical (internal-correspondence) conference. Volgograd; Kotovo, Volga State Technical University, 2020; 140–142.

14. Shikhamirova B.A. Educational potential of folklore in personality development // Education: traditions and innovations: materials of the VIII International Scientific and Practical Conference. Prague: World Press, 2015; 589–591.

15. Shimshilov S.A. Social development: structure, essence, content // Bulletin of Omsk State University. Series: Economics. 2004. 1: 99–106.

16. Abric J. S. Hsychologu de la communication. Paris, 2020; 212.

17. Friedrich W. Jugend heute. Berlin, 2021; 196.

18. Stevenson M. Folklore in education. NY, 2019; 164.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflict of interest

Информация об авторе

Инна Сергеевна Гришина, социальный педагог,

МБВСОУ Центр образования г. Ставрополя имени Героя России В. Духина, г. Ставрополь, Российская Федерация

e-mail: grisheena@yandex.ru

тел.: +7(905)4664040

Information about the author

Inna S. Grishina, Social pedagogue,

MBBSOU Center of Education of Stavropol named after the Hero of Russia V. Dukhin, Stavropol, the Russian Federation

e-mail: grisheena@yandex.ru

tel.: +7 (905)4664040

Поступила в редакцию 01.08.2023

Поступила после доработки 15.09.2023

Принята к публикации 15.09.2023

Received 01.08.2023

Revised 15.09.2023

Accepted 15.09.2023

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-83-92>

УДК 378:004

© 2023

Е.В. Евенко^{1*}, О.А. Гливенкова¹

Цифровая трансформация образования и современные образовательные технологии

^{1*}*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Тамбовский государственный технический университет»,
г. Тамбов, Российская Федерация*

Аннотация

В статье рассматривается актуальность цифровой трансформации в процессе обучения в высших образовательных заведениях. Авторы данной статьи обозначили проблему цифровой трансформации высшего образования и установили противоречия между непрерывным возрастанием требования к доступности различных форм обучения (смешанного, гибридного, дистанционного) и качеством профессиональной подготовки студентов. Авторы определяют основные проблемы, связанные с трансформацией в сфере современного образования: феномен «клипового мышления», кризис текстовой культуры. Цель исследования – выявить плюсы и минусы цифрового образования в вузе в ходе анализа использования цифровых технологий в проектировании нового образовательного материала. В данном исследовании был использован метод теоретического анализа и педагогического моделирования, а также рефлексия педагогического опыта авторов статьи. Авторы приходят к выводу о неоднозначности отношения преподавателей к цифровизации в педагогике: с одной стороны, негативно влияет на систему образования, с другой, наоборот, благоприятно. В заключении, результаты исследования показывают, что обучение студентов общим академическим навыкам в контексте цифровой трансформации вузовской среды повысит качество процесса обучения и значительно улучшит профессиональную подготовку студентов.

Ключевые слова: цифровая трансформация, смешанное, гибридное обучение, современные технологии, клиповое мышление, цифровые инструменты, академические навыки, профессиональная подготовка

Для цитирования: Евенко Е.В., Гливенкова О.А. Цифровая трансформация образования и современные образовательные технологии // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 4. – С. 83–92. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-83-92>.

E.E. Evenko^{1*}, O.G. Glivenkova¹

Digital transformation of education and modern educational technologies

^{1*}FSBEI HE «Tambov State Technical University», Tambov, the Russian Federation

Abstract

The article discusses the relevance of digital transformation in the learning process in higher educational institutions. The authors of the article have identified the problem of digital transformation of higher education and established contradictions between the continuous increase in the requirement for the availability of various forms of education (blended, hybrid, distance learning) and the quality of professional training of students. The authors have identified the main problems associated with transformation in the field of modern education: the phenomenon of «clip thinking», the crisis of text culture. The purpose of the research is to identify the pros and cons of digital education at a university by analyzing the use of digital technologies in the design of new educational material. The method of theoretical analysis and pedagogical modeling have been used in the research. The authors have concluded that teachers have an ambiguous attitude towards digitalization in Pedagogy: on the one hand, it negatively affects the education system, on the other, on the contrary, it has a positive effect. In conclusion, the results of the study have shown that teaching students general academic skills in the context of the digital transformation of a university environment will improve the quality of the learning process and significantly improve the professional preparation of students.

Keywords: digital transformation, blended, hybrid learning, modern technologies, clip thinking, digital tools, academic skills, professional training

For citation: Evenko E.E., Glivenkova O.G. Digital transformation of education and modern educational technologies // *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2023. Volume 15, No 4. P. 83–92. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-83-92>.

Введение. Современное образование претерпевает серьезные изменения с ростом потребности общества в особых формах обучения и развитием информационных технологий. В процессе данной трансформации образования возникли такие формы обучения, как смешанное, гибридное и дистанционное обучение. Под термином «смешанное обучение», «blended learning» [1] подразумевается модель обучения, которая предполагает комбинирование очных занятий в учебной аудитории и самостоятельной работы студентов, выполняемой онлайн. Основная функция смешанного обучения – учебно-методическое обеспечение, организация структурированной самостоятельной работы студентов с

электронными цифровыми ресурсами. «Гибридное обучение», как альтернативное «смешанной» форме обучения, заключается в том, что форматы online и life реализуются параллельно: часть обучающихся присутствует на занятии очно, тогда как другая часть, с использованием информационных технологий, подключается удаленно.

В этой связи пандемия подтолкнула вузы к поиску инновационных решений, дистанционных форм обучения и цифровой грамотности не только преподавателей, но и студентов. Однако цифровая трансформация в сфере образования интерпретируется учеными неоднозначно и требует глубокого рассмотрения. Вынужденный переход к дистанционным фор-

мам обучения обнаружил и существующие в этой области проблемы. Исследования К.В. Исаевой, Д.В. Жердева, В.Л. Назарова, М.П. Лапчик (2020) показывают, что большая часть педагогов (41%) оказалась не готова к использованию цифровых технологий [2]. На важность формирования цифровой компетентности педагога указывает М.П.Лапчик [3], на необходимость формирования навыков электронного учебника – Н.П. Ячина [4].

Основная часть. Трансформация в современном образовании вызвана не столько пандемией коронавируса, которая выявила определенные трудности обучения, сколько, в большей степени, приходом в университет новых поколений студентов, которые думают и задействуют совершенно другие алгоритмы. Современному преподавателю предстоит осознать эту критическую ситуацию, структурировать ее и принять. Студенты третьего тысячелетия – высоко информированные личности, и преподаватель университета должен спланировать процесс преподавания и обучения таким образом, чтобы студент мог понять, что у него есть шанс преуспеть и получить образование высокого качества. Американский психолог Л. Розен отмечает, что сильная сторона «поколения I» [5] (Internet Generation), воспитанная в эпоху бума компьютерных и коммуникационных технологий, – их возросшая способность к многозадачности. Дети интернет-поколения одновременно могут слушать музыку, общаться в чате, бродить по сети, редактировать фотки, делая при этом уроки. Но, разумеется, платой за многозадачность становится рассеянность, гиперактивность, дефицит внимания и предпочтения визуальных символов логике и углублению в текст [6, с. 104].

Как всякое сложное явление, трансформация образования имеет характерные черты.

Элементы трансформации образования:

1. Кризис текстовой культуры;
2. Отказ от культурного багажа;
3. Возникновение образовательных альтернатив;
4. Новые требования к упаковке материала (не только к содержанию);
5. Распространение новой этики;
6. Возрастающие сложности с концентрацией внимания;
7. Разрушение устойчивой мотивации;
8. Дополнительные издержки разговора с экраном (черные квадратики).

Первая проблема – довольно тяжелая – кризис текстовой культуры. Обучение в социальных и гуманитарных науках базируется на книжной культуре и традиционно построено на текстах. В настоящее время студенты все меньше читают сложные тексты, а если читают, то не склонны «прорубаться» сквозь текстовые построения и добывать смысл. Постепенно утрачивается навык «медленного чтения», что приводит к выхватыванию читающими всего лишь 20% текста. Несмотря на богатый выбор хороших содержательных текстов (академические статьи), предлагаемых преподавателем, студенты читают их все менее и менее охотно. Обучающие привыкают «скользить» по тексту, выхватывая только его пятую часть, что приводит к формированию другого отношения к тексту как к источнику готовой к употреблению информации.

В отличие от современных студентов, их предшественники были нацелены на поиск труднодоступных источников, освоение сложного материала, запоминание и накопление знаний, создание основательной структуры знаний, из которых, в свою очередь, и формировался культурный багаж. Новому поколению не требуется поиск источников – они всегда «под рукой» в интернете, добываются «одним кликом». Студенты не склонны основательно в них вникать, «вгрызаться» и запоминать. Таким образом, вместо формирования структуры прочных знаний («культурного багажа»), совре-

менное поколение студентов работает с потоками информации, поэтому вместо освоения знаний происходит банальное их потребление, с чем они прекрасно справляются.

Склонность к дайджестам и сокращениям приводит к стандартизации и упрощению письменных работ. Возникает нежелание и неумение задавать вопросы. Так как можно не спрашивать и сильно не задумываться, а просто «прогуглить».

Преподаватели привыкли концентрироваться на содержании того, что преподают, но сегодня этого не достаточно. Сегодня растут требования к упаковке и подаче материала. Современные студенты – люди визуальной культуры, которые не представляют себе занятие в аудитории без презентации. Характер презентации требует видео и разного рода анимацию, геймификацию и доступность всех материалов онлайн, а иначе возникают сложности с концентрацией внимания студентов. Актуальной задачей современных преподавателей становится создание узко-тематических фильмов (видеороликов) с наглядными примерами, экспериментами.

Формирование так называемого «клипового мышления» требует, в большей мере, подачи материала развлекательного характера. Тогда как основная задача преподавателя не развлекать, а вовлекать обучающихся в учебный процесс. Одним из первых в России ввел термин «клиповое сознание» российский философ Ф.И. Гиренок, полагая, что понятийное мышление перестало играть важную роль в современном мире [7].

С нашей точки зрения, «клиповое мышление» [8] – это термин, описывающий стиль мышления, который склонен к быстрому и непродолжительному восприятию информации, такому, как визуальные клипы или короткие видео. Существует мнение, что в современном информационном обществе, где доступ к видеоматериалам и скорость передачи информации

играют важную роль, у молодых людей может наблюдаться предпочтение такого типа мышления.

Однако, стоит отметить, что восприятие информации и способ мышления у каждого человека индивидуальны и могут сочетать несколько различных стилей. Хотя некоторые исследования указывают на то, что текущее поколение обучающихся может предпочитать более краткосрочные и визуальные формы информации, это не является всеобщей и непреложной истиной.

Кроме того, быстрота и краткость восприятия информации не всегда означает нежелание или неспособность глубокого анализа и рефлексии. Многие обучающиеся способны применять критическое мышление и аналитические навыки для более глубокого понимания сложных концепций, даже если они предпочитают быстрое восприятие информации.

Таким образом, можно сказать, что «клиповое мышление» может превалировать у некоторой части современного поколения обучающихся, но оно не является непременной характеристикой всех молодых людей.

Использование проектирования в педагогической деятельности является эффективным инструментом организации образовательного процесса. На современном этапе развития системы образования, владение методами педагогического проектирования является одной из основных функций преподавателя, которая осуществляется при организации дистанционного, смешанного и гибридного обучения.

Электронная образовательная среда представляет собой незаменимый элемент для выполнения учебного процесса. Она открыта для широкого доступа и является как хорошо структурированным источником информации, так и средством коммуникации, технические способности которого в данное время практически безграничны. В то же время электронная

среда обеспечивает пассивное учение, при котором студенты учатся самостоятельно, наблюдая друг за другом.

В период повсеместного внедрения электронного обучения появились сайты для подготовки учащихся к ОГЭ и ЕГЭ («Сдам ОГЭ», «Решу ЕГЭ»), без которых сегодня современные обучающиеся не представляют себе свою самостоятельную подготовку к сдаче данных экзаменов. Из личного преподавательского опыта можем отметить, что некоторым обучающимся достаточно тренировки на данных сайтах для успешного завершения школьной ступени обучения.

Многие преподаватели считают, что не интернет в целом является помехой и причиной отвлекаемости обучающихся, а неправильный или неподходящий контент, который следует подвергать фильтрации. Существует острая необходимость в цензуре той информации, которая находится в открытом доступе в бескрайнем цифровом мире и «подпитывает» мыслительную деятельность студентов.

Существует множество цифровых инструментов для аннотирования, включая Perusal, Hypothesis, NowComment и Diigo. Множество преподавателей, дизайнеров и исследователей используют Perusal и Hypothesis. Hypothesis – бесплатный сервис с открытым исходным кодом, доступный как расширение браузера Google Chrome, он позволяет пользователям публично комментировать и создавать частные «комнаты» для обучающихся. Посредством данных инструментов преподаватели могут загружать контент на веб-сайт, а студенты комментировать тексты кураторов. Аннотирование непосредственно в тексте создает то, что ученые называют «привязанным контекстом для разговора», так как обсуждение буквально закреплено с исходным материалом. Если студенту не понятно слово, он может попросить его растолковать прямо в тексте. Обучающиеся могут также улучшать тексты, поделившись

персональными связями. Аннотации в Hypothesis включают в себя заметки и выделения, а также комментирование с использованием изображений, анимированных GIF-файлов или встроенных видео. На занятиях можно попросить студентов «заполнить текст» – добавить свои собственные комментарии или отметить области текста, на которые они эмоционально, с эффектом реагируют, создавая тем самым связи текста с текстом и текста с окружающим миром, те ассоциативные тропинки, о которых ученые писали десятилетиями.

Самым уникальным цифровым инструментом для организации проектов любого типа (творческих, исследовательских, роле-игровых), с нашей точки зрения, является Moodle. Еще одним важным преимуществом электронной среды может быть организация асинхронной коммуникации (посредством форумов, электронных сообщений, блогов), что расширяет контакты в рамках выполнения проектной деятельности.

На электронной платформе Moodle располагаются все инструменты, позволяющие разработать качественный контент, распространить через интернет и воспользоваться встроенными средствами для осуществления совместной работы. На первом этапе проектной работы предполагается выбор темы в форме «вебинара». Для «мозгового штурма» лучше всего подходит инструмент «электронная доска» для сбора ответов и выбора наиболее интересующих студентов тем исследований. Таким образом, наставник начинает погружать студентов в процесс подготовки проекта. Самые популярные профессиональные области исследования можно определить, используя инструмент «голосование».

В условиях цифровой трансформации образования подходы и влияние на обучающихся и преподавателей, на организацию педагогической деятельности такой науки, как нейропедагогика, являются

очень актуальными в современном обучении для обеспечения медиапространства и большего понимания обучающихся. Нейропедагогика – это «наука об использовании в обучении нейропсихологических знаний, данных о мозговой организации процессов овладения разными видами знаний, учета и взаимовлияния индивидуальных особенностей обучающихся и педагогов» [9].

Студенты становятся все более требовательными и чувствительными к вопросу оценивания. Все больше возникает необходимость в обратной индивидуальной связи, и все больше обучающиеся интересуются своими оценками, ведут за них борьбу, пытаются проблематизировать систему оценивания, подталкивая тем самым инфляцию оценок. Это не просто борьба за рейтинги, а попытка сломать иерархию, устранить зависимость от оценивающего преподавателя. У студентов формируется квазирыночная логика – «мы пришли в университет, вы оказываете нам образовательные услуги, будьте добры оказывать нам их в полном объеме».

Распространение новой этики заставляет чувствовать преподавателей напряженно и сдержанно в аудитории. Наблюдается ограничение в высказываниях и обсуждении деликатных вопросов (политических, этических, гендерных, этнических). А также происходит перестройка личной коммуникации и необходимость подчеркнутой дистанции (физической, психологической), проявляется повышенная толерантность.

Все сложнее удерживать внимание во время занятий со студентами, что вызвано следующими факторами:

1. Зависимость от постоянной (принудительной и поверхностной) коммуникации;
2. Перенасыщенность и наложение разных форм коммуникации (интерференция);
3. Постоянные переключения и отвлечения, «раздерганность» сознания;

4. Попытки параллельного выполнения множественных задач;

5. Трудности с концентрацией и неспособность погружаться в предмет изучения надолго.

В 1980-е считалось, что удерживать внимание студента можно лишь в пределах 50 минут, сейчас фрагмент Coursera – 15 минут. [10] «Сидение в смартфонах», безусловно, отнимает много времени у студентов, но также происходит наложение различных форм коммуникаций. Стремление выполнять сразу по два-три дела и еще работать, одновременно что-то отвечая в мессенджерах, приводит к постоянным переключениям и «раздерганности сознания». Это является чуть ли не главной болезнью нашего времени и для образовательного процесса она просто губительна. Попытки *multitaskinga* вызывают трудности с концентрацией и неспособность сосредотачивать внимание надолго в процессе обучения. Время концентрации внимания сокращается все больше и больше.

Формирование «клипового мышления» генерировало множественность выбора и привело к разрушению устойчивой мотивации.

Дополнительные издержки разговора с экраном иногда приводят к беседе с «черными квадратиками». Пандемия прошла, но занятия «онлайн», видеоконференции, гибриды прочно вошли в нашу повседневную жизнь и обучение на всех этапах, и этот опыт останется с нами навсегда. Однако, использование новых цифровых инструментов и образовательных технологий быстро выявило и ряд их значительных недостатков:

1. Технические и организационные проблемы ведения занятий, проведение экзаменов;
2. Удобство и экономичность проведения «онлайн» занятий versus качество знаний;
3. Снижение вовлеченности и мотивации, усиления склонности к «фоновому образованию» студентов;

4. Побочный поиск информации вместо понимания;

5. Студенты и преподаватели превращаются в объекты (квадратики), занятия где нет соучастия, эмпатии, драйва, которые необходимы для процесса образования;

6. Пандемия сильно подтолкнула и стала оправданием десубъективизации. С одной стороны, онлайн как обеспечение безопасности помогает отгородиться от человека как от источника угрозы, в то время как с другой, – является первопричиной появления рисков ускоренного выгорания и депрессии.

Итак, в настоящее время, в условиях массовой доступности различных новых образовательных технологий и форм обучения, возникает необходимость учить общим академическим навыкам для формирования в процессе обучения прочной структуры знаний у студентов, а именно:

1. Уметь содержательно (критически) мыслить;

2. Выявлять и решать важные и интересные проблемы;

3. Преодолевать сопротивление сложного материала;

4. Работать по четким воспроизводимым процедурам;

5. Проводить эффективное (и в тоже время корректное) обсуждение.

Одна из основных задач обучения заключается в том, чтобы поддерживать практики чтения и рассматривать их не как готовую информацию, а как тренажеры для тренировки мозговой деятельности.

Заключение. Таким образом, распространение современных онлайн-технологий в педагогике вносит вклад в формирование типов новых отношений между преподавателем и студентом. Цифровое обучение – тип обучения, сопровождающийся новейшими технологиями и учебной практикой, которая может дать высокие результаты. Многообразию образовательных стратегий способствует использование широкого

спектра информационных технологий. Цифровое образование предназначено, несомненно, для улучшения качества обучения. С одной стороны, их отношения становятся более автономными и более симметричными, а с другой – более безличными, нивелирующими возможность установления персональных связей и погружения в уникальную среду обучения в реальном времени и не способствующими развитию долгосрочных отношений. На основе личного опыта преподавания, можно определить следующие плюсы и перспективы трансформации цифрового образования:

Учащемуся предоставляется возможность самостоятельно выбрать для изучения дисциплины, которые интересны или необходимы ему при поступлении в выбранный вуз на определенное направление – персонализировать свою программу обучения. Например, если ребенок хочет поступить в МГУ на исторический факультет, то в приоритете курсы истории и обществознания.

Обучающийся не тратит свое драгоценное время в бесполезном передвижении из дома в университет или на работу и обратно и экономит денежные средства. После онлайн-курсов можно отдохнуть или повторить ранее изученный материал для закрепления. Множество онлайн-школ предоставляют возможность обучения без использования подручных материалов, выполняя задания и упражнения на сайтах онлайн-школ.

Развитие навыков и черт характера человека при работе с информационным полем является необходимым качеством любого современного специалиста сегодня. Безусловно, цифровые технологии способствуют активному вовлечению обучающихся в образовательный процесс. Благодаря викторинам и опросам, студенты получают не только важную информацию, но и удовольствие. Неограниченный доступ к информации позволяет научиться работать с ней и выделять глав-

ное. Бесспорно, использование «высоких» технологий значительно упрощает работу преподавателей.

С помощью развлекательных игр можно объяснить сложную информацию простым «языком» на практике. Автоматизация упрощает выполнение и сокращает время на такие рутинные, но трудоемкие задачи, как, например, отслеживание посещаемости и результативности учебной деятельности студентов. Ценность учебного процесса повышается, если информация в учебниках быстро обновляется и дополняется. Современные технологии позволяют коммуницировать с большим количеством людей. Так, например, если человек хочет «подтянуть» знания немецкого языка, то может зарегистрироваться на специальном сайте и общаться с носителями.

Технологии обеспечивают мгновенный доступ к информации. Если раньше, чтобы сделать проект или выполнить научную работу, необходимо было пойти в библиотеку и проштудировать огромное количество книг, то сейчас благодаря новейшим технологиям, нужно только «выйти» в интернет и найти ответ на интересующий вопрос. Существует множество бесплатных ресурсов, в открытом доступе, облегчающих обучение детей с ограниченными по здоровью возможностями.

Умение пользоваться информационными ресурсами – необходимый навык в современном мире. Несомненно, появление «высоких» технологий и их последующее внедрение в жизнь общества значительно облегчило существование. Быстрый рост и развитие ИТ позволило студентам с энтузиазмом, используя воображение, делать презентации, электронные конспекты.

Переход в онлайн-формат подразумевает некоторую демократию во взаимоотношении преподавателя и студента, развивает их универсальные компетенции. Среди инструментария формирования универсальных компетенций специа-

листов технических направлений нами были выделены следующие формы организации занятий: интерактивные лекции, дискуссии, интервью, проектная работа, занятия с использованием рефлексивных методов.

Цифровая трансформация произвела фурор в сфере решения проблем, связанных с вычислением. В условиях цифровизации происходит кардинальное изменение рынка труда, появляются новые компетенции, требования к студентам меняются. Однако новейшие технологии запускают процесс дегуманизации социальных отношений и кризис интеллектуальной культуры общества.

В целом, новые эффективные инструменты для вовлечения студентов в обучение на электронном курсе содействуют активизации учебного процесса, повышению мотивации студентов и улучшению усвоения материала. Они предоставляют больше возможностей для взаимодействия, обратной связи, самоконтроля и персонализации обучения, что способствует более эффективному и качественному образованию.

Также можно сделать вывод о том, что современным преподавателям необходимо учитывать сущностные особенности феномена «клипового мышления» при построении образовательного процесса, индивидуально-психологические особенности студентов I-поколения, видоизменить формат изложения и структуру подачи учебного материала, стараться прививать студентам практики чтения с последующим изложением своего оценочного резюме после прочитанного. С нашей точки зрения, применение известных академических методов обучения в сочетании с новыми разработками и e-learning технологиями повысит эффективность процесса обучения и улучшит уровень профессиональной подготовки студентов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Bersin J. The Blended Learning Book: Best Practices, Proven Methodologies, and Lessons Learned) URL: <https://books.google.ru/books?id=chhoH9BIORgC&hl=ru.html> (обращения 10.10.2023).
2. Исаева К.В. Селянская Г.Н. Цифровой университет: трансформация образовательного процесса в условиях пандемии // Креативная экономика. 2021. Т. 15, № 6. – С. 2501–2514.
3. Лапчик М.П. Подготовка педагогических кадров в условиях информатизации образования: учебное пособие. – М: БИНОМ, 2013. – 182 с.
4. Yachina N.P., Valeeva L.A., Sirazeeva A.F. E-Teaching materials as the means to improve humanities teaching proficiency in the context of Education Informatization // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Vol. 11, Iss. 4. P. 433–442.
5. Larry D. Rosen Me, My Space, and I Parenting the Net Generation. Palgrave Macmillan, 2007. P. 11–13.
6. McLuhens M., Lawsofmedia: the new science. Toronto; Buffalo: University of Toronto – Press, 1988. 464 p.
7. Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. – М: Академический проект, 2014. – 249 с.
8. Фрумкин К.Г. Клиповое мышление и судьба линейного текста // Ineternum. 2010. № 1.8.
9. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1837563> (дата обращения: 18.08.2023).
10. Coursera [Electronic resource]. URL: <https://www.coursera.org> (дата обращения: 28.08.2023).

REFERENCES:

1. Bersin J. The Blended Learning Book: Best Practices, Proven Methodologies, and Lessons Learned) URL: <https://books.google.ru/books?id=chhoH9BIORgC&hl=ru.html> (accessed 10.10.2023).
2. Isaeva K.V. Selyanskaya G.N. Digital university: transformation of the educational process in a pandemic // Creative Economy. 2021. 15 (6): 2501–2514.
3. Lapchik M.P. Training of teaching staff in the context of informatization of education: a textbook. M: BINOM, 2013; 182 p.
4. Yachina N.P., Valeeva L.A., Sirazeeva A.F. E-teaching materials as the means to improve humanities teaching proficiency in the context of education Informatization // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. 11 (4): 433–442.
5. Larry D. Rosen Me, My Space, and I Parenting the Net Generation. Palgrave Macmillan, 2007; 11–13.
6. McLuhens M., Lawsofmedia: the new science. Toronto; Buffalo: University of Toronto – Press, 1988; 464 p.
7. Girenok F.I. Clip consciousness. M: Academic project, 2014; 249 p.
8. Frumkin K.G. Clip thinking and the fate of linear text // Ineternum. 2010. No. 1.8.
9. Dictionaries and encyclopedias on Academician [Electronic resource]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1837563> (date of access: 18.08.2023).
10. Coursera [Electronic resource]. URL: <https://www.coursera.org> (access date: 28.08.2023).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflict of interest

Информация об авторах

Елена Викторовна Евенко, кандидат филологических наук, кафедра «Иностранные языки и профессиональная коммуникация»,

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов, Российская Федерация

e-mail: nazarova33-1975@mail.ru

тел.: +7(953)7158761

Ольга Анатольевна Гливенкова, кандидат филологических наук, кафедра «Иностранные языки и профессиональная коммуникация»,

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов, Российская Федерация

e-mail: olga-glivenkova@rambler.ru

тел.: +7(920)7570405

Information about the author

Elena V. Evenko, PhD (Philology), Associate professor, the Department of Foreign Languages and Professional Communication,

FSBEI HE «Tambov State Technical University», Tambov, the Russian Federation

e-mail: nazarova33-1975@mail.ru

tel.: +7(953)7158761

Olga A. Glivenkova, PhD (Philology), Associate professor, the Department of Foreign Languages and Professional Communication

FSBEI HE «Tambov State Technical University», Tambov, the Russian Federation

e-mail: olga-glivenkova@rambler.ru

tel.: +7(920)4780492

Поступила в редакцию 14.09.2023

Поступила после доработки 16.11.2023

Принята к публикации 17.11.2023

Received 14.09.2023

Revised 16.11.2023

Accepted 17.11.2023

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-93-100>

УДК 37.035.7-053.6:355.4

© 2023

П.В. Клименко^{1*}, О.В. Шпырня²

Приоритетные направления патриотического воспитания современной молодежи в условиях проведения специальной военной операции

^{1} Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Краснодарское высшее военное орденов Жукова и Октябрьской Революции Краснознаменное училище имени генерала армии С.М. Штеменко» Министерства обороны Российской Федерации, г. Краснодар, Российская Федерация*

² Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма», г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация

В настоящее время Российская Федерация столкнулась с беспрецедентными геополитическими вызовами, что обусловило необходимость проведения специальной военной операции. В результате обозначилась *проблема исследования* в виде значительной разницы между уровнем патриотизма в российском обществе в целом и в молодежной среде в частности. Воспитательная работа, как элемент педагогической системы, является одним из самых действенных инструментов в настоящее время, способным повлиять на ценностные ориентиры современной молодежи, сформировать личностные установки в плане формирования гордости за свою страну и готовности защищать ее интересы.

Цель статьи: выявить проблемы в системе патриотического воспитания современной молодежи в условиях проведения специальной военной операции и предложить основные направления коррекции данного процесса. *Методологическая база исследования* представлена применением следующих методов исследования: изучение научной литературы, анализ, обобщение, описание.

Результаты исследования: выявлено, что существуют определенные проблемы в сфере патриотического воспитания современной молодежи в условиях проведения специальной военной операции. С учетом проведения специальной военной операции государство должно уделять заметно больше внимания вопросам патриотического воспитания современной молодежи, прежде всего, через взаимодействие в образовательной среде. Основным инструментом в данном контексте должна стать педагогическая деятельность в ходе осуществления образовательного процесса, причем как в ходе аудиторной работы, так и внеаудиторной.

Ключевые выводы: Патриотическое воспитание молодого поколения должно стать одной из основных задач и приоритетов развития педагогической науки на ее современном этапе развития. Патриотическое воспитание современной молодежи в условиях проведения специ-

альной военной операции необходимо осуществлять с обязательным учетом всего комплекса индивидуально-психологических особенностей обучающихся.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, специальная военная операция, современная молодежь, воспитательная работа

Для цитирования: Клименко П.В., Шпырня О.В. Приоритетные направления патриотического воспитания современной молодежи в условиях проведения специальной военной операции // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 4. – С. 93–100. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-93-100>.

P.V. Klimenko^{1*}, O.V. Shpyrnya²

Priority directions of patriotic education of modern youth in the conditions of the special military operation

¹FSPMEI HE «Krasnodar General S.M. Shtemenko Higher Military Red Banner Academy holding the Orders of Zhukov and the October Revolution» of the Ministry of Defense of the Russian Federation

²FSBEI HE «Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism», Krasnodar, the Russian Federation

Abstract

Currently, the Russian Federation is faced with unprecedented geopolitical challenges, which necessitates a special military operation. As a result, a research problem emerged in the form of a significant difference between the level of patriotism in the Russian society in general and among youth in particular. Educational work, as an element of the pedagogical system, is one of the most effective tools at the present time, capable of influencing the value orientations of modern youth, forming personal attitudes in terms of developing pride of their country and readiness to defend its interests.

The purpose of the research is to identify problems in the system of patriotic education of modern youth in the context of the special military operation, and to propose main directions for correcting this process. The methodological basis of the research is represented by the use of the following research methods: study of scientific literature, analysis, synthesis, description.

The research results. It has been revealed that there are certain problems in the field of patriotic education of modern youth in the context of the special military operation. The state should pay noticeably more attention to the issues of patriotic education of modern youth, primarily through interaction in the educational environment. The main tool in this context should be pedagogical activity during the implementation of the educational process, both during classroom work and extracurricular work.

Key conclusions: Patriotic education of the younger generation should become one of the main tasks and priorities for the development of pedagogical science at its current stage of development. Patriotic education of modern youth in the context of a special military operation must be carried out with mandatory consideration of the entire complex of individual psychological characteristics of students.

Keywords: patriotic education, special military operation, modern youth, educational work

***For citation:** Klimenko P.V., Shpyrnya O.V. Priority directions of patriotic education of modern youth in the conditions of the special military operation // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2023. Volume 15, No 4. P. 93–100. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-93-100>.*

Введение. Последние несколько лет оказали значительное влияние не только на экономическую и геополитическую ситуацию в нашей стране, но и трансформировали всю систему образования. Российская Федерация вышла из Болонского процесса, организует собственную модель высшего образования. Подобные изменения затрагивают не только учебный процесс, но и, прежде всего, всю систему воспитания современной молодежи. В настоящее время, в условиях проведения специальной военной операции, педагогическая наука должна в первоочередном порядке уделять приоритетное внимание патриотическому воспитанию современной молодежи. Это обусловлено тем, что именно данная категория нашего социума находится на этапе становления личности, определяется со своим будущим, формирует для себя приоритеты, идеалы, нормы поведения в тех или иных ситуациях. Соответственно, именно молодежь более всего подвержена влиянию, как прямому, так и опосредованному.

В условиях геополитической напряженности, обусловленной процессами, происходящими в мире в последние два года, вопрос патриотического воспитания современной молодежи является одним из важнейших постулатов развития отечественной педагогической науки. Проведение специальной военной операции высветило ряд проблем, имеющих место в нашем социуме, которые во многом обусловлены тем, что на определенном этапе его развития в 90-х годах 20 века и начале 2000-х годов вопросам патриотического воспитания современной молодежи не уделялось должного внимания. Старые институты работы с молодежью, функционировавшие в СССР, были разрушены, а новые не были созданы.

В последние 10 лет ситуация начала меняться в лучшую сторону, но реализуемой воспитательной работы, направленной на формирование патриотизма современной молодежи, недостаточно. Сегодня для полноценного развития личности молодого человека мало просто получить образование в колледже или университете. Очень важно создать у современной молодежи желание не только жить и работать в своей стране, но и готовность защищать и отстаивать ее интересы, в том числе и в условиях специальной военной операции. Именно поэтому в контексте происходящих сегодня событий в нашей стране и мире, очень важно в ходе осуществления аудиторной и внеаудиторной работы реализовывать мероприятия по патриотическому воспитанию современной молодежи сквозь призму героического прошлого и настоящего Российской Федерации, ее культурного наследия, тем самым формируя гордость за свою страну. Указанные выше проблемы как никогда актуальны в условиях проведения специальной военной операции, так как будущее нашей страны сегодня зависит от того, смогут ли педагоги создать у современной молодежи те качества личности, благодаря которым она будет гордиться фактом рождения и проживания в России, что молодые люди не будут стремиться ее покинуть при наступлении трудностей.

Основная часть. Патриотическое воспитание молодого поколения в течение нескольких столетий является предметом изучения отечественной педагогической науки, приобретая особую важность в переломные моменты российской истории. В последние два года наша страна столкнулась с небывалыми геополитическими вызовами, обусловленными проведением специальной военной операции. В подоб-

ные кризисные моменты именно патриотизм становится тем элементом, который позволяет сплотить общество. В данном контексте стоит отметить, что существующим вызовам может противостоять только общество, ориентированное на традиционные духовные и нравственные ценности. Только в этом случае мы можем говорить о реальном патриотическом воспитании, что, в свою очередь, сегодня должно стать одним из приоритетных направлений развития педагогической науки.

Анализ данных научной и научно-методической литературы продемонстрировал нам, что базовые концептуальные положения по вопросам патриотического воспитания сформулированы в трудах А.Н. Вырщикова, С.Н. Климова, М.Б. Кусмарцева, И.В. Метлика, Д.В. Ивановой, В.В. Константиновой, С. Blattberg и др. [2, 3, 4, 5, 9, 10].

Патриотическое воспитание современной молодежи в условиях проведения специальной военной операции в стенах образовательных учреждений подразумевает систематическую и целенаправленную работу педагогических работников в сфере формирования у молодого поколения чувства любви, верности и уважения к своей стране, а также готовности защищать интересы государства в текущей геополитической ситуации.

И именно в этой сфере сегодня наблюдается определенное противоречие, обусловленное расхождением в формировании патриотических направлений на фоне проведения специальной военной операции в российском обществе в целом и в молодежной среде в частности. Например, по итогам проведения исследования общественного мнения в 2022 году было выяснено, что большинство граждан нашей страны заявили, что они в целом являются патриотами своей страны (92%), а о своем безусловном патриотизме декларировали 54% граждан (это максимальные показатели за последние 23 года). При этом доля населения, которое не считает

себя патриотами, составляет 5%. Также исследование продемонстрировало увеличение доли деятельностного патриотизма на 15% [8].

Если же мы говорим о современной молодежи, то здесь мы можем наблюдать несколько иную, отличающуюся в худшую сторону картину. По итогам проведенного исследования общественного мнения среди молодежи в 2022 году выяснилось, что в целом являются патриотами своей страны 77%, а о своем безусловном патриотизме заявили 27%. При этом доля молодежи, которая не считает себя патриотами, составляет 13% [8]. Результаты сравнительного анализа представлены на рисунке 1.

В контексте данного исследования стоит отметить, что около 30% современной молодежи не считает для себя возможным открыто проявлять патриотические чувства, например, они не знают или знают, но не поют гимн Российской Федерации, отрицательно относятся к одежде с патриотической символикой, в том числе связанной со специальной военной операцией.

Также среди современной молодежи наблюдается высокая доля тех, кто предпочел бы уехать из страны, имея такую возможность – 27% (в период проведения частичной мобилизации в сентябре 2022 года данная цифра существенно увеличилась) [8].

Результаты, отображенные на рисунке 1, демонстрируют нам то, что существуют определенные проблемы в сфере патриотического воспитания современной молодежи в условиях проведения специальной военной операции. Соответственно, можно сделать вывод, что патриотическое воспитание современной молодежи должно стать одной из основных задач и приоритетов развития педагогической науки на ее современном этапе развития.

В указном контексте следует отметить, что сегодня образовательным учреждениям в полной мере государство делегирует задачи по организации и проведению воспитательной работы с обучающимися. В

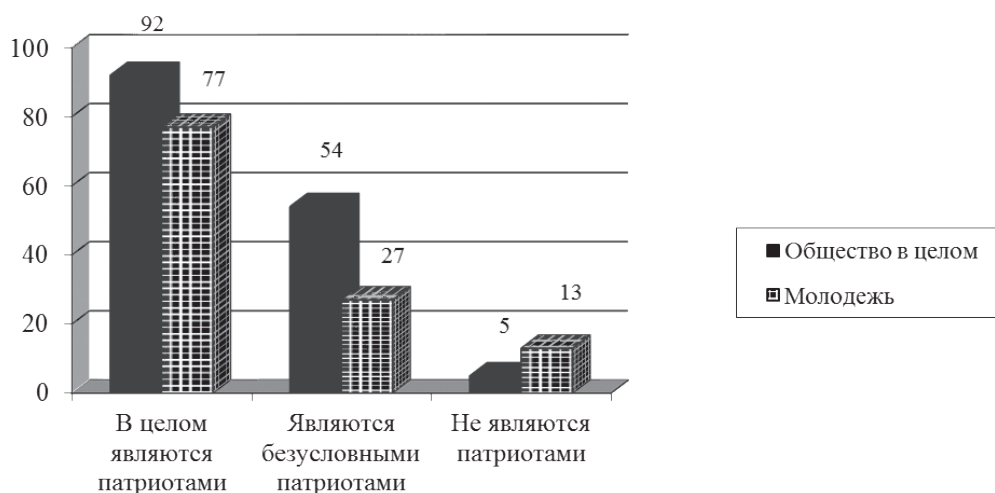

Рис. 1. Результаты сравнительного анализа исследования общественного мнения по вопросу патриотизма в обществе в целом и молодежной среде в частности (по материалам ВЦИОМ) [8]

высших учебных заведениях для каждой основной профессиональной образовательной программы теперь обязательным элементом является рабочая программа воспитания с соответствующим календарным графиком мероприятий.

Немаловажную роль также сегодня играет обязательное включение в учебные планы всех направлений и профилей подготовки курсов «Основы российской государственности» и «Основы военной подготовки», а также увеличение контактной работы в курсе «История России». Также стоит отметить, что очень существенную роль в патриотическом воспитании современной молодежи в условиях проведения специальной военной операции играют военно-учебные заведения. В период получения образования в военных вузах, путем развития патриотических качеств, как на личностном, так и на профессиональном уровне, будущим офицерам закладываются основы патриотического воспитания. Основы военно-патриотического воспитания будущих офицеров формируются посредством развития патриотических качеств у курсантов. Образовательная среда военного вуза предоставляет большие возможности для создания фундамента патриотических ценностей у будущих

офицеров, которые в дальнейшем могут транслировать их не только в военной среде, но и в гражданской, например, через организацию встреч со студентами.

На фоне проведения специальной военной операции государство стало уделять заметно больше внимания вопросам патриотического воспитания современной молодежи, прежде всего, через взаимодействие в образовательной среде. Главной целью патриотического воспитания современной молодежи в условиях проведения специальной военной операции в высших учебных заведениях как гражданского, так и военного профиля должно стать воспитание в ходе осуществления образовательного процесса, причем как в ходе аудиторной работы, так и внеаудиторной. В этом контексте очень важно также задействовать научно-исследовательскую деятельность, способствующую совершенствованию личности обучающегося, а также формированию гражданского самосознания.

Воспитательная работа как элемент педагогики может придать существенный импульс процессу патриотического воспитания современной молодежи в условиях проведения специальной военной операции. Это обусловлено тем, что основные патриотические ценности естественным

образом можно встроить в преподавание очень большого числа предметных дисциплин (помимо указанных выше), например, история России, философия, этика и этикет, безопасность жизнедеятельности, правовое регулирование, культурология, физическая культура и спорт (включая элективные дисциплины), психология, география, организация добровольческой (волонтерской деятельности) и ряд других (в данном случае использовались примерные названия дисциплин, которые в разных вузах могут отличаться по формулировке).

При этом процесс организации патриотического воспитания современной молодежи в условиях проведения специальной военной операции не должен быть формальным и шаблонным, ограничиваясь чтением 1–2 лекций и демонстрацией какой-либо презентации или фильма. Необходима постоянная двухсторонняя коммуникация между обучающимся и педагогическим работником. При этом в контексте именно патриотического воспитания современной молодежи в условиях проведения специальной военной операции очень важно выстраивание доверительных взаимоотношений между преподавателем и обучающимися ввиду деликатности темы. При этом педагог должен очень тонко чувствовать аудиторию, вовремя выявляя случаи агрессии, неприятия, чтобы больше не повторялись истории, когда в вузах происходила травля обучающихся за то, что они тем или иным образом четко обозначили свою патриотическую позицию. И здесь также актуальным вопросом становится подбор соответствующих педагогических кадров, то есть, как отмечают Л.В. Байбородова, И.Г. Харисова, В.В. Белкина, все эти моменты необходимо заложить в концептуальные основы патриотического воспитания будущих педагогов [1]. Гражданско-патриотическое и военно-патриотическое воспитание российской молодежи должно войти в социально-культурное пространство вуза. Об этом в частности говорят в

своих исследованиях Л.П. Илларионова, С.В. Илларионов и В.И. Лутовинов [6, 7].

Патриотическое воспитание современной молодежи в условиях проведения специальной военной операции необходимо осуществлять с обязательным учетом всего комплекса индивидуально-психологических особенностей обучающихся. Также необходимо в полной мере принимать во внимание существующий информационный фон вокруг специальной военной операции, а также сложившиеся социально-экономические, правовые, морально-этические нормы, принятые в современном обществе.

Основными формами и методами патриотического воспитания современной молодежи в условиях проведения специальной военной операции должны стать: коллективные и индивидуальные беседы как в ходе аудиторной, так и внеаудиторной работы, информирование обучающихся о целях и задачах специальной военной операции, проведение часов куратора, научно-практических конференций студенческих конференций, открытые занятия, мастер-классы, встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, участниками боевых действий, а также с реальными участниками специальной военной операции. Также возможно проведение экскурсии по местам боевой славы, музеям, а также организация просмотра патриотических фильмов.

Еще одним действенным инструментом организации патриотического воспитания современной молодежи в условиях проведения специальной военной операции является привлечение внимания к своей малой Родине. В том числе и с этой целью в настоящее время в ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма» осенью 2023 года организован I Всероссийский творческий конкурс «Моя малая Родина», где одной из основных целей задекларировано именно патриотическое воспитание молодежи, а в качестве задач

заявлены: популяризация культурного наследия регионов России; воспитание патриотизма, гражданственности, этноконфессиональной терпимости.

Заключение. Проблема патриотического воспитания современной молодежи в условиях СВО сегодня очень актуальна в российском обществе. Проведение специальной военной операции высветило ряд существенных пробелов в данном процессе. При этом именно система обра-

зования сегодня призвана решать данную проблему путем формирования у молодежи уважительного отношения к своей Родине и готовности ее защищать. При этом важным элементом патриотического воспитания современной молодежи в условиях проведения специальной военной операции должно стать привлечение внимания и формирования связи обучающихся не только со страной в целом, но с их малой Родиной.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Байбородова, Л.В. Харисова И.Г., Белкина В.В. Концептуальные основы патриотического воспитания будущих педагогов // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 6. – С. 8–14.
2. Выршиков А.Н., Кусмарцев М.Б. Теоретические основания инновационного развития патриотического воспитания в регионе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 3 (98). – С. 4–10.
3. Выршиков А.Н., Кусмарцев М.Б. Патриотическое воспитание молодежи в современном обществе: монография. – Волгоград: Авторское перо, 2006. – 172 с.
4. Российский патриотизм: истоки, содержание, воспитание в современных условиях: учебное пособие / Выршиков А.Н. [и др.]. – М.: Планета, 2010. – 336 с.
5. Иванова Д.В., Константинова В.В. Организационно-педагогические условия гражданско-патриотического воспитания студентов вуза // Вестник Марийского государственного университета. 2019. № 3 (35). – С. 344–351.
6. Илларионова Л.П., Илларионов С.В. Гражданско-патриотическое воспитание студентов в социокультурном пространстве вуза // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6 (73). – С. 62–63.
7. Лутовинов В.И. Военно-патриотическое воспитание российской молодежи. – М.: РАГС, 2010. – 174 с.
8. Основы патриотического воспитания граждан Российской Федерации: методические рекомендации Федерального государственного бюджетного учреждения «Российский центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи». – М.: Роспатриот, 2022. – 93 с.
9. Российский патриотизм: истоки, содержание, воспитание в современных условиях: учебное пособие / А.Н. Выршиков [и др.]; под общ. ред. А.К. Быкова, В.И. Лутовинова. – М.: Планета, 2010. – 336 с.
10. Blattberg C. From Pluralist to Patriotic Politics: Putting Practice First. New York: Oxford University Press, 2000. 296 p.

REFERENCES:

1. Bayborodova, L.V. Kharisova I.G., Belkina V.V. Conceptual foundations of patriotic education of future teachers // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2015. 6: 8–14.
2. Vyrshchikov A.N., Kusmartsev M.B. Theoretical foundations of innovative development of patriotic education in the region // News of the Volgograd State Pedagogical University. 2015. 3 (98): 4–10.
3. Vyrshchikov A.N., Kusmartsev M.B. Patriotic education of youth in modern society: a monograph. Volgograd: Avtorskoe pero, 2006; 172.
4. Russian patriotism: origins, content, education in modern conditions: a textbook / Vyrshchikov A.N. [et al.]. M.: Planeta, 2010; 336.

5. Ivanova D.V., Konstantinova V.V. Organizational and pedagogical conditions for civil and patriotic education of university students // Bulletin of the Mari State University. 2019. 3 (35): 344–351.
6. Illarionova L.P., Illarionov S.V. Civil-patriotic education of students in the sociocultural space of a university // World of science, culture, education. 2018. 6 (73): 62–63.
7. Lutovinov V.I. Military-patriotic education of the Russian youth. M.: RAGS, 2010; 174 .
8. Fundamentals of patriotic education of citizens of the Russian Federation: methodological recommendations of the Federal State Budgetary Institution «Russian Center for Civil and Patriotic Education of Children and Youth.» M.: Rospatriot, 2022; 93.
9. Russian patriotism: origins, content, education in modern conditions: a textbook / A.N. Vyrshchikov [et al.]; general ed. by A.K. Bykov, V.I. Lutovinov. M.: Planeta, 2010; 336 .
10. Blattberg C. From Pluralist to Patriotic Politics: Putting Practice First. New York: Oxford University Press, 2000; 296 .

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflict of interest

Информация об авторах

Павел Валерьевич Клименко, кандидат педагогических наук, начальник специального факультета,

ФГКВОУ ВО «Краснодарское высшее военное орденов Жукова и Октябрьской Революции Краснознаменное училище имени генерала армии С.М. Штеменко» Министерства обороны Российской Федерации, г. Краснодар, Российская Федерация,
e-mail: pashaklim82@mail.ru
тел.: +7(928)2083498

Олег Валентинович Шпырня, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-культурного сервиса и туризма,

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма», г. Краснодар, Российская Федерация
e-mail: oleg_shpyrnya@mail.ru
тел.: +7(928)6654764

Information about the authors

Pavel V. Klimenko, PhD (Ped.), Head of the Special Faculty,

FSPMEI HE «Krasnodar General S.M. Shtemenko Higher Military Red Banner Academy holding the Orders of Zhukov and the October Revolution» of the Ministry of Defense of the Russian Federation
e-mail: pashaklim82@mail.ru
tel.: +7(928)2083498

Oleg V. Shpyrnya, PhD (Ped.), Head of the Department of Cultural Service and Tourism,

FSBEI HE «Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism», Krasnodar, the Russian Federation
e-mail: oleg_shpyrnya@mail.ru
tel.: +7(928)6654764

Поступила в редакцию 19.09.2023

Поступила после доработки 20.10.2023

Принята к публикации 20.10.2023

Received 19.09.2023

Revised 20.10.2023

Accepted 20.10.2023

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-101-112>

УДК 001.89:37.035.7

© 2023

П.П. Пивненко^{1*}, Н.П. Витенко²

Наукометрический анализ развития отечественных диссертационных исследований, содержащих в названиях категорию «патриотическое воспитание»

^{1*} *Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Ростовский государственный медицинский университет»
Минздрава России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация*

² *Центр развития и коррекции речи «Надежда»,
Батайск, Российская Федерация*

Аннотация

Актуальность статьи обусловлена возросшим интересом и потребностью специалистов различных категорий в изучении проблем патриотического воспитания в современной социокультурной ситуации. Проблема исследования заключается в проведении наукометрического анализа диссертационных исследований, содержащих в названиях категории «патриотическое воспитание». Цель исследования: на базе наукометрического анализа диссертационных отечественных исследований показать основные направления научно-исследовательской деятельности по раскрытию содержания основной категории – «патриотическое воспитание». *Задачи исследования:* показать роль наукометрического анализа как количественной оценки характеристик диссертационных исследований, динамику представления проблем патриотического воспитания в заглавиях диссертаций, сделать выводы для дальнейшего изучения этой проблемы и определить возможности направления данной работы. *Методологию исследования* составила совокупность методов научного познания: наукометрического анализа, синтеза, обобщения. *Результаты исследования.* В статье на основе наукометрического метода рассматривается исследование диссертационных тем, содержащих в своем названии категорию «патриотическое воспитание», представленных в разделе «Аннотации диссертаций» Единого электронного ресурса Российской государственной библиотеки, что позволило фиксировать заданные смысловые единицы изучаемого научно-педагогического содержания и проводить их наукометрический анализ, проектировать дальнейшие актуальные исследования. *Ключевые выводы.* Количественный анализ и содержательное наполнение представленных в статье тематических кластеров позволяет сделать вывод о том, что процесс обращения исследователей к данной проблематике не является интенсивным, упорядоченным и методологически обеспеченным, требует дальнейшего и всестороннего изучения в теоретико-методологическом и в практико-ориентированном поле.

Ключевые слова: *патриотическое воспитание, направления патриотического воспитания, наукометрический анализ, диссертационное исследование, тематика диссертационных исследований, классификация диссертационных исследований, отечественные диссертационные исследования, тематические кластеры*

Для цитирования: Пивненко П.П., Витенко Н.П. Наукометрический анализ развития отечественных диссертационных исследований, содержащих в названиях категорию «патриотическое воспитание» // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 4. – С. 101–112. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-101-112>.

P.P. Pivnenko^{1*}, N.P. Vitenko²

Scientometric analysis of domestic dissertation research, containing the category of «patriotic education» in their titles

^{1*}*Rostov State Medical University of the Ministry of Health of Russia,
Rostov-on-Don, the Russian Federation*

²*Center for Speech Development and Correction «Nadezhda»,
Bataysk, the Russian Federation*

Abstract

The relevance of the research is due to the increased interest and need of specialists of various categories in studying the problems of patriotic education in the modern sociocultural situation. The problem of the research is to conduct a scientometric analysis of dissertation research containing the category «patriotic education» in their titles. The purpose of the research is to show the main directions of research activities to reveal the content of the main category – «patriotic education». The objectives of the study are to show the role of scientometric analysis as a quantitative assessment of the characteristics of dissertation research, the dynamics of presenting problems of patriotic education in the titles of dissertations, to draw conclusions for further study of this problem and to determine the possibilities of the direction of this work. The research methodology consisted of a set of methods of scientific knowledge: scientometric analysis, synthesis, generalization.

The research results. The article, based on the scientometric method, has examined dissertation topics containing the category «patriotic education» in their titles, presented in the section «Authors' abstracts of dissertations» of the Unified Electronic Resource of the Russian State Library, which has made it possible to record given semantic units of the studied scientific and pedagogical content and carry out their scientometric analysis, design of further relevant research.

Key findings. Quantitative analysis and substantive content of the thematic clusters presented in the article allow us to conclude that the process is not intensive, orderly and methodologically supported, and requires further and comprehensive study in the theoretical, methodological and practice-oriented field.

Keywords: patriotic education, directions of patriotic education, scientometric analysis, dissertation research, topics of dissertation research, classification of dissertation research, domestic dissertation research, thematic clusters

For citation: Pivnenko P.P., Vitenko N.P. Scientometric analysis of domestic dissertation research, containing the category of «patriotic education» in their titles // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2023. Volume 15, No 4. P. 101–112. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-101-112>.

Введение. Патриотическое воспитание современной молодежи является приоритетной задачей государственной политики и на протяжении всей российской истории находится в поле зрения государства и направлено на восприятие и усвоение внутреннего «духа» российского общества и его истории с целью сохранения и развития целостности государства Российского. Особенно эта проблема актуальна в сензетивных для страны периодах – внутренних и международных кризисах. Современная политическая и социокультурная ситуация в стране характеризуется вызовами, эффективно противостоять которым могут: сплоченность российского общества; духовно-нравственные традиции и ценности; российские граждане со зрелым гражданским сознанием и активной социальной позицией.

Основная часть. Патриотическое воспитание – это многоплановая, масштабная и постоянно осуществляемая деятельность, охватывающая своим воздействием все поколения граждан России и влияющая на все стороны жизнедеятельности общества: социально-экономическую, политическую, духовную, правовую, педагогическую. Осуществляется через образование, культуру, историю, государство, этносы и национальные традиции [10–12]. Основными направлениями патриотического воспитания являются: духовно-нравственное воспитание; историко-культурное воспитание; гражданско-патриотическое воспитание; военно-патриотическое воспитание.

Тенденции развития патриотического воспитания находят отражение в ряде официальных законодательных и нормативных документов, в том числе в Конституции Российской Федерации; в Федеральных законах: от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»; от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»; от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»; от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы

советского народа в Великой Отечественной Войне 1941–1945 годов»; от 14 января 1993 г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества»; от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России»; от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»; от 14 июля 2022 г. № 261-ФЗ «О российском движении детей и молодежи»; в Указах Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О Национальных целях развития Российской Федерации до 2030 года»; от 02 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации»; в Постановлениях Правительства Российской Федерации от 24 июля 2000 г. № 551 «О военно-патриотических молодежных и детских объединениях; Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р); в Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996; в Концепции патриотического воспитания граждан Российской Федерации (одобрена на заседании Правительственной комиссии по социальным вопросам военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей (протокол № 2(12)-П4 от 21 мая 2003 г.).

Анализ современных научно-педагогических исследований (диссертаций) [1] позволил нам выделить основные направления отечественных исследований по проблемам патриотического воспитания и представить их в виде тематических смысловых кластеров, которые были выделены нами на основе формулировки темы и содержания изучаемых диссертационных исследований. При этом отметим, что систематизация представленных в таблице кластеров носит условный характер. Частоту освещения рассматри-

ваемых исследователями вопросов в хронологическом порядке можно судить по количеству вошедших в выборку научных исследований.

Смысловые тематические кластеры (рис. 1) представлены в порядке убывания частоты представленности обозначенной нами тематики, объем которой составил 218 диссертационных исследований в изучаемый нами период. Распределение диссертационных исследований по представленным тематическим кластерам выглядит следующим образом: I–55 (25,22%), II–47 (21,6%), III–38 (17,4%), IV–25 (11,5%), V–22 (10,1%), VI–16 (7,3%), VII–8 (3,7%), VIII–7 (3,2%). Что касается распределения защит диссертационных исследований изучаемой тематики по годам, то в период с 2000 по 2003 и с 2013 по 2022 гг. их было защищено по 5 диссертаций в год. Самым насыщенным по защитами диссертаций по исследуемой тематике, согласно выборке, представлен временной период с 2004 по 2012 гг., где среднее число защищенных диссертаций в год составило 17.

Рассмотрим содержание наполнения ключевых тенденций патриотического воспитания в выделенных смысловых тематических кластерах (рисунки 2–9).

Как видно из рисунков 2–9, категория «патриотическое воспитание» представлена достаточно широко в отечественном научно-исследовательском поле.

Заключение. Исходя из общего понимания патриотизма как комплексного феномена [2, 3, 10–11], опирающегося на государственные, национальные и региональные цели в области патриотического воспитания, мы исходим из принципиальной задачи совершенствования и развития патриотического воспитания детей и молодежи, активно продолжаем научно-исследовательскую деятельность в этом направлении, выделяя наиболее приоритетные из них:

– методологическое обоснование содержания, форм и методов патриотического воспитания детей и молодежи [6];

– проектирование и внедрение различных моделей патриотического воспитания детей и молодежи в современной социокультурной ситуации;

– подготовка педагогических кадров для осуществления патриотического воспитания в образовательно-воспитательном пространстве школы и социума;

– изучение и анализ рисков, связанных с вовлечением школьников и молодежи в различные деструктивные сообщества, школьными расстрелами, кибернасилием, разнузданной рекламой психоактивных веществ, формированием моды на ЛГБТ-тематику, треш и шок-контент и т. д. [7];

– разработка качественных программ и учебно-методических комплектов по гражданско-патриотическому воспитанию, вовлечению школьников и молодежи в социально значимую деятельность;

– разработка и внедрение в учебно-воспитательный процесс, во внеурочную деятельность, в систему дополнительного и неформального образования новых образовательных технологий;

– разработка теории и внедрение технологии социального проектирования гражданско-патриотической направленности в образовательно-воспитательный процесс [4];

– широкое использование важнейших ресурсов гражданско-патриотического воспитания – детско-юношеских общественных объединений [8, 9];

– выявление потенциальных возможностей образовательного процесса с целью совершенствования патриотического воспитания детей и молодежи;

– формирование патриотического сознания школьников и молодежи в процессе медиаобразования [5].

Авторы пришли к выводу, что рассматриваемая в рамках данной статьи научная проблема требует дальнейшего и всестороннего изучения в двух плоскостях – теоретико-методологическом и практико-ориентированном.

Рис. 1. Тематика ключевых направлений научно-педагогических исследований проблем патриотического воспитания (2000–2022 гг.) [1]

I. Патриотическое воспитание во внеурочной и внеклассной деятельности.

•Историко-патриотическое воспитание средствами музейной деятельности. Духовно-патриотическое воспитание старшеклассников в процессе туристско-краеведческой работы. Сельский музей как средство патриотического воспитания детей. Специализированная клубная работа в совершенствовании системы военно-патриотического воспитания старшеклассников. Педагогические условия патриотического воспитания подростков в деятельности Молодежных образовательных центров. Патриотическое воспитание допризывной молодежи в центрах, объединениях и клубах. Взаимосвязь физического и патриотического воспитания младших школьников в учреждениях дополнительного образования: на примере военно-спортивного клуба. Патриотическое воспитание учащихся старших классов средствами физической культуры и спорта. Содержание и организация спортивно-патриотического воспитания школьников в учреждениях дополнительного образования физкультурно-спортивной направленности. Туристско-краеведческая работа как средство патриотического воспитания старшеклассников. Патриотическое воспитание подростков в условиях поликультурной среды. Социально-культурный потенциал духового музыкального творчества в системе гражданско-патриотического воспитания молодежи. Патриотическое воспитание учащихся старшего школьного возраста в туристско-краеведческой деятельности: на примере городского центра детско-юношеского туризма и краеведения г. Читы. Патриотическое воспитание младших подростков как направление деятельности классного руководителя. Методика физической подготовки допризывной молодежи в пространстве физкультурно-патриотического воспитания. Патриотическое воспитание школьников в процессе приобщения к декоративно-прикладному искусству. Патриотическое воспитание учащихся средствами изобразительного искусства в современной общеобразовательной школе. Патриотическое воспитание младших школьников во внеучебной деятельности в общеобразовательных учреждениях. Методика спортивно-патриотического воспитания учащихся детско-юношеских спортивных школ. Патриотическое воспитание школьников на занятиях по тематической композиции: в системе дополнительного образования. Патриотическое воспитание сельских школьников в деятельности детской общественной организации. Организационно-педагогические основы патриотического воспитания молодежи средствами экологического туризма. Патриотическое воспитание будущего учителя начальных классов средствами музыкального искусства. Патриотическое воспитание средствами геральдики обучающихся 5-8-х классов на занятиях по изобразительному искусству. Патриотическое воспитание младших школьников средствами музейной педагогики. Патриотическое воспитание подростков в процессе физкультурно-спортивной деятельности. Функциональный подход к взаимодействию телевидения и учреждений культуры по патриотическому воспитанию молодежи. Реализация педагогического потенциала литературно-художественных праздников в гражданско-патриотическом воспитании молодежи. Социально-педагогические условия патриотического воспитания студенческой молодежи в процессе культурно-досуговой деятельности. Патриотическое воспитание учащихся общеобразовательной школы возможностями социообразовательной среды. Гражданско-патриотическое воспитание школьников в музейно-образовательной среде. Педагогические условия и принципы реализации образовательного потенциала школьных музеев: на примере патриотического воспитания учащихся. Подготовка будущих учителей к патриотическому воспитанию учащихся средствами краеведческой работы. Патриотическое воспитание суворовцев на основе военно-музыкальных традиций. Социально-культурные условия патриотического воспитания старшеклассников в детском оздоровительном лагере. Нравственно-патриотическое воспитание детей старшего дошкольного возраста в полихудожественной деятельности. Патриотическое воспитание детей младшего школьного возраста в условиях любительского театра. Взаимодействие учреждений культуры и туризма в патриотическом воспитании молодежи: компетентностный подход. Патриотическое воспитание студентов вуза в условиях информационного многообразия. Патриотическое воспитание школьников в детских самостоятельных объединениях в России начала XX века. Патриотическое воспитание курсантов в социально-культурной среде военного вуза. Воспитание патриотизма у студентов-музыкантов вузов культуры на традициях песенного фольклора. Патриотическое воспитание обучающихся средствами вокального искусства в современной общеобразовательной школе КНР.

Рис. 2. Тематический кластер «Патриотическое воспитание во внеурочной и внеклассной деятельности»

II. Федеральные, региональные, муниципальные и институциональные системы патриотического воспитания.

• Развитие образовательной системы военно-профессиональной подготовки и патриотического воспитания в Российской оборонной спортивно-технической организации. Взаимодействие методических служб разного уровня в процессе оптимизации патриотического воспитания дошкольников. Патриотическое воспитание старшеклассников в учебно-воспитательной деятельности. Патриотическое воспитание старшеклассников в процессе начальной профессиональной подготовки в кадетском корпусе спасателей. Организационно-педагогические условия патриотического воспитания учащихся в современной общеобразовательной школе. Педагогические условия патриотического воспитания старшеклассников в учебно-воспитательном процессе современной школы. Педагогические условия организации патриотического воспитания учащихся общеобразовательных учебных заведений в современных условиях. Патриотическое воспитание школьников в изменяющейся России. Содержание и организация патриотического воспитания учащихся в условиях регионализации образования. Особенности патриотического воспитания в сельских учебно-воспитательных комплексах: 1974-2004 гг. Профессионально-педагогическая подготовка студентов к работе по патриотическому воспитанию учащихся в рамках национально-регионального компонента. Национально-региональный компонент стандарта образования как фактор патриотического воспитания студентов. Становление и развитие муниципальной системы патриотического воспитания молодежи на рубеже XX - XXI веков. Повышение эффективности патриотического воспитания студентов негосударственных вузов. Организация патриотического воспитания студентов в среднем специальном учебном заведении. Развитие готовности студентов педагогического вуза к деятельности по патриотическому воспитанию учащихся общеобразовательных школ. Реализация гражданско-патриотического воспитания в деятельности сотрудников федеральной миграционной службы России. Воспитание патриотизма у старшеклассников в условиях целостного педагогического процесса в современной общеобразовательной школе. Теория и практика патриотического обучения и воспитания в отечественной школе на рубеже XIX - XX веков. Педагогические условия патриотического воспитания студентов вузов в условиях гуманизации образования. Спортивные традиции региона как средство патриотического воспитания студентов факультета физической культуры. Патриотическое воспитание школьников в условиях городской системы образования. Педагогические условия патриотического воспитания школьников в условиях современного сельского социума. Патриотическое воспитание детей дошкольного возраста с нарушениями речи. Организация военно-патриотического воспитания учащихся средних школ во внеурочной деятельности в условиях крупного города. Моделирование региональных систем патриотического воспитания школьников. Определение современных подходов и приоритетов в деятельности вузов по реализации технологии гражданско-патриотического воспитания молодежи. Педагогический анализ и оценка качества патриотического воспитания подростков в общеобразовательной школе. Патриотическое воспитание старшеклассников на примере жизни и деятельности выдающихся ученых. Патриотическое воспитание как форма социальной защиты молодежи в русле национальной безопасности. Патриотическое воспитание студентов в условиях полиэтнической среды педагогического вуза. Ценностно-целевые приоритеты патриотического воспитания студентов средних профессиональных учебных заведений Республики Таджикистан. Педагогический потенциал региональной среды как средство патриотического воспитания старшеклассников. Социально-педагогические условия патриотического воспитания обучающихся в образовательной организации малого города. Подготовка педагогов в системе среднего профессионального образования к использованию проектной технологии в патриотическом воспитании обучающихся.

Рис. 3. Тематический кластер «Федеральные, региональные, муниципальные и институциональные системы патриотического воспитания»

III. Военно-патриотическое воспитание.

• Военно-патриотическое воспитание студентов университета в условиях профессиональной подготовки на военной кафедре. Военно-патриотическое воспитание в системе подготовки будущих офицеров в высших военно-учебных заведениях: на опыте частей и подразделений при выполнении служебно-боевых задач. Содержание и методы военно-патриотического воспитания в России и Западной Европе. Военно-патриотическое воспитание старшекласников на современном этапе. Военно-патриотическое воспитание учащейся молодежи средствами культурно-досуговой работы. Военно-патриотическое воспитание курсантов (слушателей) военных учебных заведений. Военно-патриотическое воспитание в процессе подготовки молодёжи к воинской службе. Военно-патриотическое воспитание подростков в государственных учреждениях дополнительного образования. Моделирование системы патриотического воспитания курсантов высших военно-учебных заведений. Патриотическое воспитание в военном образовании Российского Зарубежья. Государственно-патриотическое воспитание военнослужащих внутренних войск МВД России. Патриотическое воспитание курсантов в процессе обучения военно-специальным дисциплинам в высшем военном учебном заведении. Педагогическая система героико-патриотического воспитания личности в условиях становления гражданского общества. Военно-патриотическое воспитание студентов университета в современных условиях. Военно-патриотическое воспитание учащейся молодежи в малом городе. Организационный и педагогический опыт военно-патриотического воспитания допризывной молодежи на рубеже XX-XXI вв. Педагогические условия военно-патриотического воспитания курсантов в военном вузе. Нравственно-патриотическое воспитание обучающихся современных высших военных учебных заведений на основе приоритетно-ориентированного подхода. Педагогические условия формирования у обучающейся молодежи позитивного отношения к военной службе. Патриотическое воспитание курсантов военного вуза на основе культурологического подхода. Культурологические технологии патриотического воспитания курсантов военных институтов войск национальной гвардии. Формирование патриотических качеств военнослужащих на основе развития критического мышления. Интеграция традиций и инноваций как ресурс патриотического воспитания курсантов военного вуза. Государственно-патриотическое воспитание сотрудников правоохранительных органов и специальных служб России на основе аксиологического подхода.

Рис. 4. Тематический кластер «Военно-патриотическое воспитание»

IV. Патриотическое воспитание как фактор формирования национального самосознания народа, его идентичности, традиций и ценностей.

• Национальные традиции как средство военно-патриотического воспитания молодёжи в условиях поликультурного региона. Патриотическое воспитание детей 6-7 лет средствами интегративных форм народного творчества: На материале Республики Дагестан. Культурно-образовательные технологии социально-культурной деятельности в системе патриотического воспитания молодежи. Педагогические условия патриотического воспитания младших школьников средствами народной музыки. Патриотическое и интернациональное воспитание старшекласников на народных традициях. Этнокультурные традиции как средство патриотического воспитания подростков. Народно-патриотическое воспитание учащихся в условиях межкультурной коммуникации. Патриотическое воспитание младших школьников на традициях народной педагогики. Технологии социально-культурной анимации как средство патриотического воспитания молодежи. Формирование патриотического сознания у старшекласников в школьной системе воспитания. Развитие патриотического самосознания студентов колледжа. Социально-культурные технологии патриотического воспитания молодежи в процессе возрождения народных обрядов. Формирование общероссийской идентичности как фактор патриотического воспитания младших школьников. Подготовка студентов к патриотическому воспитанию младших школьников средствами народной педагогики. Подготовка студентов к патриотическому воспитанию младших школьников средствами народной педагогики. Патриотическое воспитание студентов техникума средствами народной педагогики. Традиции физического развития человека в казахской народной педагогике как средство патриотического воспитания будущих учителей. Движение исторической реконструкции как среда самореализации личности в сфере досуга. Формирование патриотического сознания студентов вузов средствами медиаобразования. Формирование образа родины в процессе становления социокультурной идентичности младших школьников.

Рис. 5. Тематический кластер «Патриотическое воспитание как фактор формирования национального самосознания народа, его идентичности, традиций и ценностей»

V. Патриотическое воспитание в различных видах образовательной деятельности.

• Теория и практика патриотического воспитания: содержание, принципы, технологии. Эколого-патриотическое воспитание младших подростков в современной общеобразовательной школе. Создание и функционирование педагогической системы патриотического воспитания старшеклассников в процессе изучения литературы. Патриотическое воспитание студентов вузов: на примере изучения гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Патриотическое воспитание учащейся молодежи средствами военной литературы. Взаимосвязь военно-патриотического и физического воспитания школьников допризывного возраста. Художественное образование как фактор воспитания патриотизма в старшем юношеском возрасте. Гражданско-патриотическое воспитание старшеклассников в процессе усвоения правовых знаний. Патриотическое воспитание учащихся младшего подросткового возраста в процессе изучения биологии в школе. Патриотическое воспитание младших школьников в образовательном процессе средствами этнопедагогики. Формирование навыка здорового образа жизни у старшеклассников в пространстве физкультурно-патриотического воспитания. Социально-культурная деятельность как фактор патриотического воспитания курсантов военных вузов. Военно-патриотическое воспитание студенческой молодежи с использованием средств физической культуры, спорта и туризма при подготовке к воинской службе. Патриотическое воспитание студентов вуза на основе этнокультурного опыта. Этнокультурные образовательные технологии в гражданско-патриотическом воспитании будущих педагогов. Педагогическая технология использования средств физической подготовки в сфере военно-патриотического воспитания молодежи Крыма. Реализация интернет-проектов по патриотическому воспитанию студентов вузов средствами социосетевых технологий.

Рис. 6. Тематический кластер «Патриотическое воспитание в различных видах образовательной деятельности»

VI. Гражданско-патриотическое воспитание.

• Данное направление представлено в отечественных научно-педагогических исследованиях следующими ключевыми аспектами: модель процесса патриотического воспитания как основа формирования гражданина-защитника; интеграция гражданско-патриотического воспитания в процессе краеведческой деятельности учащихся; моделирование гражданско-патриотического воспитания детей; система гражданско-патриотического воспитания студентов по формированию активной жизненной позиции; историко-педагогическая ретроспектива гражданского и патриотического воспитания в научно-педагогической периодике России; подготовка будущих учителей к гражданско-патриотическому воспитанию учащихся; патриотическое воспитание как фактор формирования гражданской идентичности учащихся; гражданско-патриотическое воспитание школьников: в российском зарубежье, на традиционных ценностях отечественной культуры, в истории педагогической и общественной мысли России, на основе русских культурно-исторических традиций; духовная ориентация гражданско-патриотического воспитания в техническом вузе; управление процессом гражданско-патриотического воспитания студентов в учреждении среднего профессионального образования; формирование гражданственности подростков в условиях взаимодействия общественных объединений и воинских частей; социокультурное проектирование процесса гражданско-патриотического воспитания современной студенческой молодежи.

Рис. 7. Тематический кластер «Гражданско-патриотическое воспитание»

VII. Патриотическое воспитание как механизм регуляции общественных отношений и консолидации общества.

- Патриотическое воспитание учащейся молодежи в условиях диаспоры. Социально-педагогические аспекты патриотического воспитания и реализация его функций: на примере образовательных учреждений ХМАО. Информационно-просветительные технологии как средство патриотического воспитания молодежи в общественных объединениях. Развитие системы патриотического воспитания учащейся молодежи Чувашии накануне и в годы Великой Отечественной войны (1936-1945 гг.). Взаимодействие школы и семьи как основа организации патриотического воспитания младших школьников. Патриотическое воспитание студентов вузов в условиях поликультурного общества. Социально-культурные условия военно-патриотического воспитания учащейся молодежи в деятельности общественных объединений поисковой направленности. Патриотическое воспитание младших школьников в условиях двуязычия Республики Дагестан: этно-педагогический подход.

Рис. 8. Тематический кластер «Патриотическое воспитание как механизм регуляции общественных отношений и консолидации общества»

VIII. Методологические основы патриотического воспитания.

- Этот основополагающий смысловой кластер отражает методологию исследования категории «патриотическое воспитание». Исследователями рассматриваются следующие аспекты: - разработка педагогических основ подготовки будущих учителей к патриотическому воспитанию учащихся; концептуальное построение теории патриотического воспитания учащихся общеобразовательных учреждений, определение ее педагогических аспектов и перспективных направлений развития на современном этапе; разработка организационно-педагогических основ и путей повышения эффективности процесса патриотического воспитания учащейся молодежи в условиях регионального образования; научное осмысление процесса становления и развития теории и практики патриотического воспитания учащейся молодежи дореволюционной России и выявление его конкретно-исторических, региональных, этнических, конфессиональных и других особенностей с точки зрения деятельности современной школы по формированию любви к Родине; разработка теоретико-методологических, научно-педагогических и организационных основ военно-патриотического воспитания.

Рис. 9. Тематический кластер «Методологические основы патриотического воспитания»

ЛИТЕРАТУРА:

1. Библиотека диссертаций и авторефератов России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/prof-obrazovanie.html> (дата обращения: 02.08.2023).
2. Вырщиков А.Н. Динамика патриотизма в актуальном пространстве времени // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (125). – С. 8–13.
3. Вырщиков А.Н. Педагогический аспект понятия «патриотизм» как методология патриотического воспитания // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 5 (69). – С. 8–11.
4. Вырщиков А.Н. Сущность понятия «патриотическая деятельность»: теоретические основания // Проблемы современного образования. 2019. № 5. – С. 96–101.
5. Вырщиков А.Н., Кусмарцев М.Б., Патриотическое воспитание молодежи в современном российском обществе: монография. – Волгоград: Авторское перо, 2006. – 172 с.

6. Выршиков А.Н., Кусмарцев Н.Б. Стратегия научных исследований феномена патриотизма и патриотического воспитания молодежи. – Волгоград, 2007. – 140 с.
7. Концептуальная часть пятой государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2021–2024 годы» [Электронный ресурс] // Российский государственный историко-культурный центр при Правительстве РФ. URL: <http://www.rosvoencentr-rf.ru/obobshchennye-doklady/gosprogramma-pvg-rf-2021–204/kontseptualnaya-chast-programmy.php> (дата обращения: 21.08.2023).
8. Миненко Е.Ю. Актуальность гражданско-патриотического воспитания на современном этапе // Молодой ученый. 2022. № 25 (420). – С. 321–323.
9. О российском движении детей и молодежи [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 261. URL: <https://www.pnp.ru/law/2022/07/14/federalnyy-zakon-261-fz.html> (дата обращения: 21.08.2023).
10. Fedorova S., Ivanova D., Balysheva K. Digital technologies in civic and patriotic education of students // E3S Web of Conferences: 14th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, INTERAGROMASH 2021 (Rostov-on-Don, 2–26 февраля 202). Vol. 273. Rostov-on-Don: EDP Sciences, 2021. P. 12054.
11. Podgorny V.N., Chuikov O. History of the idea of Patriotic education // Policy, Economy and Innovations. 2019. No. 6(29). P. 1.
12. Ryabtsev A.V. The value of patriotic education of youth in Russia // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2022. No. 15 (17). P. 67–74.

REFERENCES:

1. Library of dissertations and abstracts of Russia [Electronic resource]. URL: <http://www.dslib.net/prof-obrazovanie.html> (access date: 02.08.2023).
2. Vyrshchikov A.N. Dynamics of patriotism in the actual space of time // News of the Volgograd State Pedagogical University. 2018. 2 (125): 8–13.
3. Vyrshchikov A.N. Pedagogical aspect of the concept of «patriotism» as a methodology of patriotic education // News of the Volgograd State Pedagogical University. 2012. 5 (69): 8–11.
4. Vyrshchikov A.N. The essence of the concept of «patriotic activity»: theoretical foundations // Problems of modern education. 2019. 5: 96–101.
5. Vyrshchikov A.N., Kusmartsev M.B., Patriotic education of youth in modern Russian society: a monograph. Volgograd: Avtorskoe pero, 2006; 172.
6. Vyrshchikov A.N., Kusmartsev N.B. Strategy for scientific research of the phenomenon of patriotism and patriotic education of youth. Volgograd, 2007; 140 .
7. Conceptual part of the fifth state program «Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2021–2024» [Electronic resource] // Russian State Historical and Cultural Center under the Government of the Russian Federation. URL: <http://www.rosvoencentr-rf.ru/obobshchennye-doklady/gosprogramma-pvg-rf-2021–204/kontseptualnaya-chast-programmy.php> (access date: 21.08.2023).
8. Minenko E.Yu. Relevance of civil-patriotic education at the present stage // Young scientist. 2022. 25 (420): 321–323.
9. On the Russian movement of children and youth [Electronic resource]: Federal Law of July 14, 2022 No. 261. URL: <https://www.pnp.ru/law/2022/07/14/federalnyy-zakon-261-fz.html> (access date: 21.08. 2023).
10. Fedorova S., Ivanova D., Balysheva K. Digital technologies in civic and patriotic education of students // E3S Web of Conferences: 14th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, INTERAGROMASH 2021 (Rostov-on-Don, February 2–26, 202). Vol. 273. Rostov-on-Don: EDP Sciences, 2021; 2054.

11. Podgorny V.N., Chuikov O. History of the idea of Patriotic education // Policy, Economy and Innovations. 2019. 6(29): 1.

12. Ryabtsev A.V. The value of patriotic education of youth in Russia // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2022. 15 (17): 67–74.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflict of interest

Информация об авторах

Петр Петрович Пивненко, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики,

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный медицинский университет Минздрава России», Ростов-на-Дону, Российская Федерация

e-mail: pivnenko_petr@rambler.ru

тел.: +7(928)1222211

Надежда Петровна Витенко, кандидат педагогических наук, директор Центра развития и коррекции речи «Надежда», г. Батайск, Российская Федерация

e-mail: n.vitenko@mail.ru

тел.: +7(928)1746054

Information about the authors

Petr P. Pivnenko, Dr Sci. (Ped.), Professor, the Department of Pedagogy,

FSBEI HE «Rostov State Medical University of the Ministry of Health of Russia», Rostov-on-Don, the Russian Federation

e-mail: pivnenko_petr@rambler.ru

tel.: +7(928)1222211

Nadezhda P. Vitenko, PhD (Ped.), Director of the Center for Speech Development and Correction «Nadezhda», Bataysk, the Russian Federation

e-mail: n.vitenko@mail.ru

tel.: +7(928)1746054

Поступила в редакцию 01.09.2023

Поступила после доработки 22.10.2023

Принята к публикации 22.10.2023

Received 01.09.2023

Revised 22.10.2023

Accepted 22.10.2023

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-113-119>

УДК 37.017.4:001

© 2023

Е.В. Путилов

Воспитание гражданственности как научная проблема

*Муниципальное бюджетное учреждение дополнительного образования
города Ростова-на-Дону «Спортивная школа № 8», Российская Федерация*

Аннотация

Для российского общества характерен процесс формирования новой системы воспитания подрастающего поколения, ядром которой является развитие активной гражданской позиции. Мировая геополитическая ситуация ставит перед системой образования целый комплекс задач, связанных с разработкой нового содержания воспитания на основе углубления гражданско-правового образования. Поэтому в последнее время в отечественной педагогике наметился определенный стратегический ориентир изучения вопросов гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения.

Проблема данного исследования заключается в обосновании особенностей воспитания гражданственности в современных научно-педагогических исследованиях. Решение этой проблемы составило цель нашего исследования.

Методологическая база исследования базируется на социально-педагогических концепциях гражданского воспитания, применении научных методов (теоретического анализа научной литературы, нормативных документов, продуктов деятельности педагогов; описания; интерпретации; обобщения).

Результаты исследования: описаны концептуальные модели гражданственности в некоторых странах; раскрыта сущность феномена «русский патриотизм»; обозначены аспекты воспитания гражданственности в современном педагогическом дискурсе.

Ключевые выводы: 1) в научной литературе наиболее раскрыты четыре модели гражданственности: американская, британская, немецкая и русская; 2) ядро концепта «гражданственность» составляет наличие у граждан той или иной страны ряда личностных качеств как личностных результатов образовательной деятельности; 3) педагогический контент гражданственности связан с обоснованием данного термина как предмета воспитательной деятельности; выделением совокупности гражданских качеств как личностных результатов образовательной деятельности; созданием воспитывающей образовательной среды; владением педагогами необходимыми компетенциями, позволяющими осуществлять им данную работу.

Ключевые слова: гражданственность, патриотизм, воспитание гражданственности, подрастающее поколение, молодежь, концептуальные модели патриотизма, декомпозиция личностных результатов, национально-региональный компонент

Для цитирования: Путилов Е.В. Воспитание гражданственности как научная проблема // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 4. – С. 113–119. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-113-119>.

E.V. Putilov**Education for citizenship as a scientific problem**

*Municipal budgetary institution of additional education
of the city of Rostov-on-Don Sports school No. 8, the Russian Federation*

Abstract

The Russian society is characterized by the process of forming a new system for educating the younger generation, the core of which is the development of an active citizenship position. The global geopolitical situation poses a whole range of tasks for the education system related to the development of new content of education based on deepening civil law education. Therefore, recently in domestic Pedagogy a certain strategic guideline has emerged for studying issues of civic-patriotic education of the younger generation.

The problem of the research is to substantiate the features of education for citizenship in modern scientific and pedagogical research. Solving this problem is the goal of our research.

The methodological basis of the research is based on socio-pedagogical concepts of civic education, the use of scientific methods (theoretical analysis of scientific literature, normative documents, products of teachers' activities; descriptions; interpretation; generalizations).

The research results: conceptual models of citizenship in some countries have been described; the essence of the phenomenon «Russian patriotism» has been revealed; aspects of citizenship education in modern pedagogical discourse have been outlined.

Key conclusions: 1) in the scientific literature, four models of citizenship have been revealed: American, British, German and Russian; 2) the core of the concept of «citizenship» is the presence among citizens of a particular country of a number of personal qualities as personal results of educational activities; 3) the pedagogical content of citizenship is associated with the justification of this term as a subject of educational activity; highlighting the totality of civic qualities as personal results of educational activities; creation of a nurturing educational environment; teachers' possession of the necessary competencies that allow them to carry out this work.

Keywords: citizenship, patriotism, citizenship education, the younger generation, youth, conceptual models of patriotism, decomposition of personal results, national-regional component

For citation: Putilov E.V. Education for citizenship as a scientific problem // *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2023. Volume 15, No 4. P. 113–119. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-113-119>.

Введение. Сегодня происходит трансформация института воспитания, обусловленное происходящими социально-политическими преобразованиями в нашей стране. Долгое время вопросам духовно-нравственного развития подрастающего поколения не уделялось должного внимания, что привело к определенным идеологическим пробелам в мировоззрении значительной части современной молодежи: были нивелированы такие важные понятия, как нравственность, духовность, гражданственность, патриотизм, Родина. Насаждаемые Западом ценности и идеалы способствовали развитию

безразличия к судьбе Родины, неуважительного отношения к государственным символам, равнодушия, эгоизма, цинизма, экстремистских настроений. В сознании граждан стала превалировать идея об отсутствии у России великой культуры, оказавшей значительное влияние на культуру мира, собственной многовековой истории, национальных героев и пр. [9]. Эти обстоятельства способствовали пересмотру государственными и общественными структурами страны состояния проблемы гражданско-патриотического воспитания в российском обществе. Данная проблема

нашла отражение в ряде нормативных документов, таких, как Национальный проект «Образование», Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025, федеральная рабочая программа воспитания основного общего образования и др. В них указано на необходимость воспитания на базе духовно-нравственных ценностей российского общества, исторических, а также национально-культурных традиций социально ответственной личности; необходимость сохранения и популяризации традиционных отечественных ценностей, таких, как достоинство, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, исторической памяти и др. Следовательно, на образовательные организации возложена функция воспитания у подрастающего поколения гражданственности в новом формате, что подтверждает актуальность данного исследования.

Основная часть. Вполне очевидно, что гражданственность как некое свойство личности, безусловно, присуще каждому человеку, оно характерно и для каждого народа, страны в виде некой консолидирующей, общенациональной идеи. В ряде исследований феномен «гражданственность» очень часто идентичен патриотизму. Остановимся кратко на некоторых концептуальных моделях патриотизма в некоторых странах.

В США феномен «патриотизм» представляет некий так называемый «американский образ жизни», «американская мечта», он очень значим для американского общества и культуры. Репрезентирующее феномен «патриотизм» ядро концепта включает «готовность защищать родину», «любовь к стране», «чувство долга», так как в публикациях они представлены наибольшим количеством примеров [4].

Английский патриотизм предполагает приверженность своим многовековым традициям и соблюдение их незыблемости (английские привычки, юмор, выражение нелюбви ко всему неродному). Ядро концепта «патриотизм»

составляет неопровержимая вера в то, что Британия – великая держава. Чувство преданности родине выражается в любви к ней, желании усовершенствовать государственные институты, повысить благосостояние страны, желанием сохранить самих себя в целостности и неприкосновенности [2].

Французский патриотизм ассоциируется с теплыми и трепетными эмоциями французов к своей стране, которую они отождествляют с территорией, происхождением, нацией и единением. Для французов страна – это функция принадлежности к той или иной территории, в данном случае к Франции. Французы часто демонстрируют гордость за свою страну: культуру, литературу, гастрономию [8].

Немецкий патриотизм базируется на социокультурных фактах и достижениях послевоенного времени и ориентирован на укрепление национальной идентичности немца без негативных коннотаций, связанных с фашистским периодом. Немцы любят свое отечество за ценности, права, открытость Германии европейскому сообществу, успешную экономическую политику, а также за мир на территории страны [3].

Русский патриотизм органично связан и вытекает из его духовного идеала, усвоенного русским народом через православную веру, через преобладание духовного над материальным. Ядро феномена «патриотизм» составляет особое отношение граждан к своему государству, безусловное служение ему, осознание каждым человеком частью русского мира, частицей одной державы, соединение собственной судьбы с ее вековыми традициями, выстраивание своего поведения в соответствии с Россией, ее будущим и настоящим [1]. Президент нашей страны Владимир Путин указал на патриотизм, любовь к семье и Родине как основополагающие черты российского общества, лежащие в основе суверенитета страны: «Я уверен, что одна из отличительных черт людей России – исполнение долга без жалости к

себе, когда обстоятельства этого требуют. Такие ценности, как самоотверженность, патриотизм, любовь к своему дому, семье и Родине остаются основополагающими и неотъемлемыми для российского общества и по сей день. Эти ценности в немалой степени являются основой суверенитета нашей страны» [5].

В рамках Национального проекта «Образование» реализуется Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» (сроки реализации 01.01.2021 – 31.12.2024 гг.), направленный на обеспечение функционирования системы патриотического воспитания граждан Российской Федерации. Проект предусматривает осуществление всесторонней деятельности по развитию воспитательной работы в образовательных организациях общего и профессионального образования, проведению мероприятий патриотической направленности (рисунок 1) [7].

В современном педагогическом дискурсе акцентируется внимание на

четырех аспектах воспитания гражданственности.

Первый аспект связан с обоснованием самой категории «гражданственность» как педагогической дефиниции и предмета воспитательной деятельности. Гражданственность понимается как: «нравственное качество личности, включающее в себя чувство любви к Родине, неразрывной связи с народом, чувство принадлежности к обществу; осознание прав и обязанностей по отношению к обществу, способствующие развитию потребности личности в социально значимой деятельности при решении общественно-политических, правовых и хозяйственно-организаторских задач» (С.В. Колотий); «целостное интегративное качество, заключающее в себе внутреннюю свободу и уважение к государственной власти, любовь к Родине и стремление к миру, чувство собственного достоинства и дисциплинированность, гармоничное проявление патриотизма и культуры межнационального общения» (Л.Н. Фенева).

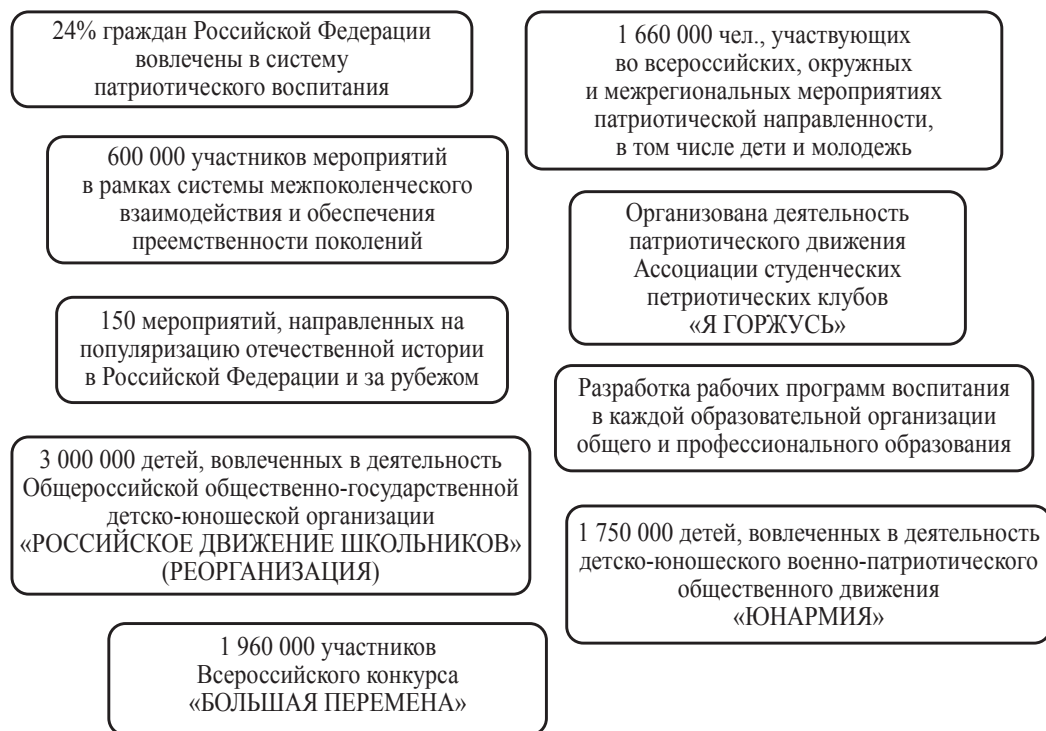

Рис. 1. Мероприятия Федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» [7]

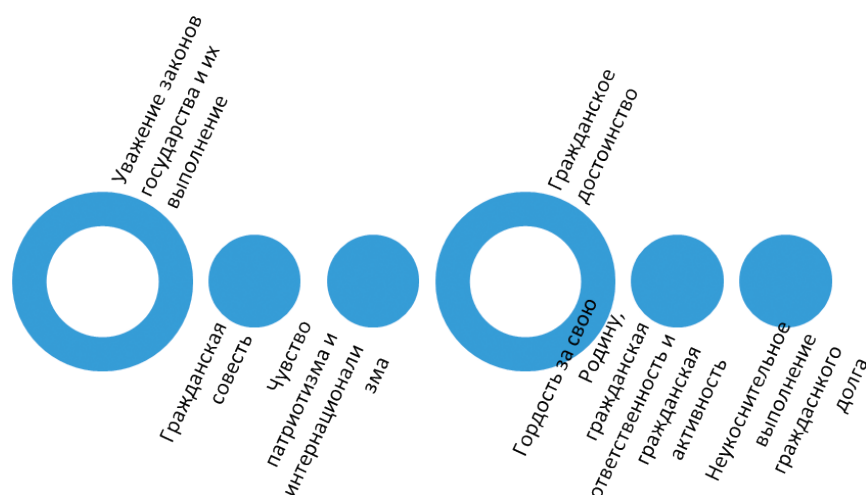

Рис. 2. Декомпозиция личностных результатов в аспекте формирования гражданственности у обучающихся (составлено по 6, 9–11)

Второй аспект связан с развитием у обучающихся ряда гражданских качеств, которые должны составлять личностные результаты образовательной деятельности (рисунок 2).

Третий аспект включает педагогическую деятельность по формированию гражданственности как основополагающего направления воспитания детей и подростков в образовательных организациях. Особое внимание уделяется: необходимости создания воспитывающей образовательной среды как важнейшего педагогического средства достижения личностных результатов, ориентированной на формирование гражданина демократического общества; выявлению и обоснованию педагогических условий формирования гражданственности в разных образовательных средах; конкретизации результатов воспитательной работы и диагностической процедуры их оценки (разработка критериев оценки, показателей сформированности гражданских качеств, подбор и разработка адекватных диагностических методик) [6]. Системообразующим принципом формирования гражданственности является принцип регионализации, основанный на учете и использовании как педагогического ресурса комплекса территориально-географических, природных,

социально-политических, экономических, культурно-исторических, хозяйственно-бытовых, религиозных и других особенностей территории (Л.Н. Фенева).

Четвертый аспект гражданского воспитания содержит ряд положений о том, что педагоги, в первую очередь, сами должны владеть необходимыми компетенциями педагогического целеполагания и выбора оптимальных педагогических средств для формирования гражданственности у воспитанников. В этой связи обосновывается ряд программ целенаправленной подготовки педагогов к работе по воспитанию у детей и подростков гражданственности, а также разработка критериев готовности педагогов к такой деятельности.

Таким образом, проанализировав изученный материал, можно заключить, что феномен «гражданственность» представлен в современных научных исследованиях достаточно полно, что говорит о его значимости для российского общества и культуры.

Заключение. Таким образом, проблема гражданского воспитания детей и подростков в настоящее время является стратегическим ресурсом общества и одной из актуальнейших в российском обществе. Выполненное исследование позволило сформулировать следующие выводы.

1. Гражданственность представляет собой интегральное качество, характеризующееся общим уровнем гражданской воспитанности личности. Ядро концепта «гражданственность» составляет наличие у граждан той или иной страны ряда личностных качеств: гражданского достоинства, чувства ответственности и долга перед Родиной, гражданской совести, развитости опыта участия в социально значимом труде как проявления гражданской активности, осознанное, уважительное и доброжелательное отношение к согражданам своей страны, освоение социальных правил поведения, норм, ролей и форм общественной жизни.

2. Педагогический контент гражданственности связан с четырьмя аспектами ее воспитания у обучающихся: 1) содержания категории «гражданственность» как педагогической дефиниции и предмета воспитательной деятельности; 2) обоснованием перечня гражданских качеств как личностных результатов образовательной деятельности; 3) целенаправленной педагогической деятельностью по формированию

у обучающихся гражданственности как основополагающего направления воспитания детей и подростков в образовательных организациях; 4) владением педагогами необходимыми компетенциями педагогического целеполагания и выбора оптимальных педагогических средств для формирования гражданственности у воспитанников.

3. Системообразующим фактором формирования гражданственности у обучающихся является национально-региональный компонент как совокупность особенностей территории: территориально-географических, природных, социально-политических, экономических, культурно-исторических, хозяйственно-бытовых, религиозных и др.

Проведенное исследование вносит определенный вклад в теорию гражданского воспитания подрастающего поколения и может представлять определенный интерес для ученых-исследователей в вопросах воспитания гражданственности, а также при подготовке педагогических кадров в вузе и в системе повышения квалификации работников образования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бахтин А.Г. Исторические основы российского патриотизма // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Педагогические науки. 2014. – С. 9–14.
2. Болдырева О.В. Трансформация понятия патриотизм в общественном самосознании британцев: к постановке вопроса // Вестник Московского университета. Серия, 19. 2012. № 1. – С. 170–177.
3. Григорьева Т.Е. Новый немецкий патриотизм и национальная идентичность // Общество: философия, история, культура. 2022. № 7. – С. 48–53.
4. Курмелев А.Ю., Сычева Е.А. Концептуальное поле феномена «американский патриотизм» в американском медийном дискурсе // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2020. № 16. – С. 152–158.
5. Путин назвал патриотизм, любовь к семье и Родине главными чертами российского общества [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8765261> (дата обращения 19.10.2023).
6. Суслов А.Б. Подходы к формированию гражданских качеств в ориентирах ФГОС и в рекомендациях Совета Европы // Вестник ПГТТУ. 2019. Вып. 2. – С. 119–127.
7. Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/> (дата обращения 04.11.2023).
8. Хохлова И.С., Павлова Л.А. Патриотизм в языковом сознании французов и русских // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6(85). – С. 682–684.

9. Fakhretdinova A.P. Citizenship education and citizenship competence formation: development trends in international and Russian educational practice // Перспективы науки и образования. 2022. Vol. 2(56). P. 62–76.
10. Rudik Z.F., Nemchenko N.F. On developing intercultural citizenship in education // Bulletin of Shokan Ualikhanov Kokshetau University. Philological Series. 2022. No. 3. P. 126–133.
11. Schugurensky D. Citizenship Education: Theory, Research and Practice // Encounters on Education. 2008. Vol. 4(56). P. 1–10.

REFERENCES:

1. Bakhtin A.G. Historical foundations of Russian patriotism // Bulletin of the Mari State University. Series: Pedagogical Sciences. 2014; 9–14.
2. Boldyreva O.V. Transformation of the concept of patriotism in the public consciousness of the British: towards posing the question // Bulletin of Moscow University. Series, 19. 2012. 1: 170–177.
3. Grigorieva T.E. New German patriotism and national identity // Society: Philosophy, History, Culture. 2022. 7: 48–53.
4. Kurmelev A.Yu., Sycheva E.A. Conceptual field of the phenomenon «American patriotism» in American media discourse // Problems of Romano-Germanic Philology, Pedagogy and methods of teaching foreign languages. 2020. 16: 152–158.
5. Putin called patriotism, love for family and the Motherland the main features of the Russian society [Electronic resource]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8765261> (access date 19.10.2023).
6. Suslov A.B. Approaches to the formation of civic qualities in the guidelines of the Federal State Educational Standard and in the recommendations of the Council of Europe // Vestnik of PG-GPU. 2019. 2: 119–127.
7. Federal project «Patriotic education of citizens of the Russian Federation» [Electronic resource]. URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/> (access date 04.11.2023).
8. Khokhlova I.S., Pavlova L.A. Patriotism in the linguistic consciousness of the French and Russians // World of science, culture, education. 2020. 6(85): 682–684.
9. Fakhretdinova A.P. Citizenship education and citizenship competence formation: development trends in international and educational Russian practice // Perspectives of science and education. 2022. 2(56): 62–76.
10. Rudik Z.F., Nemchenko N.F. On developing intercultural citizenship in education // Bulletin of Shokan Ualikhanov Kokshetau University. Philological Series. 2022. 3: 126–133.
11. Schugurensky D. Citizenship Education: Theory, Research and Practice // Encounters on Education. 2008. 4(56): 1–10.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflict of interest

Информация об авторе

Евгений Вадимович Путилов, тренер-преподаватель МБУ ДО СШ № 8, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
e-mail: putilov.evgeniy@icloud.com
тел.: +7(928)7770533

Information about the author

Evgeny V. Putilov, MBU DO SSh № 8, Rostov-on-Don, the Russian Federation
e-mail: putilov.evgeniy@icloud.com
tel.: +7(928)7770533

Поступила в редакцию 12.10.2023
 Поступила после доработки 16.11.2023
 Принята к публикации 17.11.2023
 Received 12.10.2023
 Revised 16.11.2023
 Accepted 17.11.2023

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-120-127>
УДК 37.017.4
© 2023

О.Е. Сироткин

Категория «гражданственность» как педагогическая проблема

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Донской государственный технический университет»
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация*

Аннотация

Проблема гражданственности населения на протяжении ряда веков является одной из главных проблем цивилизованных стран. В современных геополитических условиях в Российской Федерации данная проблема приобрела особый научный и педагогический статус, что поддерживается рядом законодательных и общественных инициатив. Реализации обозначенной государством стратегии на формирование у молодого поколения гражданственности будет способствовать комплекс педагогических воздействий в разных образовательных средах. Данное обстоятельство позволило сформулировать научную проблему, заключающуюся в необходимости теоретического обоснования дефиниции «гражданственность» как педагогической категории. Цель статьи: теоретически обосновать сущность категории «гражданственность» как предмета педагогического дискурса, базирующегося на идеях гуманитарного знания. Для решения этой цели использованы методы: анализ научной литературы и нормативных документов, обобщение, синтез, логическое моделирование.

Результаты исследования: выявлены научные факты, отражающие особенности подходов к обоснованию категории «гражданственность»; обоснованы компоненты гражданственности как педагогической категории; доказана высокая значимость педагогического подхода по сравнению с существующими подходами в интерпретации рассматриваемой категории.

Ключевые выводы: «гражданственность» имеет разноплановую интерпретацию в современном гуманитарном знании, в наибольшей степени экстраполированной в социологических и педагогических исследованиях; структурными компонентами гражданственности как педагогической категории являются когнитивный, эмоциональный, мотивационно-потребностный, деятельностный, а результатом ее сформированности у молодежи – гражданская зрелость; системообразующим фактором обоснования понятия гражданственности является педагогический подход, составляющий фундамент обоснования, т.к. закладывает вектор и механизмы ее формирования во всех институтах социализации личности на всех уровнях образования.

Ключевые слова: гражданственность, компоненты гражданственности, субъекты формирования гражданственности, патриотическое воспитание, молодежь, воспитание молодежи, федеральные государственные образовательные стандарты, гражданские качества, педагогический дискурс

Для цитирования: Сироткин О.Е. Категория «гражданственность» как педагогическая проблема // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 4. – С. 120–127. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-120-127>.

O.E. Sirotkin

The category of «citizenship» as a pedagogical problem

*FSBEI HE «Don State Technical University»,
Rostov-on-Don, the Russian Federation*

Abstract

The problem of citizenship of the population has been one of the main problems of civilized countries for a number of centuries. In modern geopolitical conditions in the Russian Federation this problem has acquired a special scientific and pedagogical status, which is supported by a number of legislative and public initiatives. The implementation of the strategy outlined by the state for the formation of citizenship among the younger generation will be facilitated by a complex of pedagogical influences in different educational environments. This circumstance has made it possible to formulate a scientific problem, which consists in the need for a theoretical substantiation of the definition of «citizenship» as a pedagogical category. The purpose of the research is to theoretically substantiate the essence of the category «citizenship» as a subject of pedagogical discourse based on the ideas of humanitarian knowledge. To achieve this goal, the following methods have been used: analysis of scientific literature and regulatory documents, generalization, synthesis, logical modeling.

The research results: scientific facts have been identified that reflect the features of approaches to substantiating the category of «citizenship»; the components of citizenship as a pedagogical category have been substantiated; the high significance of the pedagogical approach in comparison with existing approaches in the interpretation of the category under consideration has been proven.

Key conclusions: «citizenship» has a diverse interpretation in modern humanitarian knowledge, most extrapolated in sociological and pedagogical research; the structural components of citizenship as a pedagogical category are cognitive, emotional, motivational-need, activity-based, and the result of its formation in young people is civic maturity. The system-forming factor in substantiating the concept of citizenship is the pedagogical approach, which forms the foundation of the substantiation, because lays down the vector and mechanisms for its formation in all institutions of socialization of the individual at all levels of education.

Keywords: citizenship, components of citizenship, subjects of formation of citizenship, patriotic education, youth, youth education, federal state educational standards, civic qualities, pedagogical discourse

For citation: Sirotkin O.E. The category of «citizenship» as a pedagogical problem // *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2023. Volume 15, No 4. P. 120–127. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-120-127>.

Введение. Значимость проблемы патриотического воспитания молодежи сегодня особенно актуальна в связи с обострением мировой политической ситуации. Вопросы патриотического воспитания напрямую связаны с формированием гражданственности у молодых граждан независимо от религиозного вероисповедания, половой принадлежности, культуры, менталитета, региона.

Изучение категории «гражданственность» в современном педагогическом дискурсе представляет определенный интерес с позиций того, что именно сформированность гражданственности у молодежи – важное звено в развитии конкурентоспособности российского государства на политической арене, росте устойчивого развития государства, решении задач национальной безопасности. Следовательно, идея фор-

мирования гражданственности человека остается одной из основополагающих при создании и дальнейшем функционировании государства, она ложится в основу деятельности и любого международного сообщества, так как представителей разных стран объединяют, прежде всего, общечеловеческие и общегражданские ценности» [7, С. 188]. Данная научная проблема является и приоритетным направлением педагогической деятельности на всех уровнях образования, основополагающей целевой детерминантой процесса воспитания молодежи. Наряду с большим пластом рассмотрения в педагогическом дискурсе проблемы развития гражданственности личности, механизмов и средств ее формирования, между тем, отметим недостаточную проработку теоретических оснований данного понятия.

Основная часть. Федеральная рабочая программа воспитания основного общего образования содержит указание на необходимость сохранения и укрепления традиционных отечественных духовно-нравственных ценностей: жизни, достоинства, прав и свобод гражданина, патриотизма, гражданственности, служения Отечеству и ответственности за его судьбу, исторической памяти [8]. В действующих федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования (ФГОС ВО) содержатся прямые указания на формирование у обучающихся гражданственности в одной универсальной компетенции – УК-10 (Способен формировать нетерпимое отношение к проявлениям экстремизма, терроризма, коррупционному поведению и противодействовать им в профессиональной деятельности). Данная компетенция была расширена внесением изменений в ФГОС ВО 27 февраля 2023 года [9]. Как видно, высшие учебные заведения продолжают начатый в средней школе процесс формирования гражданственности у обучающихся, который переходит на новый качественный уровень.

По рассматриваемой проблематике следует отметить обширную научную рефлексию последних двух десятилетий в гуманитарных исследованиях. Исследуемая проблема находит обсуждение в научном сообществе, на страницах профессионального интернет-сообщества, официальных сайтах властных структур и учебных заведений. Сущностная характеристика категории «гражданственность» в наибольшей степени сопряжена с двумя областями гуманитарного знания – социологическим и педагогическим.

Подробное изучение категории «гражданственность» в социологических исследованиях позволило констатировать факт отождествления ее с категорией «политическая культура», под которой Г.А. Алмонд и С. Верба понимают интеграцию представлений, установок, оценочных суждений на трех уровнях – когнитивном, эмоциональном и оценочном [12]. Об этом свидетельствует и содержание данного понятия в ряде работ ученых (Т.В. Бугачук, О.А. Коряковцева, Г.Я. Гревцева, А.Ю. Домбровская, Ю.Н. Никифоров, А.Н. Скалина [3, 5, 6, 7]), где под гражданственностью понимались следующие проявления:

- социально-государственный патриотизм (интериоризация собственной идентичности к многонациональному социуму, проявляющееся в осознании себя гражданином страны, выполняющим ее законодательные нормы, уважающим и готовым ее защищать;
- классовая солидарность, осознанность, организационное единство в борьбе за лучшее будущее;
- личностная характеристика человека, проявляющаяся через чувство осознания себя социально, юридически, политически и нравственно дееспособным.

Ю.Н. Никифоров и А.Н. Скалина предлагают следующие компоненты гражданственности (рисунок 1).

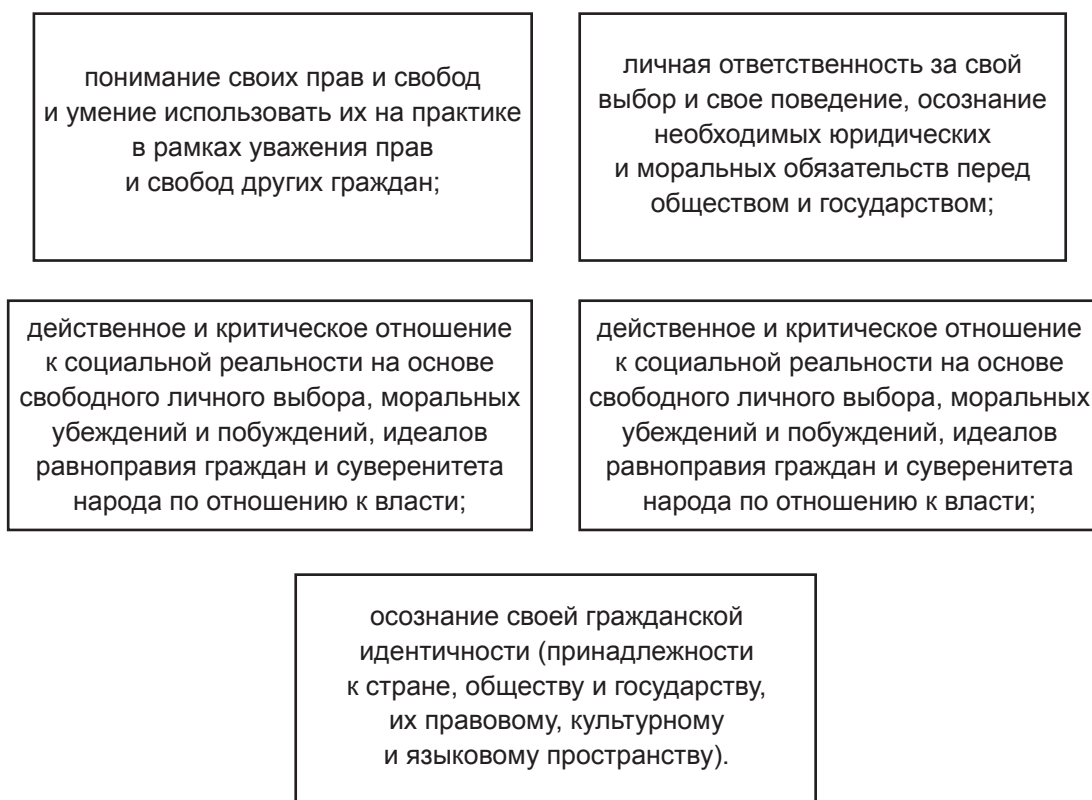

Рис. 1. Компоненты гражданственности (социологический подход) [7, с. 189]

В рамках социологического подхода особое внимание уделено субъектам формирования гражданственности у молодежи, к которым относятся [1, 5, 6]:

- *социальные институты формирования*, основная задача которых состоит в трансляции идей гражданственности и обеспечении условий ее развития: государственные структуры, образовательные учреждения, семья, педагоги, общество и т. д.;

- *личностное воплощение феномена гражданственности в жизни и деятельности людей* (например, в профессиональной деятельности, отражающей в большей степени образ гражданина (военнослужащие, государственные служащие, сотрудники силовых структур, спортсмены и т. п.), в общественной работе (волонтерская деятельность, благотворительность и т. д.);

- *личностные характеристики* (мотивы, взгляды, убеждения, установки, навыки и т. д.), определяющие модель

поведения человека в повседневной жизни и нестандартных ситуациях;

- *формы организации жизнедеятельности людей*, ориентированных на создание условий формирования у молодежи гражданственности;

- *совокупность образов, категорий*, отраженных в религии, книгах, искусстве, идеологии, рекламе, СМИ;

- *отрасли научного знания*, обобщающие, исследующие законы общественной жизни человека и самого социума в данный исторический период (право, социология, политология, педагогика и др.).

В педагогической рефлексии акцент понимания категории «гражданственность» смещен в направлении формирования и развития этого качества у субъектов образования, а поэтому гражданственность включает ряд взаимосвязанных компонентов, таких, как качества, знания, умения, позиция, ценности, действия. Наиболее полное описание гражданских

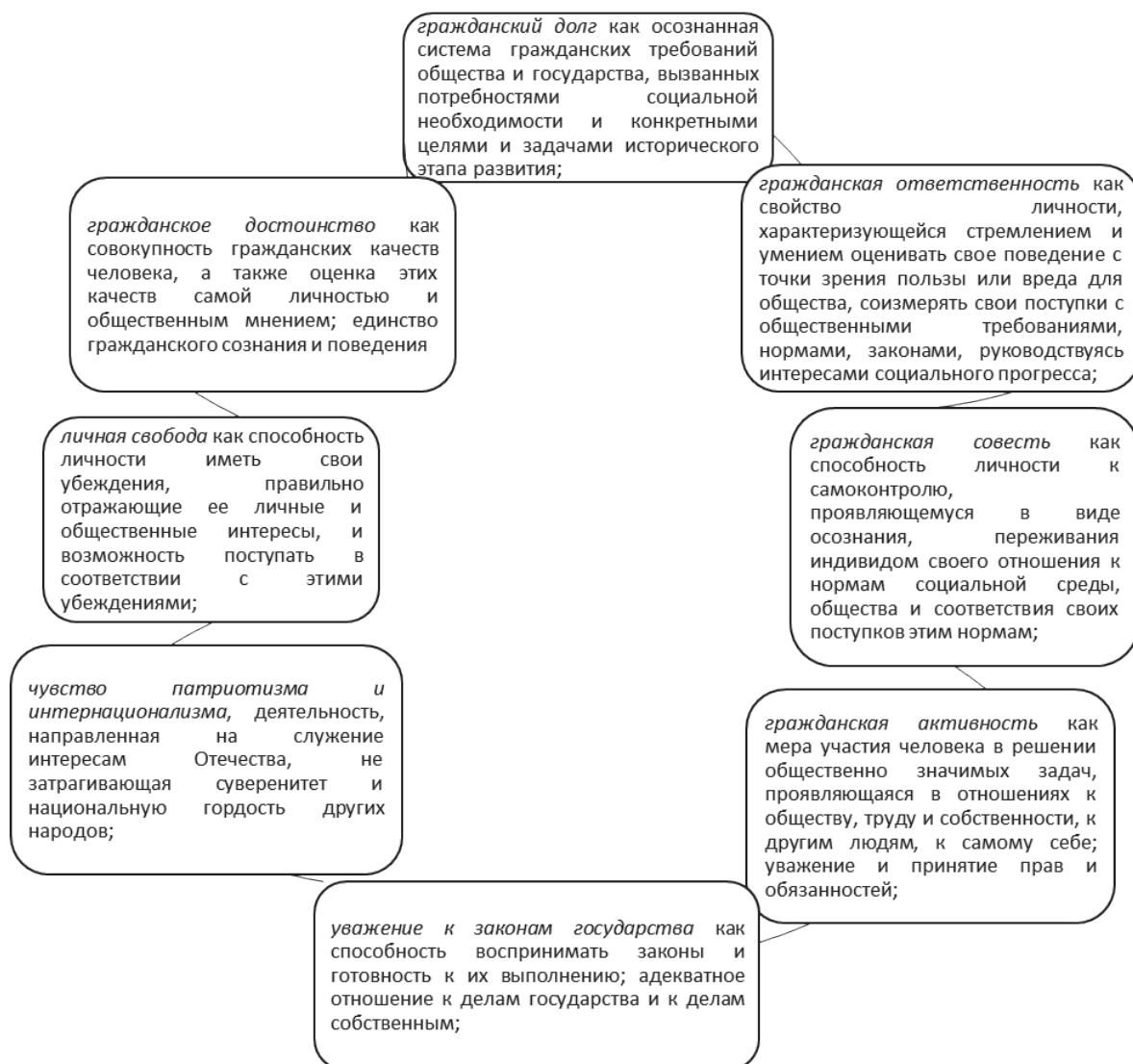

Рис. 2. Гражданские качества [7, с. 190]

качеств представлено Ю.Н. Никифоровым и А.Н. Скалиным (рисунок 2).

В современных педагогических исследованиях (С.С. Рязанов, О.Е. Сироткин, А.В. Основин, В.В. Шоган, Е.В. Сторожакова, В.В. Ковалев [2, 4; 10, 11]) содержится акцент на выделение компонентов гражданственности, которые в формализованном виде можно представить, как показано в табл. 1.

По нашему мнению, результатом сформированности гражданственности у молодежи является гражданская зрелость как некий интегрированный индикатор

социализации личности: самоидентификация, базирующаяся на интериоризации личностью своих гражданских прав и обязанностей, что проявляется в активной их реализации в конкретных делах и поступках [10]; ее содержание определяется исходя из задач обеспечения адекватной времени субъективной приемлемости [13].

Следовательно, понятие «гражданственность» имеет разноплановую интерпретацию в современном гуманитарном знании. Автор полагает, что именно педагогический подход составляет фундамент обоснования ее содержания, т. к. заклады-

**Таблица 1 – Структурные компоненты гражданственности
(педагогический подход)**

Название компонента	Феномен проявления	Показатели/индикаторы
Когнитивный	Гражданское сознание	– знание прав и обязанностей гражданина, – умение ориентировать и регулировать собственные потребности в соответствии с социальной ситуацией и возможностями образовательной среды, – владение навыками критического анализа информационного пространства на основе общегражданских ценностей.
Эмоциональный	Гражданские чувства	– проявление в высказываниях равнодушия к судьбе своего государства; – интерес к обсуждению происходящих в стране и мире событий; – апелляция в дискуссиях к гражданским ценностям и умение их отстаивать; – интерес к участию в образовательных событиях гражданской и патриотической направленности; – разумное сочетание личных и общественных интересов.
Мотивационно-потребностный	Гражданская активность	– желание выполнять общественный долг; – социальное новаторство; – ответственность; – демонстрация личного примера в социально-значимых делах и событиях, гражданских инициативах; – распространение и популяризация своих убеждений.
Деятельностный	Гражданское поведение	– проявление нетерпимости к злу и аморальности, экстремизму и терроризму, угрозе национальной безопасности страны; – субъектность в выборе решений и путей достижения цели при наличии ответственности за данный выбор; – наличие не противоречащих общественным интересам убеждений, а также стратегии действий в соответствии с ними; – активное участие в общественно-политической и общественно-полезной деятельности; – пропаганда знания гражданских норм среди товарищей.

вает вектор и механизмы ее формирования во всех институтах социализации личности на всех уровнях образования. Требования времени заставляют пересмотреть содержание данного понятия, а также критерии его оценки с учетом современной геополитической и социокультурной ситуации в мире.

Заключение. Автор рассматривает педагогический подход в числе важнейших

оснований формирования гражданственности у молодежи, выдвигая постулат о гражданской зрелости как важнейшем результате сформированности у молодежи гражданственности, а также социально значимом образовательном результате.

Выполненное исследование позволило обозначить теоретические подходы к обоснованию категории «гражданственность», особенности педагогических

взглядов к выделению структурных компонентов гражданственности. Важность придания гражданственности как объекту педагогического дискурса нового статуса

способно расширить границы образовательных возможностей для создания педагогических условий общественного и личностного развития молодых граждан.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Актуальные проблемы социологии молодежи: монография / отв. ред. Вишневский Ю.Р. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010. 679 с.
2. Ахметова А.К. Общешкольный подход к воспитанию граждан мира // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 12-2(51). – С. 120–124.
3. Бугайчук Т.В., Коряковцева О.А. Становление гражданской идентичности в условиях социально-политической реальности // Социально-политические исследования. 2019. № 1(2). – С. 5–15.
4. Шоган В.В., Сторожакова Е.В., Ковалев В.В. Глубинная технология обучения как условие воспитания гражданственности школьников // Мир университетской науки: культура, образование. 2022. № 4. – С. 17–23.
5. Гревцева Г.Я. К вопросу о гражданской культуре молодежи // IX Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: память культуры и культура памяти»: сборник материалов Международной научной конференции (Челябинск, 26 февр. 2020 г.). – Челябинск: ЧГИК, 2020. – С. 193–196.
6. Домбровская А.Ю. Технологии формирования культуры гражданской активности молодежи в деятельности общественных организаций России // Власть. 2020. Т. 28, № 6. – С. 55–61.
7. Никифоров Ю.Н., Скалина А.Н. О понятии «гражданственность» // Вестник Башкирского университета. 2007. Т. 12, № 4. – С. 188–191.
8. Об утверждении федеральной рабочей программы основного общего образования [Электронный ресурс]: Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 18.05.2023 № 370 URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307140040?index=1> (дата обращения 28.09.2023).
9. О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования [Электронный ресурс]: Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 27.02.2023 № 208. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304030029?index=1> (дата обращения 28.09.2023).
10. Рязанов С.С. Педагогическое сопровождение развития гражданской зрелости студенческой молодежи // Педагогика и просвещение. 2022. № 2. – С. 17–27.
11. Сироткин О.Е., Основин А.В. Воспитание патриотизма обучающихся в образовательной среде современной школы // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2015. № 6. – С. 80–86.
12. Almond G.A., Verba S. The Civic Culture Revisted. Boston, 1980. 421 p.
13. Koryakovtseva O.A. SPECIFICITY OF DEVELOPMENT OF IDENTITY OF YOUNG CITIZENS IN CONDITIONS OF SOCIAL TRANSFORMATIONS. Society. Integration. Education. Proceedings of the International Scientific Conference. Volume I (May 27–28. 2016). Rezekne: Rezeknes Academy of Technologies, 2016. P. 399–407.

REFERENCES:

1. Current problems of sociology of youth: a monograph / ed. by Vishnevsky Yu.R. Ekaterinburg: Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 2010. 679 p.
2. Akhmetova A.K. Whole-school approach to educating global citizens // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. 12-2(51): 120–124.

3. Bugaychuk T.V., Koryakovtseva O.A. Formation of civil identity in the conditions of socio-political reality // Socio-political studies. 2019. 1(2): 5–15.
4. Shogan V.V., Storozhakova E.V., Kovalev V.V. Deep learning technology as a condition for teaching citizenship to schoolchildren // World of university science: culture, education. 2022. 4: 17–23.
5. Grevtseva G.Ya. On the issue of civic culture of youth // IX Lazarev readings «Faces of traditional culture in the modern cultural space: memory of culture and culture of memory»: collection of materials from the International Scientific Conference (Chelyabinsk, February 26, 2020). Chelyabinsk: ChGIK, 2020; 193–196.
6. Dombrovskaya A.Yu. Technologies for the formation of a culture of civic activity in young people in the activities of public organizations in Russia // Power. 2020. 28 (6): 55–61.
7. Nikiforov Yu.N., Skalina A.N. On the concept of «citizenship» // Bulletin of the Bashkir University. 2007. 12 (4): 188–191.
8. On approval of the federal work program for basic general education [Electronic resource]: Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated May 18, 2023 No. 370 URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307140040?index=1> (date of access 28.09.2023).
9. On amendments to Federal state educational standards of higher education [Electronic resource]: Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated February 27, 2023 No. 208. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304030029?index=1> (date of access: 28/09/2023).
10. Ryazanov S.S. Pedagogical support for the development of civic maturity of student youth // Pedagogy and education. 2022. 2: 17–27.
11. Sirotkin O.E., Osnovin A.V. Fostering patriotism among students in the educational environment of a modern school // News of the Southern Federal University. Pedagogical sciences. 2015. 6: 80–86.
12. Almond G.A., Verba S. The Civic Culture Revisted. Boston, 1980; 421.
13. Koryakovtseva O.A. SPECIFICITY OF DEVELOPMENT OF IDENTITY OF YOUNG CITIZENS IN CONDITIONS OF SOCIAL TRANSFORMATIONS. Society. Integration. Education. Proceedings of the International Scientific Conference. Volume I (May 27–28, 2016). Rezekne: Rezeknes Academy of Technologies, 2016; 399–407.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflict of interest

Информация об авторе

Олег Евгеньевич Сироткин, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Образование и педагогические науки»,
ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет», Ростов-на-Дону,
Российская Федерация
e-mail: ol.sirotkin2010@yandex.ru
тел.: +7(928)1432424

Information about the author

Oleg E. Sirotkin, PhD (Ped.), Associate professor, the Department of Education and Pedagogical sciences,
FSNEI HE «Don State Technical University»,
Rostov-on-Don, the Russian Federation
e-mail: ol.sirotkin2010@yandex.ru
tel.: +7(928)1432424

Поступила в редакцию 16.09.2023
Поступила после доработки 21.10.2023
Принята к публикации 21.10.2023
Received 16.09.2023
Revised 21.10.2023
Accepted 21.10.2023

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-128-134>
УДК 377.016:539.16
© 2023

Д.Б. Сиюхова^{1*}, Т.И. Демина¹

Методика вывода закона радиоактивного распада и закона поглощения излучений с использованием свойства показательной функции при изучении физики в системе среднего профессионального образования

^{1*}Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет», г. Майкоп, Российская Федерация

Аннотация

В соответствии с образовательными стандартами ФГОС СПО предполагается ознакомить студентов профессиональных образовательных организаций со свойствами радиоактивных излучений, их практическими применениями, а также с некоторыми понятиями дозиметрии и защиты от таких излучений.

Об актуальности этой темы можно спорить весьма долго. Но в свете последних событий она очевидна.

Глубокое освоение всего этого материала невозможно без изучения закона радиоактивного распада и закона поглощения излучений.

Проблема исследования: закон радиоактивного распада и закон поглощения излучений выражаются с помощью экспоненциальной функции $N = N_0 e^{-\lambda t}$ и $i = I e^{-\mu x}$ и обычно не излагаются в курсе физики средних специальных учебных заведений. В лучшем случае вычерчивается соответствующий график, но без обоснования. Представляется, что это вызвано двумя причинами: во-первых, при записи экспоненциальной функции используется основание натуральных логарифмов – число e , неизвестное учащимся среднего звена; во-вторых, вышеупомянутые законы обычно выводятся путем решения дифференциальных уравнений, что далеко выходит за рамки программы по математике. Между тем оба эти затруднения легко преодолеть, используя известные студентам среднего профессионального образования свойства показательной функции.

Цель исследования: разработать методику вывода закона радиоактивного распада и закона поглощения излучений, используя свойства показательной функции; провести педагогический эксперимент с целью выявления проблемы усвоения студентами СПО предлагаемого материала.

Методы исследования: теоретическое обоснование; расчет; сопоставление величин; графический анализ экспериментальных данных; обобщение экспериментальных факторов исследования и их объяснение.

Результаты исследования: разработана методика вывода закона радиоактивного распада и закона поглощения излучений с использованием свойства показательной функции; результат педагогического эксперимента подтвердил эффективность разработанной методики.

Ключевые выводы: из предложенной статьи можно заключить, что представленный метод вывода закона радиоактивного распада и закона поглощения излучений с использованием свойства показательной функции может быть применен преподавателями при изучении раздела «Радиоактивные излучения» как для студентов профессиональных образовательных организаций, так и учащихся школ (курс повышенного уровня).

Ключевые слова: поглощение излучений, радиоактивный распад, ядро, атом, фотон, энергия, период полураспада, поток, функция, радиоактивное вещество, ядерные силы, параллельные пучки, экспонента

Для цитирования: Сиюхова Д.Б., Демина Т.И. Методика вывода закона радиоактивного распада и закона поглощения излучений с использованием свойства показательной функции при изучении физики в системе среднего профессионального образования // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 4. – С. 128–134. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-128-134>.

D.B. Siyukhova^{1*}, T.I. Demina¹

Methods for deriving the law of radioactive decay and the law of radiation absorption using the property of the exponent function when studying Physics in the system of secondary vocational education

^{1*}*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Maikop State Technological University», Maikop, the Russian Federation*

Abstract

In accordance with the educational standards of the Federal State Educational Standard for Secondary Professional Education, it is intended to familiarize students of professional educational organizations with the properties of radioactive radiation, their practical applications, as well as with some concepts of dosimetry and protection from such radiation.

The relevance of this research can be debated for a very long time. But in light of recent events it is obvious.

A thorough mastery of all this material is impossible without studying the law of radioactive decay and the law of absorption of radiation.

The research problem: the law of radioactive decay and the law of absorption of radiation are expressed using the exponential function $N=N_0 e^{(-\lambda t)}$ and $i=I_0 e^{(-\mu x)}$ and are usually not presented in the course of Physics in secondary specialized educational institutions. At best, an appropriate schedule is drawn, but without justification. It seems that this is caused by two reasons: firstly, when writing the exponent function, the base of natural logarithms is used – the number e , which is unknown to intermediate students; secondly, the above laws are usually derived by solving differential equations, which is far beyond the scope of the mathematics curriculum. Meanwhile, both of these difficulties can be easily overcome by using the properties of the exponential function known to students of secondary vocational education.

The purpose of the research is to develop a methodology for deriving the law of radioactive decay and the law of radiation absorption, using the properties of the exponential function; to conduct a pedagogical experiment in order to identify the problem of students' mastery of the proposed material.

The research methods used are theoretical justification; calculation; comparison of quantities; graphical analysis of experimental data; generalization of the experimental factors of the study and their explanation.

The research results: a methodology has been developed for deriving the law of radioactive decay and the law of radiation absorption using the property of the exponential function; the result of the pedagogical experiment confirmed the effectiveness of the developed methodology.

Key conclusions: from the proposed article we can conclude that the presented method for deriving the law of radioactive decay and the law of absorption of radiation using the property of the exponent function can be used by teachers when studying the section «Radioactive Radiation» for both students of professional educational organizations and school students (advanced level).

Keywords: absorption of radiation, radioactive decay, nucleus, atom, photon, energy, half-life, flux, function, radioactive substance, nuclear forces, parallel beams, exponential

For citation: Siyukhova D.B., Demina T.I. Methods for deriving the law of radioactive decay and the law of radiation absorption using the property of the exponent function when studying Physics in the system of secondary vocational education // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2023. Volume 15, No 4. P. 128–134. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-128-134>.

Введение. Раздел «Физика атомного ядра» – один из самых трудных в учебной физике. Объективная сложность и необычность изучаемых явлений приводит к значительным затруднениям в усвоении материала. Специфика учебного материала раздела «Физика атомного ядра» заключается в том, что в нем изучаются достаточно сложные объекты – атом и атомное ядро, элементарные частицы. С трудностями сталкиваются и учителя – сложные явления нужно знать и понимать достаточно глубоко, чтобы доступно объяснять их своим ученикам.

Так, по мнению З.Г. Мастропаса и Ю.Г. Синдеева, современные достижения науки и техники, огромные темпы прироста новой информации определяют пересмотр содержания предметов, изучаемых в средних специальных учебных заведениях. Расширение круга вопросов современной физики ставит в затруднительное положение скорее преподавателя, чем учащихся. Возможность обсуждения новейших достижений науки в рамках учебного предмета требует от преподавателя самостоятельного расширения кругозора и использования нетрадиционных технологий обучения.

Основная часть. Закон распада радиоактивного вещества выражается формулой $\frac{N}{N_0} f(t) = 2^{-\frac{t}{T}}$, иллюстрируем ее вывод следующим суждением.

Пусть имеется некоторая масса радиоактивного вещества, содержащая очень большое число ядер. Предположим, что в некоторый момент, принятый нами за начало отсчета времени, она содержит N_0 ядер, а по истечении промежутка времени t_1 останутся нераспавшимися N_1 ядер, следовательно

$$N_1 = N_0 f(t_1), \quad (1)$$

Пусть пройдет еще время t_2 , тогда число нераспавшихся ядер

$$N_2 = N_1 f(t_2) = N_0 f(t_1) f(t_2). \quad (2)$$

С другой стороны, число ядер, не подвергнувшихся распаду в течение времени $t = t_1 + t_2$, можно рассчитать так (рис. 1):

$$N_2 = N_0 f(t_1 + t_2). \quad (3)$$

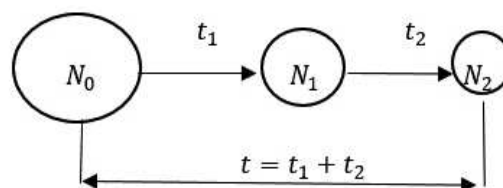

Рис. 1.

Сравнивая выражения (2) и (3), имеем:

$$f(t_1) f(t_2) = f(t_1 + t_2) \quad (4)$$

Показываем, что функция удовлетворяющая этому уравнению есть показательная функция

$$f(t) = a^{kt}, \quad (5)$$

где a – любое положительное число, не равное единице, что соответствует условию (4).

$$a^{kt_1} a^{kt_2} = a^{k(t_1+t_2)},$$

поскольку масса радиоактивного вещества со временем убывает, то показателем степени (при $a > 1$) должно быть отрицательное число [3].

Положив $a = 2$ и $k = -\frac{1}{T}$, получим

$$f(t) = 2^{-\frac{t}{T}}.$$

Тогда закон радиоактивного распада примет вид:

$$N = N_0 2^{-\frac{t}{T}}. \quad (6)$$

Выясним смысл величины T . Для этого учтем, что T имеет размерность времени, ибо показателем степени должно быть безразмерное выражение (число). Если $t = T$, то

$$N = N_0 \cdot 2^{-1} = \frac{N_0}{2}.$$

Итак, T – это период полураспада, т. е. время, в течение которого распадается половина радиоактивного вещества. График закона радиоактивного распада изображен на рисунке 2.

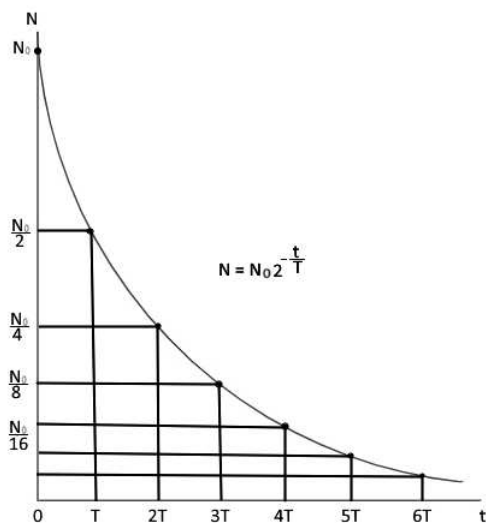

Рис. 2.

Выведенный таким образом закон радиоактивного распада прекрасно подтверждается на опыте. Однако это верно лишь до тех пор, пока мы имеем дело со значительными массами радиоактивного вещества, содержащими огромное множество ядер. В случае малого числа ядер полученный закон распада, очевидно, будет справедлив лишь приближенно [4].

На рисунке 3 изображены результаты наблюдений за распадом изотопа трансуранового элемента фермия ${}_{100}\text{Fm}^{256}$. Было получено 47 ядер, которые распались в течение 19 часов. Каждый акт распада регистрировался счетчиком. Как видно из рисунка, уже начиная с 10 ядер, вместо экспоненциальной кривой получается ступенчатый график. Однако его ход близок к ходу экспоненты [5]. При значительном же числе ядер экспериментальная кривая фактически сливается с экспонентой.

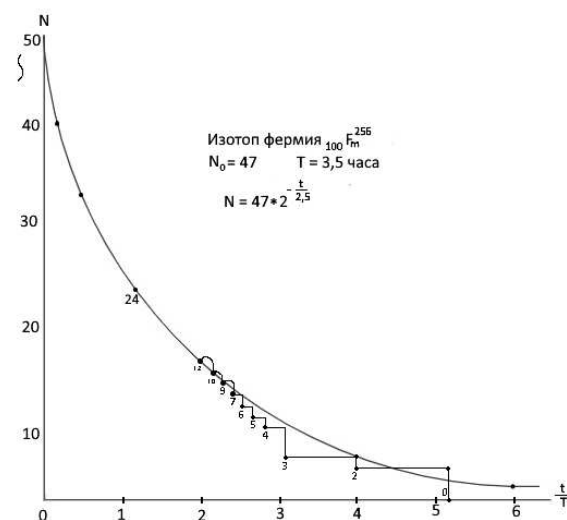

Рис. 3.

Иллюстрируя закон радиоактивного распада, мы принимали, что отношение числа нераспавшихся ядер к их первоначальному числу зависит только от времени, но не зависит от числа ядер [6]:

$$\frac{N}{N_0} f(t) = 2^{-\frac{t}{T}}$$

Это означает, что ядра радиоактивных атомов распадаются самопроизвольно, не

влияя друг на друга. Причина заключается в отсутствии взаимодействия между ядрами, поскольку радиус действия ядерных сил ($\approx 10^{-15}$ м) примерно в сто тысяч раз меньше расстояния между ними ($\approx 10^{-10}$ м).

Активность радиоактивного препарата измеряется числом распадов, совершающихся в нем за единицу времени:

$$Q = \frac{\Delta N}{\Delta t},$$

где Δt – промежуток времени, ΔN – число ядер, распадающихся за это время. Единицей активности в системе СИ служит 1 распад/с, внесистемная единица – 1 кюри = $3,7 \cdot 10^{10}$ распад/с,

Известно, что число распадающихся ядер пропорционально их общему числу и обратно пропорционально периоду полураспада. Действительно, чем больше период полураспада, тем медленнее распадается данное радиоактивное вещество, следовательно, тем меньше его активность [4]. Поэтому можно записать

$$Q = k \frac{N}{T} = 0,693 \frac{N}{T}, \quad (7)$$

где k – коэффициент пропорциональности. Его численное значение ($k = 0,693$) можно сообщить обучающимся без доказательства. К примеру, 1 г радия Ra^{226} с периодом полураспада $T = 1620$ лет = $5,11 \cdot 10^{10}$ с обладает активностью – 1 кюри. Действительно,

$$Q = \frac{0,693 \cdot 6,02 \cdot 10^{23}}{226 \cdot 5,11 \cdot 10^{10}} \approx 3,61 \cdot 10^{10} \left(\frac{\text{распад}}{\text{с}} \right) \approx 1 (\text{кюри})$$

Следует обратить внимание студентов на тот факт, что активность любого препарата со временем убывает. Для этого подставим в формулу (7) значение N из закона распада (6), получим

$$Q = \frac{0,693 N_0}{T} \cdot 2^{-\frac{t}{T}} = Q_0 2^{-\frac{t}{T}} \quad (8)$$

Формула закона поглощения для потока ионизирующих излучений (например, бета-частиц или гамма-фотонов) может быть получена совершенно аналогично

закону распада. Пусть N_0 – число фотонов (или каких-либо частиц), падающих на пластину толщиной x_1 (рис. 4). Так как некоторое число фотонов поглотится, то оставшаяся часть выразится так:

$$N_1 = N_0 f(x_1) \quad (9)$$

Если поставить рядом пластинку из того же вещества толщиной x^2 , то

$$N_2 = N_1 f(x_2) = N_0 f(x_1) f(x_2) \quad (10)$$

С другой стороны,

$$N_2 = N_0 f(x_1 + x_2), \quad (11)$$

откуда, учитывая свойства показательной функции, получаем

$$f(x) = 2^{-\frac{x}{L}}$$

и

$$N = N_0 2^{-\frac{x}{L}}, \quad (12)$$

где L – толщина слоя половинного поглощения.

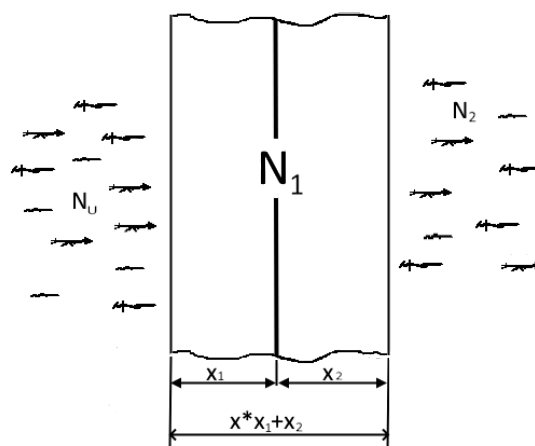

Рис. 4.

При рассуждении мы учитывали только толщину поглощающего слоя, но не учитывали расстояния от слоя до источника, т. е. фактически вели расчет для параллельного пучка (плоской волны). Мы не принимали во внимание также тот факт, что заряженные частицы (альфа- или бета- частицы) имеют конечную, часто весьма малую длину свободного пробега.

Действительно, причина поглощения заключается в том, что заряженные частицы, двигаясь в веществе, ионизируют встречные атомы, на что расходуется их кинетическая энергия. Когда скорость частиц станет очень малой, они нейтрализуются, что приводит к ослаблению пучка [7]. При нейтрализации всех частиц пучок поглотится полностью, причем слоем конечной толщины. Наконец, мы не учли сложного механизма поглощения гамма-фотонов. Поэтому закон поглощения (12) пригоден лишь для узких параллельных пучков излучений, проходящих через не очень толстые слои поглощающего вещества. Опыт показывает, что чем больше плотность вещества ρ , тем меньшую толщину имеет слой половинного поглощения, т. е.

$$L = \frac{R_0}{\rho}, \quad (13)$$

где R_0 – коэффициент пропорциональности. Тогда закон поглощения примет вид:

$$N = N_0 \cdot 2^{-\frac{\rho x}{R_0}}. \quad (14)$$

Для данного типа излучений R_0 имеет примерно одно и то же значение для всех веществ. Следовательно, степень ослабления пучка излучений N_0/N зависит только от толщины слоя поглотителя и его плотности [8]. На основе этой зависимости сконструирован ряд приборов: толщиномеров, плотномеров, дефектоскопов, уровнемеров и т. п. Эта же зависимость позволяет объяснить, почему для защиты

от излучений используются либо свинец, обладающий большой плотностью, либо толстые плиты бетона.

Исследуемым параметром в педагогическом эксперименте, проведенном в мае 2023 года является уровень усвоения предложенного учебного материала. В результате анализ блока общей информации о респондентах показал, что из участвовавших в нем 67 студентов СПО: 54% обучающихся полностью справились с заданием; 28% справились с заданием частично; 18% участников эксперимента не смогли дать верного ответа на предложенные вопросы.

Заключение. Результат педагогического эксперимента подтвердил эффективность разработанной методики. Изложенный метод может быть использован преподавателями физики СПО при выводе закона радиоактивного распада и закона поглощения излучения. Использование материалов данной разработки поможет преподавателю более глубоко и содержательно провести лекцию, а иллюстрация законов и анализ графиков позволяет студентам СПО получить более полную картину происходящих процессов при изучении раздела «Физика атома и атомного ядра. Радиоактивные излучения». Таким образом, современный уровень системы образования требует от преподавателя постоянного совершенствования не только собственного уровня знаний, но и модернизации методики преподавания, внедрения новых форм и методов в учебный процесс.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абрамов А.А., Афанасов М.И., Солдатов Е.А. Введение в радиоактивность. – М.: МГУ, 2006. – 39 с.
2. Матропас З.П., Синдеев Ю.Г. Физика: Методика и практика преподавания. – Ростов н/Д: Феникс 2002. – С. 53–54.
3. Савельев И.В. Курс физики: учебное пособие Т. 3. Квантовая оптика. Физика твердого тела. Физика твердого тела. Физика атомного ядра и элементарных частиц. – СПб.: Лань, 2007. – С. 220–221.
4. Гааз А. Введение в теоретическую физику. Т. 2. Атомная теория. Статистическая физика. Теория относительности / пер. с нем. – М.: Ленанд, 2015. – 343 с.
5. Дельцов В.П., Дельцов В.В. Физика: Дойти до самой сути! Настольная книга для углубленного изучения физики в средней школе: Атомная и ядерная физика. – М.: Ленанд, 2017. – С. 132–133.

6. Атомная и ядерная физика: общий физический практикум / Ажеганов А.С. [и др.]. – М.: ПермГНИУ. Пермь, 2020. – 93 с.
7. Кудрявцев П.С. Открытие радиоактивных превращений. Идея атомной энергии. – М.: Просвещение, 1982. – 388 с.
8. Браун А.Г., Левитина И.Г. Атомная и ядерная физика. Элементы квантовой механики. Практикум: учебное пособие. – М.: Инфа-М, 2019. – 301 с.

REFERENCES:

1. Abramov A.A., Afanasov M.I., Soldatov E.A. Introduction to radioactivity. M.: MSU, 2006; 39.
2. Mastropas Z.P., Sindeev Yu.G. Physics: methodology and teaching practice. Rostov n/d: Phoenix 2002; 53–54.
3. Savelyev I.V. Physics course: a textbook. V. 3. Quantum optics. Solid state physics. Solid state physics. Physics of the atomic nucleus and elementary particles. St. Petersburg: Lan, 2007; 220–221.
4. Haaz A. Introduction to theoretical physics. V. 2. Atomic theory. Statistical physics. Theory of relativity / trans. from German. M.: Lenand, 2015; 343 p.
5. Deltsov V.P., Deltsov V.V. Physics: Get to the core! Handbook for in-depth study of physics in high school: Atomic and nuclear Physics. M.: Lenand, 2017; 132–133.
6. Atomic and nuclear Physics: general physical workshop / Azheganov A.S. [et al.]. M.: Perm State National Research University. Perm, 2020; 93 p.
7. Kudryavtsev P.S. Discovery of radioactive transformations. The idea of atomic energy. M.: Education, 1982; 388 p.
8. Brown A.G. Levitina I.G. Atomic and nuclear Physics. Elements quantum mechanics. Workshop: a textbook. M.: Infa-M, 2019; 301 p.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflict of interest

Информация об авторах

Дареджан Бикентьевна Суюхова, старший преподаватель кафедры математики, физики и системного анализа,

ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет», г. Майкоп, Российская Федерация
e-mail: laliruslan@yandex.ru
тел.: +7(928)4684140

Татьяна Ивановна Демина, кандидат физико-математических наук, доцент, заведующая кафедрой математики, физики и системного анализа, ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет», г. Майкоп, Российская Федерация
e-mail: de_ta@rambler.ru
тел.: +7(918)4231845

Information about the authors

Daredzhan B. Siyukhova, Senior lecturer, Department of Mathematics, Physics and System Analysis,

FSBEI HE «Maikop State Technological University», Maikop, the Russian Federation
e-mail: laliruslan@yandex.ru
tel.: +7(928)4684140

Tatyana I. Demina, PhD (Physics and Mathematics), Head of the Department of Mathematics, Physics and System Analysis, Associate Professor, FSBEI HE «Maikop State Technological University», Maikop, Russian Federation
e-mail: de_ta@rambler.ru
tel.: +7(918)4231845

Поступила в редакцию 15.10.2023

Поступила после доработки 25.10.2023

Принята к публикации 25.10.2023

Received 15.10.2023

Revised 25.10.2023

Accepted 25.10.2023

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

SOCIOLOGICAL SCIENCES

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-135-142>
УДК [329.78:316.354.4](470)
© 2023

А.М. Кушхова^{1*}, А.А. Кубова¹

Становление волонтерских движений в России: проблемы развития и динамика

^{1}Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Майкопский государственный технологический университет»,
г. Майкоп, Российская Федерация*

Аннотация

Актуальность исследования определяется тем, что роль общественных движений в современном мире усиливается в связи с ухудшением социально-экономической и политической ситуаций. На сегодняшний день мировой экономический кризис отрицательно влияет на состояние наиболее уязвимых слоев населения. Мировое сообщество видит в волонтерских организациях потенциал для оказания помощи, там, где она насущно необходима: от здравоохранения до ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Проблема исследования заключается в том, что для России постсоветского периода волонтерство оказалось новым явлением, требующим правовую и общественную поддержку. В исследовании данной темы были применены методы социокультурного анализа на основе использования научной литературы и нормативно-правовых источников, статистических данных о работе волонтерских организаций в России, как на федеральном, так и на региональном уровнях. Ключевым выводом является положение о необходимости общественного признания и финансового стимулирования некоммерческих общественных организаций, участвующих в добровольчестве. Государство должно отрегулировать нормативно-правовую основу деятельности НКО, разработать и принять единый свод правовых норм для применения на федеральном и региональных уровнях власти. При этом нельзя отрицать, что волонтерские движения уже играют одну из ключевых ролей в формировании патриотизма, социально-ориентированного сознания и воспитании подрастающего поколения.

Ключевые слова: волонтерство, волонтерские движения, некоммерческие организации, личность, молодежь, патриотизм, нормативно-правовая основа, общественное признание

Для цитирования: Кушхова А.М., Кубова А.А. Становление волонтерских движений в России: проблемы развития и динамика // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 4. – С. 135–142. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-135-142>.

A.M. Kushkhova^{1*}, A.A. Kubova¹

The formation of volunteer movements in Russia: development problems and dynamics

^{1*}FSBEI HE «Maikop State Technological University»,
Maikop, the Russian Federation

Abstract

The research is determined by the fact that the role of social movements in the modern world is increasing due to the deterioration of the socio-economic and political situations. Today, the global economic crisis has a negative impact on the condition of the most vulnerable segments of the population. The global community sees the potential in volunteer organizations to provide assistance where it is urgently needed: from healthcare to emergency response. The problem of the research is that volunteering turned out to be a new phenomenon that requires legal and public support for Russia in the post-Soviet period. In the research the methods of sociocultural analysis were used based on scientific literature and regulatory sources, statistical data on the work of volunteer organizations in Russia, both at federal and regional levels. The key conclusion is the need for public recognition and financial incentives for non-profit public organizations involved in volunteering. The state must regulate the legal framework for the activities of NPOs, develop and adopt a unified set of legal norms for application at the federal and regional levels of government. At the same time, it cannot be denied that volunteer movements are already playing one of the cool roles in the formation of patriotism, socially oriented consciousness and the education of the younger generation.

Keywords: volunteering, volunteer movements, non-profit organizations, personality, youth, patriotism, legal framework, public recognition

For citation: Kushkhova A.M., Kubova A.A. The formation of volunteer movements in Russia: development problems and dynamics // *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2023. Volume 15, No 4. P. 135–142. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-135-142>.

Введение. В современном мире на сегодняшний день проведение любого мероприятия на всех уровнях, имеющего массовый характер, не представляется без активного участия волонтерских организаций. Однако деятельность волонтеров этим не ограничивается. Социально-экономическая ситуация стран в мире переживает кризис. Любая кризисная ситуация принуждает общество искать приемлемые, менее затратные способы для решения социальных и экономических проблем. Для людей в любой стране, оказавшихся в тяжелом положении в результате чрезвычайных ситуаций – стихийных бедствий, военных конфликтов и столкновений – деятельность волонтерских движений является жизненно необходимой. Во-

лонтеры – это люди, которые оказывают любую необходимую помощь в силу своих возможностей безвозмездно. Сфера деятельности волонтерских организаций обширна: помощь волонтеров может оказываться не только отдельным представителям социума, но и конкретным населенным пунктам, регионам, государствам и, в целом, международным сообществам. Все выше изложенное обуславливает **актуальность** темы исследования.

Интерес к волонтерским движениям за последние пять лет в России возрос, проблема развития волонтерства во всех сферах социальной жизни государства приобретает особое значение. При этом в российской социологической науке проблема развития волонтерского движения

как социальной ценности, как средства воспитания современной молодежи является не новой [1]. Исследователь Н.А. Агеева замечает, что волонтерство – это направленность души на безвозмездную помощь ближнему и творчески-созидательную деятельность во благо Человека, Природы и Общества [2]. В своей монографии Г.П. Бодрянков пришел к выводу, что в России еще предстоит предпринять значительные целенаправленные усилия, чтобы научно и практически обогатить теорию российского добровольчества, ввести ее в практику повседневной жизни людей как важнейший элемент государственной социальной политики, включая разработку и создание правовой, научной и практической базы [3]. Л.Г. Винарская говорит о необходимости возрождения традиций волонтерства в России, утраченных в советский период [4]. Существуют работы, раскрывающие теоретические вопросы волонтерства как социального института с позиций институционального подхода [5]. Особое внимание ученых уделяется вопросу исследования условий и факторов, влияющих на духовно-нравственное становление личности волонтера. Эксперт в области волонтерского движения Л.Е. Сикорская отмечает, что необходимо акцентировать внимание на социально-психологическом климате добровольческих объединений, социально-психологических условиях их вовлечения в деятельность организаций, влияние участия в волонтерской деятельности на профессиональное самоопределение и развитие [6].

Цель настоящего исследования – выявить роль государства и общественных организаций в поддержке развития и повышения общественно-значимого статуса волонтерских организаций и волонтерского движения в целом. Для решения поставленной проблемы мы кратко рассмотрим историю и морально-этические основы волонтерского движения в России, выявим основных субъектов волонтерской деятельности. Также определим отношение

государства к волонтерской деятельности и рассмотрим состояние волонтерского движения в Республике Адыгея. В ходе исследования постараемся выявить уязвимые места в организации волонтерской деятельности.

В исследовании данной темы были применены методы социокультурного анализа на основе использования научной литературы и нормативно-правовых источников, статистических данных о работе волонтерских организаций в России как на федеральном, так и на региональном уровнях. Также был использован метод анализа документов, представляющих информацию, размещенную на официальных сайтах.

Основная часть. Для развития российских волонтерских организаций в первую очередь необходима помощь государства и расширение их компетенций по всем направлениям деятельности. Согласно Распоряжению Правительства РФ от 27 декабря 2018 г. № 2950-р «Об утверждении Концепции развития добровольчества (волонтерства) в РФ до 2025 г.» органы исполнительной власти на всех уровнях будут оказывать содействие в развитии добровольчества. В данной концепции выделяются приоритетные направления, а именно: содействие в привлечении людей в добровольческие объединения, поддержка и создание условий для работы волонтерских организаций, а также разработка единой информационной системы с региональными координационными органами по поддержке добровольчества. Для поддержки волонтерских организаций планируется выделять субсидии, обеспечивать материально-техническую оснащенность, предоставлять налоговые льготы и оказывать помощь по привлечению средств массовой информации к освещению деятельности волонтеров.

Некоммерческие организации волонтеров появились относительно недавно в современной России. Первой добровольческой организацией в постсоветской России

был благотворительный фонд «Московский дом милосердия», созданный в начале 1990-х годов. В основном деятельность таких фондов изначально формировалась в городах-миллионниках, но за последние пять лет ситуация изменилась. Одной из крупнейших волонтерских организаций в России является Ассоциация волонтерских центров. Ассоциация создавалась по инициативе президента В.В. Путина, целью которой является не потерять, а развивать и приумножить организованную волонтерскую программу Олимпийских игр в Сочи в 2014 году. Участники данной организации принимали участие и в Чемпионате мира по футболу, и в Кубке Конфедераций, и т. д. Для привлечения молодежи и граждан любых возрастов к активному участию в волонтерской деятельности Ассоциация волонтерских центров, при участии Федерального агентства по делам молодежи и ФГБУ «Роспатриотцентр», реализует программу мобильности волонтеров Российской Федерации на 2019–2024 гг. Сущность проводимой программы мобильности заключается в проведении комплекса мероприятий для выявления самых лучших и активных волонтеров для участия в наиболее крупных мероприятиях на федеральном уровне, а также для организации зарубежных обучающих стажировок с целью обмена и передачи опыта коллег.

С каждым годом роль волонтеров в общественной и государственной жизни возрастает. Она является неотъемлемой частью патриотического воспитания подрастающего поколения, школьников и студентов, и является основным инструментом для организации помощи в общественных работах по месту жительства. Вступление в волонтерские организации стало значимой частью общественной жизни молодежи, для которой приоритетным принципом является – приносить пользу обществу, людям, нуждающимся в помощи. Государственными органами исполнительной власти также подчеркивается значимость гражданской позиции

волонтеров, – членов и лидеров общественных некоммерческих организаций приглашают для участия в заседаниях федеральных и региональных органов власти. Такое сотрудничество позволяет выявить главные направления для эффективной деятельности в сфере добровольчества.

Рассматривая вопрос о субъектах волонтерских движений, следует акцентировать внимание на том, что волонтеры – это основной ресурс для становления некоммерческих организаций в социальной сфере деятельности. В развитии основ социального государства волонтеры занимают ключевую позицию, так как граждане, которые вовлечены в общественную жизнь и заинтересованы приносить пользу, являются источником для эффективного выполнения задач и решения проблем, возникающих перед обществом. Участие молодежи – это главный источник для роста социальной активности подрастающего поколения и населения в целом. Молодежь должна чувствовать свою социальную значимость, она должна участвовать в реализации прав граждан на свободное развитие личности, получать знания, быть вовлеченной в общественную жизнь региона, муниципалитета и т. д. Именно активная социально-общественная позиция молодежи формирует общую культуру населения, закладываются основы воспитания, в котором потребность приносить пользу обществу рассматривается как неотъемлемая часть общественной жизни. Эффективно организованная волонтерская деятельность на всех уровнях образования – от средних общеобразовательных школ до высших учебных заведений – дает основу для активного развития социально-общественной жизни молодежи. В результате молодые люди самореализуются, чувствуют себя социально значимыми, приобретают навыки для жизни, формируются как личность.

На сегодняшний день при активно возрастающей роли волонтерских и общест-

венных движений в российском обществе, они не имеют под собой нормативно-правовой базы, которая бы способствовала защите прав волонтеров, определяла условия для привлечения граждан в добровольческие организации. Недостаточное внимание государства к волонтерскому движению выражается в следующем:

Во-первых, отсутствует правовое регулирование взаимоотношения между субъектами и объектами добровольческой деятельности, нет соответствующих поощрительных механизмов для успешного развития и увеличения численности волонтеров.

Во-вторых, нет поддержки со стороны государства, отсутствуют социальные программы поддержки молодежи, благодаря которым молодое поколение ощутило бы себя необходимой частью общества. Нет положений, которые бы содействовали формированию положительного имиджа волонтерских организаций, отсутствуют стимулирующие выплаты волонтерам. Отсутствуют государственные программы для обучения волонтеров, из-за этого и снижается эффективность деятельности организаций. Зачастую неопытные люди, имеющие желание принести пользу, приходят на место происшествия, где требуется помощь волонтеров, при этом действуют интуитивно, непрофессионально.

В-третьих, долгое время не уделялось достаточного внимания патриотическому воспитанию подрастающего поколения, в результате чего поменялась система нравственных ценностей в обществе. На сегодняшний день ситуация поменялась коренным образом. В образовательных учреждениях проводятся и внедряются в образовательную программу государственные проекты по восстановлению нравственных ценностей для формирования личности как части общества, профилактики иждивенческого поведения личности. Каждый гражданин своей страны должен принимать активное участие в общественно-политической жизни и должен быть

заинтересован в становлении социального государства.

Все эти факторы отрицательно влияют на привлечение молодежи и граждан для участия в добровольческих организациях. Следует признать, что в современной России опыт поддержки развития волонтерского движения среди молодежи еще крайне недостаточен, отсутствуют традиции и эффективные технологии организации волонтерского движения среди молодежи. Актуальным остаются проблемы обучения основам социального проектирования, взаимодействия и командообразования, развития лидерских качеств активистов молодежного движения, овладения технологиями мотивирования участия в добровольческих акциях [7].

Проанализировав публикации, касающиеся тематики добровольческих организаций в России, мы пришли к выводу, что у молодежи в основном не сформирована мотивация, в результате чего отсутствует их активная вовлеченность в волонтерскую деятельность. Если люди старшего поколения вступают в добровольческие организации только для того, чтобы принести пользу обществу, то молодежь идет в ряды волонтеров с целью расширения круга общения, реализации себя в той или иной сфере, зарекомендовать себя будущим работодателям и пр. Но когда в реальности нет поощрений, выполняемая работа воспринимается работодателями как должное, то у молодых людей пропадает желание к дальнейшей добровольческой деятельности.

Рассматривая проблемы развития волонтерства в России на примере Республики Адыгея, можно понять, что проблемы, стоящие перед региональными и федеральными властями, идентичны. Так, в регионе в 2018 году проводилась дискуссионная площадка «Волонтер – центр притяжения», в которой приняли участие руководители общественных организаций, представители региональной власти и волонтеры. В результате проведенной

работы были выявлены основные проблемы развития волонтерства в регионе, а именно отсутствие финансовой помощи и обучения волонтеров на базе региона. По итогам встречи, волонтеры внесли предложение в комитет Государственного Совета-Хасэ РА по образованию, науке, делам молодежи, спорту, СМИ – оказать содействие в принятии программы по развитию волонтерского движения Республики Адыгея [8].

В России постепенно накапливается опыт волонтерского движения. Авторский коллектив (Белокопытова Н.В. и др.) обратили внимание на проблему вовлечения волонтерских организаций в сферы охраны здоровья [9]. В нашем регионе существует положительный опыт волонтерской деятельности в этой области. Огромный вклад в развитие добровольчества вносят волонтеры-медики на базе ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет». Студенты активно участвовали в мероприятиях, проводимых региональными органами власти в периоды пандемии и постпандемии COVID-19, на регулярной основе принимают участие во всероссийской акции «Добро в село», оказывая помощь сельским медикам. Также активно работает недавно созданный Ресурсный центр добровольчества «Волонтеры Адыгеи», который входит в состав организации «Ассоциация волонтерских центров». В ходе своей деятельности участники стараются привлечь внимание Правительства региона к существующим проблемам республики, требующим участия волонтеров для их решения.

Заключение. В результате проведенного исследования можно подвести итог: в республике и в стране проблемы развития волонтерских движений идентичны, но, несмотря на все эти существующие проблемы, перспектива для развития в регионе добровольческих организаций видится благоприятной. Правительство

республики заинтересовано в решении социальных проблем и активно привлекает волонтеров к общественно-политической жизни в регионе.

Волонтерские организации динамичны, они по своей структуре подвижны и не будут развиваться спонтанно в связи со спецификой своей деятельности. Государственные власти их используют в основном в идеологическом ключе, забывая о том, что это в итоге приведет к тому, что добровольческие организации менее активно начнут участвовать в жизни общества. Исходя из этого необходимо общественное признание и финансовое стимулирование некоммерческих общественных организаций, участвующих в волонтерстве. Государство должно отрегулировать нормативно-правовую основу деятельности НКО, разработать и принять единый свод правовых норм для федеральных и региональных органов власти. Волонтерство в каждой сфере своей деятельности первостепенным ставит цель принести пользу обществу, это и есть их главная мотивация, однако при этом нельзя забывать о необходимости государственной и общественной поддержке.

В российской социологической науке рассмотрение волонтерства как отрасли социологического знания является актуальной в связи с ростом данного массового движения. Исследование мотивации участников волонтерских добровольческих организаций даст возможность изучить и улучшить деятельность волонтеров с одной стороны, с другой – улучшить взаимодействие с органами властных структур. В ходе исследования были систематизированы ключевые моменты развития волонтерского движения. Рассматриваемые в статье вопросы являются лишь частью предметной области исследования волонтерского движения, однако благодаря проведенному исследованию можно увидеть тенденции развития и становления волонтерства в России и регионах.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Нерсисян Е.С., Ворожко Ю.В. Волонтерское движение: история, тенденции и проблемы развития // Проблемы совершенствования физической культуры, спорта и олимпизма. 2018. № 1. – С. 203–208.
2. Агеева Н.А. Профессиональное волонтерство как эффективное средство социализации студенчества // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 2 (42). – С. 162–170.
3. Бодренкова Г.П. Системное развитие добровольчества в России: от теории к практике: учебно-методическое пособие. – М.: Российская школа эффективного добровольчества, 2013. – 320 с.
4. Винарская Л.Г. Современное состояние волонтерства и добровольчества // Universum: общественные науки. 2023. № 1 (92). – С. 12–14.
5. Талибова Ф.Т. Становление волонтерства (добровольчества) как социального института // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. 2021. № 21. – С. 137–144.
6. Сикорская Л.Е. Педагогический потенциал добровольческой деятельности в социализации студенческой молодежи: автореф. дис. ... д-ра педагог. наук. – Елец, 2011. – 42 с.
7. Лихачева М.И. Проблемы и тенденции развития современных волонтерских движений в России [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе: материалы конференций. URL: <https://elis.psu.ru/node/484524> (дата обращения 10.10.2023).
8. Государственный Совет-Хасэ Республики Адыгея. Волонтер – центр притяжения [Электронный ресурс]. URL: https://www.gshra.ru/volonter--tsentr-prityazheniya_26-03-2018.html (дата обращения 10.10.2023).
9. Феномен медицинского волонтерства в Российской Федерации / Белокопытова Н.В. [и др.] // Профилактическая медицина. 2018. Т. 21, № 6. – С. 23–25.

REFERENCES:

1. Nersisyan E.S., Vorozhko Yu.V. Volunteer movement: history, trends and development problems // Problems of improving physical culture, sports and Olympism. 2018. 1: 203–208.
2. Ageeva N.A. Professional volunteering as an effective means of socialization of students // Humanitarian Research. 2015. 2 (42): 162–170.
3. Bodrenkova G.P. Systematic development of volunteerism in Russia: from theory to practice: educational and methodological manual. M.: Russian School of Effective Volunteering, 2013; 320.
4. Vinarskaya L.G. Current state of volunteering and volunteerism // Universum: social sciences. 2023. 1 (92): 12–14.
5. Talibova F.T. The formation of volunteerism as a social institution // Scientific works of the Center for Advanced Economic Research. 2021. 21: 137–144.
6. Sikorskaya L.E. Pedagogical potential of volunteer activity in the socialization of student youth: abstract. dis. ... Dr Sci. (Ped.). Yelets, 2011; 42.
7. Likhacheva M.I. Problems and trends in the development of modern volunteer movements in Russia [Electronic resource] // Current problems of the development of human potential in modern society: conference materials. URL: <https://elis.psu.ru/node/484524> (access date 10.10.2023).
8. State Council-Khase of the Republic of Adygea. Volunteer is the center of attraction [Electronic resource]. URL: https://www.gshra.ru/volonter--tsentr-prityazheniya_26-03-2018.html (access date 10.10.2023).
9. The phenomenon of medical volunteering in the Russian Federation / Belokopytova N.V. [et al.] // Preventive medicine. 2018. 21 (6): 23–25.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflict of interest

Информация об авторах

*Аксана Муратовна Кушхова, начальник
отдела аспирантуры и докторантуры, кан-
дидат социологических наук,*

*ФГБОУ ВО «Майкопский государственный
технологический университет», г. Май-
коп, Российская Федерация*

e-mail: axana-2012@yandex.ru

тел.: +7(918)4207353

*Анжела Аскеровна Кубова, старший
научный сотрудник управления научной дея-
тельностью, ФГБОУ ВО «Майкопский госу-
дарственный технологический университет»,
г. Майкоп, Российская Федерация*

e-mail: kubova_aa@mail.ru

тел.: +7(909)4700640

Поступила в редакцию 09.10.2023

Поступила после доработки 22.10.2023

Принята к публикации 22.10.2023

Received 09.10.2023

Revised 22.10.2023

Accepted 22.10.2023

Information about the authors

*Axana M. Kushkhova, PhD (Sociology),
Head of the Department of Postgraduate and
Doctoral Studies,*

*FSBEI HE «Maikop State Technological
University», Maikop, the Russian Federation*

e-mail: axana-2012@yandex.ru

tel.: +7(918)4207353

*Angela Askerovna Kubova, Senior re-
searcher, Department of management of scientific
activities, FSBEI HE «Maikop State Technologi-
cal University», Maikop, the Russian Federation*

e-mail: kubova_aa@mail.ru

tel.: +7(909)4700640

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-143-152>

УДК 316.4

© 2023

М.С. Лащёнов

Социальное партнерство в правоохранительной сфере: теоретико-методологические аспекты исследования

*Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования «Академия управления МВД России»,
г. Москва, Российская Федерация*

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена поиском причин неудовлетворительной практики построения социального партнерства в правоохранительной сфере. Основной проблемой сложившегося положения дел, по мнению автора, является наличие аксиологического барьера в сознании предполагаемых субъектов взаимодействия: органов внутренних дел и общественных организаций правоохранительной направленности. Длительность преодоления аксиологического барьера, как и отсутствие поступательного динамизма в выстраивании действенной системы, отягощены непониманием природы феномена социального партнерства. Данное обстоятельство способствовало доминированию преимущественно нормативной основы для мобилизации движения «общественников» и предопределяло административно-командные методы стимулирования общественной активности «сверху». Это породило симуляционные и сверхцентрализованные практики, исключающие ценностную содержательность коммуникативного процесса, инициативность, заинтересованность, самостоятельность, персональную ответственность и иные обязательные атрибуты партнерской формы взаимодействия.

Целью исследования выступает необходимость определения сущностных характеристик социального партнерства, систематизация и учет которых позволит предложить концептуальную основу его формирования в правоохранительной сфере. Методом исследования является абстрактное моделирование ситуации, при которой развитие партнерских отношений анализируется посредством системно-деятельностного подхода, позволяющего исследовать как системные свойства социального партнерства, так и специфику деятельностного содержания анализируемой модели, генерирующую успешные совместные действия субъектов в процессе построения социального партнерства.

Результаты и ключевые выводы проведенного исследования позволили описать сущностные особенности партнерской формы взаимодействия, представить авторское определение социального партнерства в правоохранительной сфере и предложить основные направления его активизации в целях построения действительно партнерских практик.

Ключевые слова: социальное партнерство, взаимодействие полиции, общество, социальное управление, правоохранительная сфера

Для цитирования: Лащёнов М.С. Социальное партнерство в правоохранительной сфере: теоретико-методологические аспекты исследования // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 4. – С. 143–152. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-143-152>.

M.S. Laschenov

Social partnership in law enforcement: theoretical and methodological aspects of the research

*FSPEI HE «Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia»,
Moscow, the Russian Federation*

Annotation. The relevance of the research topic is determined by the search for the reasons for the unsatisfactory practice of building social partnerships in the law enforcement sphere. The main problem of the current state of affairs, according to the author, is the presence of an axiological barrier in the minds of the intended subjects of interaction: internal affairs bodies and public law enforcement organizations. The length of time it takes to overcome the axiological barrier, as well as the lack of progressive dynamism in building an effective system, are burdened by a lack of understanding of the nature of the phenomenon of social partnership. This circumstance contributed to the dominance of a predominantly normative basis for mobilizing the movement of «social activists» and predetermined the administrative-command methods of stimulating public activity «from above.» This has given rise to simulation and over-centralized practices that exclude the value content of the communication process, initiative, interest, independence, personal responsibility and other mandatory attributes of a partner form of interaction.

The purpose of the research is to determine the essential characteristics of social partnership, systematization and accounting of which will allow us to propose a conceptual basis for its formation in the law enforcement sphere. The research method is abstract situation modeling where the development of partnerships is analyzed through a system-activity approach. It makes possible to study both the systemic properties of social partnership and the specifics of the activity content of the analyzed model, which generates successful joint actions of subjects in the process of building a social partnership.

The results and key conclusions of the research have made it possible to describe the essential features of the partnership form of interaction, present the author's definition of social partnership in the law enforcement sphere and propose the main directions for its activation in order to build truly partnership practices.

Keywords: social partnership, interaction between police and society, social management, law enforcement

For citation: *Laschenov M.S. Social partnership in law enforcement: theoretical and methodological aspects of the research // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2023. Volume 15, No 4. P. 143–152. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-143-152>.*

Введение. Актуальность построения партнерства между полицией и обществом не теряет своей актуальности уже на протяжении длительного времени. Проблематика социального партнерства в правоохранительной сфере устойчиво вошла в круг основных интересов ведомственного научного сообщества, явилась предметом заметно возросшего числа научных

публикаций, прикладных исследований, круглых столов и конференций. Тема «Социальное партнерство в механизме государственного управления» преподается в Академии управления МВД России в рамках дисциплины «Теория и механизмы современного государственного управления». Междисциплинарное внимание к тематике создает хороший научный задел

для качественного обмена информацией между социологами, психологами, политологами, юристами и экономистами.

Однако в целом оптимистичные ожидания научного сообщества пока слабо реализуются в правоохранительной сфере. Причины такого состояния, как показывает анализ существующей практики, кроется в отсутствии действенных механизмов рациональной регуляции взаимоотношений, основу формирования которых проектируют с позиции развития партнерских отношений взаимодействующих субъектов. Но и это вторично, поскольку первичной причиной, по нашему мнению, выступает непонимание самой природы происхождения партнерских отношений, непонимание их теоретической основы. В ряде случаев состояние партнерства субъектов в правоохранительной сфере пытаются представить (неумышленно смешивая) с позиции благотворительности, волонтерства, добровольчества, кооперации, сотрудничества, коллаборации и т. п., тем самым неосознанно порождая несколько иные формы взаимоотношений, более отвечающие признакам псевдопартнерства и квазипартнерства, и дискредитируя тем самым саму идею истинного социального партнерства, придавая ей ничтожность для целей правоохранительной практики.

Как итог, все чаще в ходе научных дискуссий утверждается точка зрения, что никакого социального партнерства в правоохранительной сфере нет. Есть только партнерство, обусловленное экономическими и юридическими факторами. Вступая в отношения обмена, участник взаимоотношений ожидает материальные вознаграждения, юридическое поощрение либо психологический эффект своих действий. Никакого социального удовлетворения (общественного признания и т. п.) субъекты от своего соучастия (вовлеченности) не испытывают, а если и испытывают, то только в процессе самостоятельной реализации правоохранительных функций, то есть в процессе, предшествующем

оформлению партнерства со специализированным субъектом правоохраны. Иными словами, рост общественной активности в правоохранительной сфере действительно присутствует и это подтверждено множеством исследований, но как только ставится вопрос об организации совместных усилий, практическая реализация постепенно свертывается, инициативность неспециализированных субъектов слабеет и в конечном итоге сводится на нет. Отсюда, предложенная гипотеза для исследования звучит следующим образом: органы внутренних дел (далее – ОВД) в лице специализированных субъектов правоохраны не обладают должными компетенциями выстраивания истинных партнерских практик. Ведомственный процесс конструирования отношений партнерства не отвечает исходным теоретическим положениям воспроизводимого феномена, и, соответственно, не вызывает идентичных внутренних чувств у иных сторон взаимодействия. Полиция не получает эмоционального отклика соучастников на совместно конструируемую практику, не обретает морального единства и моральной силы с участниками отношений, не приобретает взаимной зависимости, почтения, комфорта, заинтересованности и солидарности.

Целью настоящей статьи выступает необходимость выделения сущностных особенностей партнерства как одной из форм взаимодействия. Задачей автора выступает желание показать, чем именно партнерство отличается от иных форм взаимодействия и возможности использования его теоретической конструкции в социальной реальности при выстраивании механизмов партнерского взаимодействия полиции и общества.

Представляется, что нахождение ответа на интересующий нас вопрос может лежать в различной плоскости и рассматриваться как с позиции теоретико-методологического конструирования партнерских отношений через анализ категории «соци-

альное действие», «социальное взаимодействие», «социальный порядок» [1, 2], так и с позиции анализа абстрактных моделей организации партнерских взаимодействий, что предполагает включение системно-деятельностного подхода.

Основная часть. В статье мы намерены использовать разработанные в рамках деятельностного подхода методологические приемы анализа социальных систем. Свою аргументацию выбора деятельностного подхода отметим высказыванием В.В. Фетискина: «Все, что существует в обществе, – это либо проявления, либо последствия человеческой активности» [3, с. 27], но с небольшим уточнением в том плане, что такие отношения не могут быть сведены лишь к анализу самой деятельности, ибо, как отмечает В.Н. Сагатовский: «сущность человека выражается в деятельности, но не сводится к ней» [4, с. 76]. Таким образом, мы выражаем солидарность с позицией классиков деятельностного подхода и подчеркиваем необходимость вычленения элементов человеческой деятельности, имеющих принципиальное значение для нашего исследователя. Среди них – ценностные установки и ориентации, мотивы деятельности, ожидания, притязания, интересы и т. д. Они, наряду с самой деятельностью, выступают необходимыми элементами анализа социальной реальности, в том числе при описании партнерских практик.

Так что объединяет все партнерские практики? В чем исключительная суть партнерских отношений? Сценарий развития партнерской формы взаимодействия мы предлагаем рассмотреть на основе самостоятельно сконструированной модели, поместив двух людей в одну лодку. Проектируемая ситуация построения взаимоотношений между двумя людьми при нахождении «в одной лодке, дрейфующей в открытом море», помогает наглядно продемонстрировать возможности для описания различных форм взаимодействия, как

говорится, в спектре отношений «от любви до ненависти».

Не составит особого труда описать сущностные отличия партнерства и любви, партнерства и дружбы, партнерства и конкуренции, способные возникнуть между путниками в процессе длительного совместного путешествия. Понятно, что некоторые отношения предполагаются среди разнополых субъектов, но для целей нашего исследования, акцентирующего внимание на развитии субъектно-субъектных отношений, такое уточнение не столь принципиально. Сложнее, или скажем, актуальнее и нужнее вычленить факультативные (не основные) признаки партнерства в условиях иерархичности отношений (подчиненности, подконтрольности, поднадзорности и т. д.), возникающих в силу субъектно-объектных отношений, то есть когда один из соучастников находится в отношениях власть-подчинение, подконтролен либо выступает элементом иерархической системы.

Представив все возможные формы взаимодействия в их динамическом развитии, попытаемся выделить те черты взаимоотношений, которые характеризуют исключительно партнерские цели, ценностные установки, ожидания и мотивы взаимодействия. Итак, оказавшись в одной лодке, оба человека могут сдружиться и принимать совместные решения, обеспечивающие им дальнейшее существование: совместно искать пропитание (ловить рыбу), определиться со сторонами света, взаимно заполнять информационное пространство посредством общения, грести в одном направлении и т. д. Такие отношения могут перерасти в более искренние чувства и породить дружеские или даже любовные отношения. Либо наоборот, они могут рассориться и находиться в состоянии конфликта, продуцировать противоборствующие отношения, оказывая противодействие друг другу, высказывая угрозы или перейти к прямому рукоприкладству, вступив в состояние войны, которая в на-

шем исследовании воспринимается ничем иным, как одной из форм взаимодействия, как, собственно, и все вышеперечисленные: любовь, дружба, конкуренция, конфликт, вражда и т. п.

Так вот, партнерство, или партнерская форма взаимодействия теоретически может получить свое развитие при любом сценарном развитии, то есть и в отношениях дружбы, и в отношениях противостояния, и даже войны либо конфликта. Иными словами, будучи друзьями, обе стороны могут принять совместное решение о необходимости приложения совместных физических усилий к тому, чтобы любыми способами совместно добраться до берега. Аналогичное совместное решение могут принять и находящиеся в ссоре или конфликте стороны, поскольку общезначимая для них проблема предполагает разрешение только в результате совместных, например, физических усилий. Даже находясь в состоянии исключительного противостояния, любые разумные существа понимают, что противодействие друг другу лишь отдаляет возможность спасения, обоюдное противодействие расходует их силы и ресурсы, и даже лишение одного из них жизни автоматически лишает второго возможности воспользоваться всеми возможностями (физическими, когнитивными, новаторскими и т. д.) убиенной стороны. Именно поэтому широкое распространение получила точка зрения о партнерстве как форме рационального и цивилизованного существования общества, выступающего залогом бесконфликтного общения и разрешения разногласий.

Таким образом, мы приходим к выводу, что любые предшествующие состояния взаимодействующих субъектов не препятствуют образованию партнерских отношений. Отличие будет состоять лишь в степени (качестве) таких взаимоотношений и сроках их выстраивания. В состоянии дружбы к необходимости задействования совместных ресурсов субъекты, бесспорно, придут быстрее, чем в отношениях

конфликта или ссоры, пока собственно не осознают необходимость совместного участия и объединения имеющихся ресурсов. Такое соучастия становится возможным на основе достижения консенсуса, солидарности, доверия и т. д., но это уже отдельный аспект исследования.

Отсюда следует, что обязательным условием образования партнерских практик, а соответственно, и сущностным отличием партнерских отношений, будет выступать наличие общей для субъектов цели – достижение ожидаемого (прогнозируемого) состояния объективной реальности, исключающей наличие общезначимой проблемы как исходного положения этих взаимодействующих субъектов. Партнерство – это, по сути, совместная деятельность, направленная на решение проблемы посредством личной заинтересованности (мотивации) каждого из находящихся в лодке к совместному использованию ресурсов, находящихся в их ведении (либо в ведении противоположной стороны). Иными словами, достижение цели – «спастись и доплыть до берега» – выступает значимым фактором объединения усилий (находящихся в их ведении ресурсов). И подобные партнерские отношения могут существовать вплоть до фактической реализации намеченного плана. Как только цель будет достигнута, прежние основания для поддержания партнерства исчезнут, но наличие положительной практики может выступать весомым аргументом для организации в дальнейшем совместных действий, направленных на решение иных общезначимых проблем.

Партнерские практики могут быть прерваны по инициативе сторон (одной стороны) и при не достижении общей цели, если у участников (одного из участников) будет отсутствовать мотив к совместной деятельности. Например, когда один из находящихся в лодке «поставил на себе крест» и решил упокоиться с миром, потерял надежду на спасение, «смирился с ситуацией» либо «доверился судьбе»,

уповая на божью милость. Отсюда следует вывод, что стимулирование партнерства возможно, но через активизацию усилий другой стороны, актуализацию применения совместных мер по достижению общезначимой цели. При этом не следует смешивать партнерство и непосредственные контакты для его актуализации, партнерство и осведомленность о партнере. Это все предшествующие партнерству действия. Здесь стоит снова уделить внимание такому обязательному критерию, как обоюдно осознаваемому наличию совместной цели для выстраивания партнерских практик, поскольку при ее отсутствии, действия второй стороны будут содержать признаки скорее добровольчества (волонтерства), а не партнерства! При добровольчестве субъект вступает во взаимоотношения и оказывает содействие посредством участия личными ресурсами исключительно из благих намерений, основу которых может наполнять альтруизм, бескорыстие, благородство, гуманизм, милосердие и т. д., но не достижение цели посредством совместного решения общезначимой проблемы. Отсутствие взаимной зависимости, ответственности, приоритет самостоятельности подрывают процесс взаимодействия, и говорить в этом случае о партнерстве нет никаких оснований. Это добровольчество, волонтерство, оказание услуги, но не партнерство. Но в это же время – это хорошие исходные основания для выстраивания партнерских практик. Точнее, это исходные условия для установления «взаимной привлекательности» будущих партнеров, их идентификации на предмет проблемно-ориентированного общения, мотивации, наличие ценностных установок и ожиданий от возможного взаимодействия.

Немаловажным аспектом выстраивания партнерских практик выступает анализ такого признака, как равноправие субъектов взаимодействия. Представляется, что равноправие не выступает сущностной особенностью формирования партнер-

ских практик. В лодке могут оказаться и разнополые люди, разных возрастов и профессий, вероисповеданий, культурных особенностей, обладающие различными компетенциями, социальными статусами, различными материальными и физическими возможностями. Подобные различия вовсе не исключают возможности для формирования партнерских практик, а лишь указывают на необходимость «совместной площадки» для демонстрации своих возможностей, для «чистого общения» и обмена мнениями в целях согласования позиции для дальнейшей совместной деятельности. Сконструированная нами модель предполагает наличие лишь одной площадки для взаимодействия – «лодки», дрейфующей в открытом, безлюдном океане. Преднамеренное ограничение пространства позволяет сосредоточиться на межсубъектных отношениях. Более широкий континуум, безусловно, открывает возможности диалога в отношении неограниченного круга субъектов, что предполагает акцентировать внимание на механизмах поиска и выбора партнеров.

Есть необходимость указать на отсутствие партнерских отношений при сохранении отношений подчинения (надзора, контроля) и субординации, поскольку в данном случае один из субъектов лишается личной внутренней мотивации к приложению усилий по достижению намеченной цели и действует исключительно в интересах и с позиции управляющего субъекта. Субъектно-субъектные отношения (коммуникации или чистое «непосредственное» общение) в этом случае замещаются субъектно-объектными, лишаящими подчиненную сторону инициативной самостоятельности действий, искренних выражений интересов и ценностных ожиданий от совместного участия. В этой модели проявляются признаки принуждения, подавления, признаки властно-распорядительных отношений, но не партнерство. Партнерство же становится возможным только в случае перевода

модели в субъект-субъектные отношения, исключаяющие сохранение властно-распорядительных функций в отношениях сторон. Здесь следует напомнить, что существенным признаком понятия «субъект» является наличие у него воли, сознания, ценностных ориентиров, целевых установок и способности к целесообразной деятельности, направленной на решение проблемы, достижение состояния ее разрешенности. Целесообразность – это действия и поведение субъекта, отвечающие интересам достижения цели. При этом, формулируемая субъектом цель лежит вне пределов совместной деятельности, а поэтому при анализе социальных практик нельзя объективно соотнести внешнюю совместную деятельность субъектов исключительно к партнерству без понимания их истинных целей. А поэтому природа партнерских практик состоит не столько в совместных действиях, сколько в понимании сути их совершения. В понимании целей их совместной деятельности и ожидаемых изменениях социальной реальности в результате совместной деятельности. Иными словами, то, ради чего субъекты ведут совместную реализацию, и определяет отнесение их деятельности к партнерской. Как отмечает В.А. Лекторский, «...общая схема деятельности не подходит для осмысления межсубъектных взаимоотношений» [5, с.27], поскольку любой деятельности должны предшествовать «значимые контуры до-деятельных сознательных переживаний в их смысловой реальности».

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что существенным отличием формирования партнерских практик выступает наличие разделяемой субъектами ценности как целевой установки для совместной деятельности. В понятие «ценность» мы вкладываем некое «свойство явления действительности» [6], понимание его важности и высокой значимости для субъекта. Субъект в нем заинтересован и испытывает потребность, ввиду

чего «ценность» и выступает ориентиром его социальной деятельности. Например, общественную безопасность мы понимаем как состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств. Ценность и значимость обеспечения общественной безопасности воспринимается фактически каждым субъектом общества, за исключением деструктивных элементов. Однако практическое ее обеспечение требует решения большого количества проблем и задач в самых различных областях, от организационно-правовых до информационных, социально-экономических, политических и т. д., посредством реализации соответствующего комплекса мер. Единоличная реализация этих мер специализированными субъектами правоохраны, вне конструктивного взаимодействия с иными субъектами правоохранительной направленности, представляется менее результативной, что вызывает необходимость поиска форм их совместной реализации. Одной из таких форм выступает социальное партнерство. В результате общественная безопасность в категории «ценность» выступает индикатором поиска активных и заинтересованных субъектов, осознанное понимание которыми взаимного интереса побуждает к активным действиям в постижении партнерских практик. К сожалению, существующая практика социального партнерства в правоохранительной сфере не всегда отражает наличие всего комплекса обязательных атрибутивных признаков. Отличие одного из которых не позволяет в полной мере соотнести их к истинному партнерству. Различные же примеры предпартнерского взаимодействия достаточно широко освещены в работах, посвященных возрождению народных дружин [7, 8], организации добровольческих и поисковых организаций [9], взаимодействию со СМИ [10] и т. д.

Обязательным условием выстраивания партнерства выступает наличие

совместной площадки и согласительных процедур («обмен символами», идеями, представление позиций и т. п.). Согласуемое с нашей позицией понимание партнерства можно встретить у Иванова В.Н. и Патрушева В.И., которые рассматривают его как «...тип социальных отношений, направленный на развитие согласованных действий» [11, с. 74], а также представляют его как «процесс, направленный на достижение положительного результата в совместной деятельности партнеров этого взаимодействия» [11, с. 76]. В обоих случаях, сущностная особенность партнерства сводится авторами к отношениям постоянного согласования повседневной практической деятельности, основной целью которой является решение общих задач, опосредованных ценностными установками. Иными словами, разделяемые партнерами ценностные установки выступают основой их социального взаимодействия и формируют целевые ориентиры и ожидания от совместных действий. При этом, реализуемое социальное взаимодействие понимается исключительно с позиции *взаимного* (постоянного, регулярного, систематического) влияния субъектов друг на друга, имеющих целью вызвать соответствующую, обратную реакцию со стороны партнера. В иной конфигурации мы будем иметь дело с социальным действием, имеющим целью изменить установки, стремления и поведение другого субъекта, т. е. односторонне, без принятия желаний и возможности «меняться самому». В этой связи уместно использовать понятие «интеракции» Дж. Мида [12], понимаемые им как взаимное влияние друг на друга в процессе непрерывного диалога (межличностной коммуникации), что, кстати сказать, представляет возможности для исследования социального партнерства с позиции теории коммуникативного действия Юргена Хабермаса [13].

Вся суть социального партнерства – это совместное решение общих для участников проблем, реализуемое на ос-

нове процедур согласования интересов, взаимного учета позиций взаимодействующих сторон, целевых установок и ценностных ожиданий. Участники в процессе взаимодействия могут обмениваться любыми материальными благами, идеями, информацией, осуществлением различной деятельности и т. п. Важнейшей особенностью такого взаимодействия должна выступать способность человека понимать то, как его воспринимает партнер, примерять (принимать, ощущать) роль партнера в процессе осуществления взаимного влияния.

Заключение. Проведенный анализ позволит правильно квалифицировать совместные действия субъектов взаимодействия, в том числе и в правоохранительной сфере, как партнерские, а также предложить меры по их активизации в целях развития действительных (истинных) партнерских практик. В этой связи, учитывая современное состояние правоохранительной сферы, представляется, что одной из главных стратегических задач ведомства является создание и обеспечение условий для устойчивого развития и постоянного присутствия в ней самостоятельных общественных организаций, проявляющих активность, инициативность и новаторство в области противодействия преступности, обеспечения общественного порядка, безопасности личности и соблюдению прав человека. И только масштабное появление подобных неспециализированных субъектов правоохранительной направленности способно обеспечить последующую актуализацию «социальных площадок» для обоюдной идентификации субъектов на предмет выявления целевых и ценностных установок, реализацию действительной партнерской практики.

На основе проведенного анализа предлагаем авторское определение социального партнерства. *Социальное партнерство* – это форма взаимодействия, в основе которого положена разделяемая субъектами ценность, порождающая вза-

имную заинтересованность и стремление к совместным согласованным действиям по поводу разделяемой ценности. Отсюда, *социальное партнерство в правоохранительной сфере* определяется нами как взаимодействие субъектов (индивидов, отдельных групп, организаций), для которых

состояние общественной безопасности и соблюдения законности выступает ценностным ориентиром и на этом основании порождает взаимную заинтересованность и стремление к согласованию совместной позиции по консолидации усилий для достижения общих целей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Щепанский Я. Элементарные понятия социологии. – М.: Прогресс, 1969. – 237 с.
2. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М., 2002. – 880 с.
3. Фетискин В.В. Человек в своей деятельности. – М.: Восход, 2011. – 277 с.
4. Сагатовский В.Н. Категориальный контекст деятельности подхода. Деятельность: теория, методология, проблемы. – М.: Политиздат, 1990. – 365 с.
5. Лекторский В.А., Гараи Л. О теориях деятельности: диалог о том, чем они богаты и чего в них недостает (беседа В.А. Лекторского и Л. Гараи) // Вопросы философии. 2015. № 2. – С. 25–37.
6. Гуманитарный портал. Ценность. 2023. [Обновлено 29 октября, процитировано 20 ноября 2023] [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/concepts/6895>;
7. Ходжаева Е. Возрождение ДНД (добровольных народных дружин) в России: пример, навязанный сверху мобилизации // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2019. № 3.
8. Лащенко М.С. О готовности органов внутренних дел к формированию социального партнерства в правоохранительной сфере // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 3. – С. 326–334.
9. Наилучшая практика построения партнерства между полицией и обществом. ОБСЕ, отдел стратегических вопросов полицейской деятельности. Австрия, 2008. [Обновлено 30 марта 2022, процитировано 20 ноября 2023] [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.osce.org/files/f/documents/8/c/32548.pdf>;
10. Намруева Э.В. Взаимодействие органов внутренних дел со средствами массовой информации // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2020. Вып. 4(12). – С. 104–111.
11. Теория управления: социально-технологический подход. Энциклопедический словарь / под ред. В.И. Иванова, В.И. Патрушева. – М., 2004.
12. Мид Дж.Г. Философия настоящего / пер. с англ. В.Г. Николаева. – М., 2014. – 272 с.
13. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2000. – 377 с.

REFERENCES:

1. Shchepansky J. Elementary concepts of Sociology. M.: Progress, 1969; 237.
2. Parsons T. On the structure of social action. M., 2002; 880.
3. Fetiskin V.V. A Man in his activity. M.: Voskhod, 2011; 277.
4. Sagatovsky V.N. Categorical context of the activity approach. Activities: theory, methodology, problems. M.: Politizdat, 1990; 365.
5. Lektorsky V.A., Garai L. On theories of activity: a dialogue about what they are rich in and what they lack (conversation between V.A. Lektorsky and L. Garai) // Questions of Philosophy. 2015. 2: 25–37.
6. Humanitarian portal. Value. 2023. [Updated October 29, cited November 20, 2023] [Electronic resource]. Access mode: <https://gtmarket.ru/concepts/6895>;
7. Khodzhaeva E. Revival of the VND (voluntary people's squads) in Russia: an example of mobilization imposed from above // Laboratorium: journal of social research. 2019; 3.

8. Laschenov M.S. On the readiness of internal affairs bodies to form social partnerships in the law enforcement sphere // Social and humanitarian knowledge. 2020. 3: 326–334.

9. Best practices for building police-community partnerships. OSCE, Strategic Policing Unit. Austria, 2008. [Updated March 30, 2022, cited November 20, 2023] [Electronic resource]. Access mode: <https://www.osce.org/files/f/documents/8/c/32548.pdf>;

10. Namrueva E.V. Interaction of internal affairs bodies with the media // Bulletin of Maikop State Technological University. 2020. 4 (12): 104–111.

11. Management theory: socio-technological approach. Encyclopedic Dictionary / ed. by V.I. Ivanov, V.I. Patrushev. M., 2004.

12. Mead J.G. Philosophy of the present / trans. from English by V.G. Nikolaev. M., 2014; 272 p.

13. Habermas Yu. Moral consciousness and communicative action. St. Petersburg: Nauka, 2000; 377 p.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflict of interest

Информация об авторе

Михаил Сергеевич Лащёнов, кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и методологии государственного управления,

*ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России», Москва, Российская Федерация
e-mail: laschenov.m@yandex.ru
тел.: +7(999)9003544*

Information about the author

Mikhail S. Laschenov, Ph.D (Sociology), Associate Professor, the Department of Theory and Methodology of Public Administration, FSPEI HE «Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia», Moscow, the Russian Federation

*e-mail: laschenov.m@yandex.ru
tel.: +7(999)9003544*

Поступила в редакцию 05.10.2023

Поступила после доработки 24.11.2023

Принята к публикации 24.11.2023

Received 05.10.2023

Revised 24.11.2023

Accepted 24.11.2023

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-153-161>

УДК 316.35

© 2023

Н.О. Соколова

Теоретико-методологические основания исследования проблем развития социальных ресурсов территориальных общностей

*Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация*

Аннотация

Статья посвящена разработке теоретико-методологических оснований исследования проблем развития социальных ресурсов территориальных общностей. *Актуальность исследования* обусловлена сформировавшимся в современном обществе социальным заказом на эффективное и оптимальное использование имеющихся на территории социальных ресурсов, как основы для развития. *Цель работы* заключается в определении теоретических и методологических оснований изучения проблем развития социальных ресурсов территориальных общностей. *Теоретическое обоснование и методы исследования* заложены трудами отечественных и зарубежных социологов, которые обосновывают важность ресурсного подхода для развития социально-экономических систем. Применение системного анализа позволило выявить взаимообусловленность развития социальных ресурсов и территории. Совокупность составляющих социальных ресурсов личности, предложенная В.А. Ядовым, наиболее содержательно отражает целевые ориентиры данного исследования. Предлагается использовать данный материал для формирования социологического инструментария получения первичной информации. Использование данных статистики позволяет получить объективное представление о состоянии среды и основных тенденциях территориального развития. Систематизация фактологических и оценочных данных обладает существенным потенциалом, который будет реализован в рамках построения исследовательского конструкта. *Резюмируя*, можно говорить о том, что сложность и многоплановость понятия «социальные ресурсы» проецируется на процесс формирования методологических оснований исследования. Системный подход позволяет обратиться к анализу субъективных и объективных данных и сопоставить полученные материалы. Опираясь на ресурсный подход, можно сформулировать меры по повышению эффективности развития как территориальной общности в целом, так и отдельных составляющих социальных ресурсов.

Ключевые слова: социальные ресурсы; ресурсный подход; территориальные общности; среда; управление; развитие территории

Для цитирования: Соколова Н.О. Теоретико-методологические основания исследования проблем развития социальных ресурсов территориальных общностей // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 4. – С. 153-161. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-153-161>.

N.O. Sokolova

Theoretical and methodological foundations for studying the problems of developing social resources of territorial communities

*Institute of Sociology and Regional Studies, The Southern Federal University,
Rostov-on-Don, the Russian Federation*

Abstract

The article is devoted to the development of theoretical and methodological foundations for studying the problems of developing social resources of territorial communities. *The relevance* of the research is due to the social order formed in modern society for the effective and optimal use of the social resources available in the territory as the basis for development. *The purpose of the research* is to determine theoretical and methodological foundations for studying the problems of developing social resources of territorial communities. *Theoretical substantiation and research methods* were laid by the works of domestic and foreign sociologists who substantiated the importance of the resource approach for the development of socio-economic systems. The application of system analysis made it possible to reveal the interdependence of the development of social resources and the territory. The totality of the components of the social resources of an individual, proposed by V.A. Yadov, most meaningfully reflects the targets of this research. In this regard, it has been proposed to use this material for the formation of sociological tools for obtaining primary information (questionnaires). The use of statistical data makes it possible to obtain an objective idea of the state of the environment and the main trends in territorial development. The systematization of factual and evaluative data has significant potential, which will be realized as part of the construction of a research construct. *Summarizing*, it can be said that the complexity and diversity of the concept of «social resources» is projected onto the process of forming the methodological foundations of the research. A systematic approach allows us to turn to the analysis of subjective and objective data and compare the received materials. Relying on the resource approach, it is possible to formulate measures to improve the development efficiency of both the territorial community as a whole and individual component of social resources.

Keywords: social resources; resource approach; territorial communities; control; territory development

For citation: Sokolova N.O. *Theoretical and methodological foundations for studying the problems of developing social resources of territorial communities // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2023. Volume 15, No 4. P. 153–161. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-153-161>.*

Введение. Актуальность изучения источников развития социальных ресурсов территориальной общности обусловлена осознанием научным сообществом и управленческим корпусом эмерджентной сути данного процесса и заложенного в нем потенциала для развития самой территории. Важность результатов такого исследования связана с возможностью разработки новых подходов к повышению

эффективности управления ресурсами территории.

Цель работы заключается в определении теоретических и методологических оснований изучения проблем развития социальных ресурсов территориальных общностей.

Новизна данного исследования связана с тем, что знание о социально-экономической среде имеет относительный

характер, обусловленный динамикой развития современного общества, которая в последнее время благодаря цифровизации вышла на новый уровень ускорения. Разрабатываемые в статье направления исследования проблемы развития социальных ресурсов позволяют конкретизировать ситуацию и составить новый взгляд на решение исследовательской задачи, по-новому расставить акценты при повышении эффективности развития социально-экономической системы территорий.

Основная часть.

Теоретическое обоснование и методы исследования.

Исследование выстраивается на основе системного анализа, позволяющего рассматривать как единое целое социальные ресурсы территории и окружающую среду, в рамках которой они развиваются. Акцент в исследовании делается на взаимообусловленность процессов развития территории и развития социальных ресурсов. Качество и количество социальных ресурсов определяет динамику развития территориальной общности, что является результатом коллективной деятельности. Социальные ресурсы суть потенциал развития, возможность изменений в социально-экономической системе. В то же время территория – это внешняя среда для развития социальных ресурсов. Поэтому качество среды определяет благоприятные или неблагоприятные условия для развития социальных ресурсов. При этом комфортные условия обуславливают воспроизводство ресурсов и активизацию их развития, обеспечивая оптимизацию усилий по достижению желаемого состояния. На основе утверждения о взаимозависимости процессов развития территории и ее социальных ресурсов будет выстраиваться логика дальнейшего исследования, включающая подробный анализ внутренних и внешних факторов, влияющих на формирование социальных ресурсов. В работе применяются такие общенаучные методы

и исследовательские приемы, как синтез и анализ, обобщение, сравнение. Вместе с этим применялись специализированные методы. В частности, акцент в исследовании делается на применение ресурсного подхода, который в наибольшей степени соответствует поднимаемой в данной работе проблеме. Анализ теоретических наработок отечественных и зарубежных ученых позволит вывести и обобщить основные тенденции в изучении проблем и источников развития социальных ресурсов территориальных общностей.

Результаты исследования и их обсуждение.

Разнообразие используемых учеными подходов к исследованию социальных ресурсов базируется на достаточно широкой логико-понятийной основе, в рамках которой интерпретируется понятие «социальные ресурсы». Несмотря на его междисциплинарность, наиболее раннюю и скрупулезную проработку оно получило в экономических науках, особенно в рамках сферы управления. На это обратили внимание О.С. Бекетова и А.И. Гришак [1], которые, объединив наработки отечественных и зарубежных исследователей, проблемы развития социальных ресурсов, указали на следующие концепции: «1) человеческого фактора, 2) человеческих ресурсов, 3) человеческого потенциала, 4) человеческого капитала, 5) социального капитала» [1, с. 27]. Концепция человеческого фактора является самой первой в цепочке развития научной мысли в направлении решения проблем, связанных с социальными ресурсами. В ходе исследований Э. Мэйо [26] определил, что влияние окружения на поведение человека проявляется намного сильнее, чем влияние управляющего воздействия. Этот научный факт получил подтверждение в исследованиях многих ученых (Г.Х. Шингаров, Г.И. Царегородцев, И.Е. Задорожнюк, [19]). Основоположники концепции человеческих ресурсов (Р.Лайкерт, [25]; Ф.Герцберг, [24])

выявили возможность воздействовать на них с целью повышения эффективности управления. Концепция человеческого потенциала (Н.М.Римашевская, [15]; Т.И. Заславская, [9]) обосновывает тезис, что, эволюционируя в ходе своего развития, социальные ресурсы «превращаются в источник инновационных преобразований общества». При этом критерием оценки ситуации служит индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), учитывающий продолжительность жизни, уровень жизни и образование населения территории. Для ученых (Т.У. Шульц, [28]; Г. Беккер, [23]), разрабатывавших концепцию человеческого капитала, стала очевидна необходимость активизировать ресурсы посредством инвестиций в развитие социальной среды. Концепция социального капитала (В.В. Радаев, [13]), согласно О.С. Бекетовой и А.И. Гришак, предполагает возможность конвертации «ресурсной «составляющей» и социальных взаимоотношений» [1, с. 33]. Данное положение хорошо согласуется с выстраиваемой в данной работе логикой исследования проблем развития социальных ресурсов территориальных общностей.

Исходя из темы исследования, самым очевидным методологическим основанием является ресурсный подход. Как отмечает В.Н. Шиян: «Факты свидетельствуют, что ресурсный подход способствует решению социальных проблем в целом, снижению социальной напряженности на рассматриваемой территории, оздоровлению на ней ситуаций с соблюдением правопорядка...» [20, с. 28]. Обоснование целесообразности применения ресурсного подхода достаточно широко представлено в работах зарубежных (П. Бурдье, [2]; Р. Патнэм, [27]; Э. Гидденс, [4]) и российских ученых (Т.И. Заславская, [9]; В.В. Радаев, [13]; Н.Е. Тихонова, [17]). Раскрывая вопрос о формировании методологического конструкта научного исследования, обратимся к следующим предпосылкам его создания. Во-первых, важное значение для фор-

мирования теоретико-методологической базы исследования имеют предложенные А.В. Дятловым подходы к анализу социальных ресурсов: структурный (в социальных ресурсах заключен воспроизводственный потенциал «существующей социальной структуры, обусловленный социальными позициями и институциональными предписаниями» [7, с. 21.]); деятельный (социальные ресурсы предопределяют «способность общества к развитию, реализующемуся через устремления и активность субъектов» [7, с. 21–22]). Первый подход позволяет применить в исследовании стратификационный анализ, фиксирующий характер распределения ресурсов в социальной среде (с возможностью выделения сильноресурсных и слаборесурсных групп). Отметим, что ресурсный подход и стратификационный анализ социальной среды связывают в своих исследованиях Н.Е. Тихонова, М.К. Горшков [5], Ю.А. Дроздова [6], А.В. Дятлов [8], А.А. Чернега [18]. Второй подход актуализирует использование не только фактологической информации, но и предполагает использование данных, имеющих оценочный характер. Таким образом, определяется инструментарий исследования – анкета, раскрывающая отношение респондентов к среде их жизнедеятельности, оценку их устремлений, потребностей и вектор социальной активности.

Во-вторых, территориальный аспект, включенный в тему исследования, предопределяет специфику, которую нужно учитывать при проведения анализа факторов внешней и внутренней среды. Территориальная общность – это сложная социально-экономическая система. Поэтому ее развитие – это результат двух взаимодополняющих процессов, интегрирующихся в итоговый вектор изменения социальной среды. Один из этих процессов обусловлен воздействием со стороны управленческой системы. Здесь важное значение имеет целеориентация органов управления: акцент на социаль-

ную оптимизацию или на социальную эффективность определит качество среды, которое воспроизводится на конкретной территории. Территория, выступая внешней средой для социальных ресурсов, определяет ограничительные рамки для их развития. На это обращают внимание отечественные ученые, работающие в данном направлении. Как указывает А.В. Вотинов, «среда обитания, условия жизни воздействуют на формирование человеческого капитала не меньше, чем возможность аккумулировать знания и навыки» [3, с. 178]. Об этом же пишет И.И. Новикова, которая считает, что «основным инструментом привлечения ценных человеческих ресурсов и важнейшей составляющей региональной конкурентоспособности выступает уровень жизнеобеспечения населения» [12, с. 352]. Объективным источником информации о состоянии социально-экономической среды являются данные статистических отчетов (в том числе, уровень доходов, прожиточный минимум, уровень безработицы/занятости, естественный прирост/убыль населения, продолжительность жизни). Исследования, которые провели Т.А. Зудочкина [10], Т.Е. Родина [16], демонстрируют достаточную информативность статистических данных для целей анализа состояния жизнеобеспечивающего уровня территории. Помимо этого, И.А. Янкиной отмечается, что неэффективность действий системы управления грозит в будущем (в случае отсутствия корректирующих мероприятий) «перерасти в состояние частичной функциональной парализации и порождать дисфункциональные и деструктивные явления и процессы» [22, с.137] в социальной среде. Таким образом, исследователи отводят важное место территориальной специфике в процессе формирования и развития социальных ресурсов и связывают ее с проблемой эффективного управления. Второй процесс связан с силами саморазвития социально-экономической

системы, обладающей определенным потенциалом к изменению, детерминированным состоянием социальных ресурсов территории. Исследователи, А.В. Рачипа и И.А. Янкина, отмечают, что большое значение для социальной среды имеет «роль человека не только как наблюдателя и аудитора жизненного пространства, но и как его активного конструктора и преобразователя» [14, с. 77]. По этому поводу И.В. Нечаева пишет, что «социоресурсная основа деятельности индивида в комплексе объединяет внешние, объективные ресурсы социальной среды и субъективные социальные диспозиции личности, которые при воздействии (отсутствии воздействия) ресурсов государственной политики способны приобрести вектор самостоятельного либо стимулируемого развития...» [11, с. 26]. Как пишет Дроздова Ю.А., уникальность социальных ресурсов конкретной территории проявляется «в свойствах капитализироваться и постоянно воспроизводиться, восполняться вследствие развития территориальных общностей» [6, с. 83]. Все это указывает на необходимость оформления исследовательской активности в отношении изучения субъективных оценок жителей территории (что актуализирует применение опросных методик). Социальная ангажированность рефлексии респондентов позволит определить не только уровень комфортности социально-экономической среды, но и заложенный в ней потенциал саморазвития. В этой связи самым оптимальным представляется использование для формирования структуры анкетного опросника – списка элементарных составляющих социального ресурса личности, который предложил В.А. Ядов: «стартовый капитал (социальное происхождение и первичная социализация); возраст; состояние здоровья; образование, квалификация; активное владение иностранными языками; уровень материального благосостояния; проживание в мегаполисе или крупном городе; наличие обширной цепи

межличностных взаимосвязей; гендерная принадлежность; этнокультурная или национальная принадлежность; принадлежность к определенной религиозной конфессии; высокая личностная самооценка, интернальность; готовность к риску; способность к адаптации» [21, с. 314–317]. Полнота и содержательность данного списка подтверждается тем, что в нем учтены все факторы, определяющие состояние социальных ресурсов, на которые указывали в своих исследованиях отечественные и зарубежные социологи.

Подводя итоги проведенному концептуально-методологическому обзору научных работ социологов, реализующих свою деятельность в рамках исследования проблем развития социальных ресурсов, определимся с методами исследования, которые будем использовать в ходе изучения социальных ресурсов территориальной общности:

- вторичный анализ информации на основе анализа статистических данных, полученных на сайте Федеральной службы государственной статистики;

- анализ субъективной информации, полученной по результатам анкетирования представителей территориальной общности. Опрос включает два блока вопросов: об отношении к социально-экономической ситуации на территории (оценка комфорт-

ности социальной среды) и самооценка собственной жизнедеятельности и притязаний.

Предложенная структура конструкта исследования позволит системно оценить происходящие изменения, зафиксировав основные тенденции, а также определить удовлетворенность респондентов средой реализации своей жизнедеятельности.

Заключение. В ходе разработки теоретико-методологических оснований исследования проблем развития социальных ресурсов территориальных общностей были определены основные составляющие исследовательского конструкта. Обзор проведенных в этой области исследований позволяет уточнить актуальные доминанты современного научного интереса отечественных и зарубежных изысканий и позволит корректно расставить акценты в нашем исследовании. Выявлено, что сложность и многоплановость понятия «социальные ресурсы» проецируется на процесс формирования методологических оснований исследования. Системный подход позволяет обратиться к анализу субъективных и объективных данных и сопоставить полученные материалы. В результате, опираясь на ресурсный подход, можно сформулировать меры по повышению эффективности развития как территориальной общности в целом, так и отдельных составляющих социальных ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бекетова О.С., Гришак А.И. Сравнительная характеристика концепций социальных ресурсов управления // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 8. – С. 27–33.
2. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. – С. 60–74.
3. Вотинов А.В. Социальные ресурсы экономического развития региона // Социология власти. 2012. № 2. – С. 175–182.
4. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. – М: Академический Проект, 2005. – 528 с.
5. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Богатство и бедность в представлениях россиян // Социологические исследования. 2004. № 3. – С. 16–21.
6. Дроздова Ю.А. Ресурсный подход в исследовании территориальных общностей // Вестник Института социологии. 2019. № 1(10). – С. 82–103.
7. Дятлов А.В. Социальные ресурсы развития российского общества: дис. ... д-ра социол. наук. – Ростов н/Д: РГУ, 2005.

8. Дятлов А.В. Социальные ресурсы в контексте «динамического поля» // Теория и практика общественного развития 2005. № 1. – С. 9–21.
9. Заславская, Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность, 2005. № 3. – С. 5–16.
10. Зудочкина Т.А. Современные тенденции формирования социальных ресурсов депрессивных территорий Саратовской области // Закономерности развития региональных агропродовольственных систем. 2019. № 1. – С. 42–46.
11. Нечаева И.В. Социальные ресурсы развития аграрного предпринимательства // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 1. – С. 24–30.
12. Новикова И.И. Оценка социальных ресурсов, влияющих на конкурентоспособность сельских территорий // Островские чтения. 2018. № 1. С. 352–357.
13. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 5–16.
14. Рачипа А.В., Янкина И.А. Социологический подход к анализу качества жизни молодежи: теоретический и методологический аспекты // Казанская наука. 2011. № 6. – С. 76–78.
15. Римашевская Н.М. Человеческий потенциал России: взгляд в 21 век // Народонаселение. 1999. № 1. – С. 9–19.
16. Родина Т.Е. Социальные ресурсы и методы их увеличения // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2010. № 5(81). – С. 120–126.
17. Тихонова. Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социологические исследования. 2006. № 9(269). – С. 28–40.
18. Чернега А.А. Специфика социальных ресурсов: от понимания к применению // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2-2. – С. 157–161.
19. Шингаров Г.Х., Царегородцев Г.И., Задорожнюк И.Е. Человеческий фактор – важнейшее условие общественного прогресса в XXI веке // Труды СГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Вып. 85. – С. 113–124.
20. Шиян В.Н. Социальные ресурсы российского Дальнего Востока в его стратегической модернизации // Власть и управление на Востоке России. 2015. № 4 (73) – С. 22–31.
21. Ядов В.А. Социальный ресурс индивида и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе. Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. – М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2001. – С. 310–319.
22. Янкина И.А. Качество жизни населения как критерий эффективности управления городской средой // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2009. № 5(48). – С. 133–137.
23. Becker G. Human capital. 2nd edition. Columbia University Press, New York, 1964.
24. Herzberg F. One More Time: How Do You Motivate Employees? // Harvard Business Review, 2003. No. 46(1). P. 53–62.
25. Likert R. The Human Organization: Its Management and Value. New York: McGraw-Hill, 1967. 258 p.
26. Mayo G.E. The Basis of Industrial Psychology// Bulletin of the Taylor Society. 1924. № 9. P. 249–259.
27. Putnam R. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // The Journal of Democracy. 1995. № 6(1). P. 65–78.
28. Schulz, T.W. Investment in human capital // American Economic Review. 1961. Vol. 51, No 1. P. 1–17.

REFERENCES:

1. Beketova O.S., Grishak A.I. Comparative characteristics of the concepts of social management resources // Social and humanitarian knowledge. 2013. 8: 27–33.
2. Bourdieu P. Forms of capital // Economic sociology. 2002. 3 (5): 60–74.

3. Votinov A.V. Social resources of economic development of the region // *Sociology of power*. 2012. 2: 175–182.
4. Giddens E. *The structure of society: an essay on the theory of structurization*. M: Academic Project, 2005; 528.
5. Gorshkov M.K., Tikhonova N.E. Wealth and poverty in the views of Russians // *Sociological Research*. 2004. 3:16–21.
6. Drozdova Yu.A. Resource approach to the study of territorial communities // *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2019. 1(10): 82–103.
7. Dyatlov A.V. Social resources for the development of Russian society: dis. ... Dr Sci. (Sociology). Rostov n/d: RSU, 2005.
8. Dyatlov A.V. Social resources in the context of a «dynamic field» // *Theory and practice of social development* 2005.1: 9–21.
9. Zaslavskaya, T.I. Human potential in the modern transformation process // *Social sciences and modernity*, 2005. 3: 5–16.
10. Zudochkina T.A. Modern trends in the formation of social resources in depressed territories of the Saratov region // *Patterns of development of regional agro-food systems*. 2019. 1: 42–46.
11. Nechaeva I.V. Social resources for the development of agricultural entrepreneurship // *News of Saratov University. Series: Sociology. Political science*. 2014. 14(1): 24–30.
12. Novikova I.I. Assessment of social resources influencing the competitiveness of rural areas // *Ostrovskie readings*. 2018. 1: 352–357.
13. Radaev V.V. The concept of capital, forms of capital and their conversion // *Social sciences and modernity*. 2003. 2: 5–16.
14. Rachipa A.V., Yankina I.A. Sociological approach to the analysis of the quality of life of young people: theoretical and methodological aspects // *Kazan Science*. 2011. 6: 76–78.
15. Rimashevskaya N.M. Human potential of Russia: a look into the 21st century // *Population*. 1999. 1: 9–19.
16. Rodina T.E. Social resources and methods of increasing them // *Scientific notes of the Russian State Social University*. 2010. 5(81): 120–126.
17. Tikhonova N.E. Resource approach as a new theoretical paradigm in stratification studies // *Sociological Research*. 2006. 9(269): 28–40.
18. Chernega A.A. Specifics of social resources: from understanding to application // *Bulletin of Kemerovo State University*. 2014. 2-2: 157–161.
19. Shingarov G.Kh., Tsaregorodtsev G.I., Zadorozhnyuk I.E. The human factor is the most important condition for social progress in the 21st century // *Proceedings of SSU. Series: Humanities*. 2015. 85: 113–124.
20. Shiyan V.N. Social resources of the Russian Far East in its strategic modernization // *Power and management in the East of Russia*. 2015. 4 (73): 22–31.
21. Yadov V.A. Social resource of an individual and groups as their capital: the possibility of using a universal methodology for studying real stratification in Russian society. Who is trying to lead Russia and where? Actors at the macro, meso and micro levels of the modern transformation process. M.: Moscow Higher School of Social and Economic Sciences, 2001; 310–319.
22. Yankina I.A. Quality of life of the population as a criterion for the effectiveness of urban environment management // *Humanitarian and socio-economic sciences*. 2009. 5(48):133–137.
23. Becker G. *Human capital*. 2nd edition. Columbia University Press, New York, 1964.
24. Herzberg F. One More Time: How Do You Motivate Employees? // *Harvard Business Review*, 2003. 46(1): 53–62.
25. Likert R. *The Human Organization: Its Management and Value*. New York: McGraw-Hill, 1967. RUR 258.
26. Mayo G.E. *The Basis of Industrial Psychology* // *Bulletin of the Taylor Society*. 1924. 9: 249–259.

27. Putnam R. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // The Journal of Democracy. 1995. 6(1): 65–78.
28. Schulz, T.W. Investment in human capital // American Economic Review. 1961. 51(1): 1–17.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflict of interest

Информация об авторе

***Нина Оганесовна Соколова**, аспирант
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
e-mail: nina.chizhickova@yandex.ru
тел.: +7(928)1608181*

Information about the author

***Nina O. Sokolova**, Postgraduate student,
Institute of Sociology and Regional Studies,
The Southern Federal University, Rostov-on-Don,
the Russian Federation
e-mail: nina.chizhickova@yandex.ru
tel.: +7(928)1608181*

Поступила в редакцию 17.09.2023
Поступила после доработки 28.10.2023
Принята к публикации 28.10.2023
Received 17.09.2023
Revised 28.10.2023
Accepted 28.10.2023

Научное издание

Ежеквартальный рецензируемый научный журнал «Вестник Майкопского государственного технологического университета».

Том 15 № 4 2023

Издательство ФГБОУ ВО «МГТУ»

385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191.

Подписано в печать 27.12.2023 г.

Бумага Xerox Performer. Печать цифровая.

Гарнитура Times. Усл. п.л. 18,83. Тираж 500 экз. Заказ 060.

Отпечатано с готового оригинал-макета

на участке оперативной полиграфии ИП Кучеренко В.О.

385008, г. Майкоп, ул. Пионерская, 403/33.

Тел. для справок 8-928-470-36-87.

E-mail: slv01.maykop.ru@gmail.com